
Фонд Фридриха Науманна
Всероссийская государственная библиотека
иностранной литературы им. М.И. Рудомино
Ассоциация исследователей российского общества
(АИРО-XXI)

СТАРО-НОВЫЕ РОССИЙСКИЕ МИФЫ: КРИЗИС ЗНАНИЯ ИЛИ СОЗНАНИЯ?

МАТЕРИАЛЫ
РОССИЙСКО-НЕМЕЦКОГО ФОРУМА

*Москва, Овальный зал ВГБИЛ
3 декабря 2008 года*

Под редакцией
Фалька Бомсдорфа, Геннадия Бордюгова, Екатерины Гениевой

МОСКВА
2009

Научно-вспомогательная работа
Надежда Козлова

Дизайн, оформление
Сергей Щербина

СТАРО-НОВЫЕ РОССИЙСКИЕ МИФЫ: КРИЗИС ЗНАНИЯ ИЛИ СОЗНАНИЯ? Материалы российско-немецкого форума. Москва, Оваль-ный зал ВГБИЛ, 3 декабря 2008 г. Под ред. Фалька Бомсдорфа, Геннадия Бордюгова, Екатерины Гениевой. — М.: Фонд Фридриха Науманна; АИРО-XXI, 2009. — 192 с. ISBN 978-5-91022-106-6.

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОГРАММА ФОРУМА	5
ОТКРЫТИЕ ФОРУМА	7
Первое заседание Миф «УМОМ РОССИЮ НЕ ПОНЯТЬ...»	17
Второе заседание Миф «СТАЛИН»	67
Третье заседание Миф «У РОССИИ ОСОБЫЙ ПУТЬ»	115
Четвёртое заседание Миф «ЗАПАД»	156
ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНЫЕ КОММЕНТАРИИ	187
СВЕДЕНИЯ ОБ УЧАСТНИКАХ ФОРУМА.....	189

Программа форума

Открытие

Фальк Бомсдорф, Руководитель Московского бюро Фонда Фридриха Науманна

Вальтер Шмид, Посол Федеративной Республики Германия в России

Екатерина Гениева, Генеральный Директор ВГБИЛ

Геннадий Бордюгов, Руководитель Международного Совета АИРО-XXI

Введение в тему

Григорий Померанц, философ, публицист

1 миф — «Умом Россию не понять...»

Вступительное слово: *Людмила Улицкая, писатель*

Ведущий: *Карл Аймермахер, профессор, бывший Директор Лотмановского Института Рурского Университета*

Взгляд на проблему:

— *Станислав Куняев, писатель, Главный редактор журнала «Наш современник»*

— *Виктор Ерофеев, писатель, телеведущий и автор программы «Апокриф»*

Комментарий социолога: *Лев Гудков, Директор Левада-Центра*

Дискуссия

Заключительное слово ведущего

2 миф — «Сталин»

Вступительное слово: *Бернд Бонвеч, профессор, Директор Германского Исторического Института в Москве*

Ведущий: *Андрей Сорокин, Генеральный Директор издательства РОССПЭН*

Взгляд на проблему:

— *Александр Проханов, писатель, главный редактор газеты «Завтра»*

— *Александр Даниэль, Международное Общество «Мемориал»*

6 *Старо-новые российские мифы: кризис знания или сознания?*

Комментарий социолога: *Борис Дубин, Левада-Центр*

Дискуссия

Заключительное слово ведущего

3 миф — «У России — особый путь»

Вступительное слово: *Клаус-Хельге Донат, корреспондент «Die Tageszeitung»*

Ведущий: *Сергей Мироненко, профессор, Директор Государственного архива Российской Федерации*

Взгляд на проблему:

— *Сергей Сергеев, главный редактор журнала «Москва»*

— *Леонид Гозман, сопредседатель партии «Правое дело»*

Комментарий социолога: *Алексей Левинсон, Левада-Центр*

Дискуссия

Заключительное слово ведущего

4 миф — «Запад»

Вступительное слово: *Марк Урнов, профессор Высшей школы экономики*

Ведущий: *Борис Райтшустер, Московский корреспондент журнала «Фокус»*

Взгляд на проблему:

— *Максим Шевченко, телеведущий, Главный редактор журнала «Смысл»*

— *Федор Лукьянов, главный редактор журнала «Россия в глобальной политике»*

Комментарий социолога: *Наталья Зоркая, Левада-Центр*

Дискуссия

Заключительное слово ведущего

Подведение итогов форума

Открытие форума

Фальк Бомсдорф

Я хотел бы сердечно поприветствовать Вас от имени Фонда Фридриха Науманна. Мы очень рады тому, что Вы приняли наше приглашение. И мы также рады тому, что мы можем провести этот коллоквиум в таком прекрасном Овальном Зале. Как мне кажется, в нем царит особая атмосфера: здесь веет дух искренности и толерантности. Поэтому я благодарен нашему партнеру, Библиотеке иностранной литературы, и особенно ее директору, Екатерине Юрьевне Гениевой, за то, что она предоставила в наше распоряжение этот замечательный зал. Я также благодарен Геннадию Бордюгову и его Ассоциации, ещё одному нашему партнеру, за организацию этого мероприятия.

В 1994 году, то есть во второй год своей деятельности здесь в России, Фонд Фридриха Науманна начал проводить мероприятия по теме «Мифы». Работу над этой темой Фонд продолжал на протяжении всех этих лет. Работа над мифами не требует пояснений. Просвещение — это не эра, которая прошла. Просвещение — это скорее процесс, который нужен нам всем и от которого не может отказаться ни одна страна. Важным элементом процесса просвещения является критика мифов. Мифы относятся к эмоциональному фундаменту наций. Они приходят из прошлого, но действуют в настоящем и влияют на будущее.

Сейчас в России мифы играют особую роль. Надо констатировать, что в России, наверное, как в никакой другой стране мира, мифы продолжают действовать. Существует, как мне кажется, множество признаков того, что за последние 10 лет Россия пришла к ремифологизации. Такой процесс противоречит необходимости процесса просвещения. В классическом определении Канта этот процесс значит освобождение человека от им же самим обусловленной «незрелости». Процесс просвещения, понятый таким образом, требует не ремифологизации, но демифологизации. По крайней мере, он требует постоянного процесса критики мифов.

Именно в этот процесс Фонд Фридриха Науманна в рамках возможного стремится внести свой вклад. Может быть, Вы спросите: по-

чему немецкий фонд, Германия, немецкое общество занимается российскими мифами? Пусть они критикуют свои мифы. Конечно, это справедливое возражение. Но только частично. Немецкое общество также является потребителем российских мифов. Люди знают эти мифы, они их даже чувствуют. В определенной степени многие российские мифы стали немецкими мифами. О том, что Россию нельзя понять умом, что в Россию можно только верить, люди слышат в Германии на каждой дискуссии о России; они читают об этом в каждой книге о России. То, что у России особый путь, то, что Россия вообще что-то особое — это убеждение в Германии довольно распространено. В целом российские мифы с большим воодушевлением принимаются в Германии, сгущаются, и в такой форме возвращаются обратно.

Некоторое время назад, когда я стал работать в России, мне позвонили из Ведомства Федерального Президента. Президент хотел поехать с официальным визитом в Россию, и его спичрайтеры просили меня посоветовать ему несколько идей для речи. Я сделал им некоторые предложения, которые показались мне приемлемыми, добавив в конце: пожалуйста, позаботьтесь о том, чтобы Президент, как это было принято, не говорил о российских мифах и в особенности не упоминал о русской душе, потому что это является в конечном итоге пустым клише. Речь, с которой выступил в Москве Президент, соответствовала моему пожеланию, с одним исключением. Президент сказал, что он приехал в Россию, чтобы познакомиться со знаменитой русской душой. Дальнейшие комментарии излишни.

Я говорю это ещё и для того, чтобы пояснить, что составной частью диалога между немецким и российским обществами обязательно является тема «мифы». И я могу только порекомендовать российским фондам, которые начали работу в Западной Европе и в ближайшее время появятся и в Германии, проводить мероприятия по теме «Критика немецких мифов».

Мы собрали сегодня людей, которые, как мне представляется, в повседневной жизни нечасто общаются друг с другом. Но это как раз и есть смысл нашего мероприятия: сопоставить различные мнения, а потом их обсудить. Потому что спор, дискуссия — основа каждой демократии. Демократии, в которую я продолжаю верить, несмотря на мнение о том, что россияне генетически не способны к демократии.

Чтобы узнать, что на самом деле думают россияне о мифах, Левада-Центр и Фонд Науманна ещё в сентябре подготовили вопросы, на основе которых был проведен опрос. Результаты будут представлены сегодня сотрудниками Центра. Я им за это очень благодарен.

Хочу добавить, что Левада-Центр является, на мой взгляд, неотъемлемой частью процесса демифологизации, и, таким образом, процесса просвещения, о котором я уже говорил.

Вальтер Шмид

Уважаемый господин Бомсдорф, уважаемые госпожа Гениева и господин Бордюгов, дорогие друзья, уважаемые дамы и господа. Вы пригласили меня на этот семинар по теме, которая всегда актуальна, всегда интересна и всегда сложна. Всё это начинается уже с того вопроса, что представляет собой миф, уже на обсуждение этой темы нам бы потребовалось несколько дней. И один профессор философии однажды мне сказал, что здесь есть две версии, но я вам сразу скажу одну правильную версию. Миф — это прояснение реальности, хотя оно порой находится в противоречии к реальности, и вот с этого начинаются все проблемы.

Уже было сказано, что мифы не ограничиваются Россией, они есть и у нас в Германии, и по ходу своей истории мы тоже накопили немаленький пакет своих мифов. И у нас, у нашего великого немецкого философа Гегеля, есть такой прекрасный пример, как могут создаваться противоречия между мифами и реальностью. Это не какой-то большой вопрос, это всего лишь маленький вопрос о том, сколько лун у планеты Юпитер. Гегель тоже этим вопросом занимался и в результате своих исследований пришел к выводу о том, что у него не может быть больше 10 лун. Я сейчас не могу точно определить, действительно ли это была такая цифра, но вся проблема возникла тогда, когда астрономия установила, что количество лун у планеты Юпитер составляет цифру, которая превысила на одну цифру ту, которую в свое время назвал Гегель. Гегель, которому задавали такой вопрос, сказал: «Тогда это тем хуже для действительности». И если мы вернемся к вопросу о соотношении между мифом и действительностью, то, может быть, это не только был положительный ответ для действительности. Я сказал, что есть отношение между мифом и действительностью, и именно мифы разворачивают свои действия на политическом поле.

Я здесь хочу воспользоваться возможностью, которую нам даёт мифология, попасть в совершенно другую среду и таким образом тоже прояснить ситуацию настоящего. Вы, наверное, помните, что примерно 10 лет тому назад была очень оживленная дискуссия по вопросу азиатских ценностей. Это была в основном дискуссия, которая была запущена тогдашним малазийским премьер-министром. Он говорил о том, что там всё есть, и в отношении оценки прав человека у них есть свои ценности. Этот миф к сегодняшнему дню пропал, ис-

чез, и он исчез потому, что эти дела были тщательно и подробно обсуждены. Потому что стало ясно, что определённые нация, народ, континент могут иметь совершенно другие параметры, чем соседние народ, страна, континент. Здесь, конечно, возникает вопрос, когда исчезают такие основные ценности. Есть ли такие основополагающие ценности для того или иного человека, когда с ним плохо обращаются или его заставляют не говорить правду? Вот в такую дискуссию провалился тот тезис о том, что есть какие-то конкретные особые ценности. И мы в этой дискуссии пришли к выводу, что существуют общие ценности для всех, которые мы все вместе должны соблюдать. Я думаю, что сегодняшняя тематика вашего мероприятия очень важная и сложная. Я желаю вам благотворных дискуссий и убедительных результатов.

Екатерина Гениева

Я хочу поблагодарить всех, кто, несмотря на раннее утро и страшные московские пробки, тем не менее, дал нам возможность начать эту очень существенную встречу практически вовремя. На самом деле это не простая вежливость: та тема, которая нам была предложена Фондом Науманна и АИРО-XXI, чрезвычайно важна. Важна для самых разных людей, которые присутствуют в этом зале. Я хочу сказать, почему Библиотека иностранной литературы так открыто отнеслась к этому предложению. Причин немало. Одна из них — мы всегда с искренним удовольствием и радостью работаем с Фондом Науманна. Я не помню ни *одной совместной акции, которая* была бы неудачной. Другая причина связана с тем, что проблематика мифа чрезвычайно важна для российского, как сейчас часто говорят, менталитета, и для российского образа жизни. Мне кажется, что она важна вообще для всего, что происходит в мире сегодня. Не скрою от вас, подготовить эту конференцию было очень непросто. Не потому, что кому-то неясны столь часто звучащие в России и за рубежом и бесчисленное количество раз произнесённые в этом зале тютчевские слова «Умом России не понять...». Кто-нибудь знает продолжение? Убеждена, что все присутствующие знают. Нам было сложно подготовить форум, потому что его задача не в том, чтобы собрать единомышленников, а, напротив, пригласить докладчиков, которые являются оппонентами в своих суждениях, а очень часто и в своих действиях. Не называя имен, я могу сказать, что в целом ряде случаев мы сталкивались с тем, что предлагаемые оппоненты не хотели садиться за один стол. Это дело их выбора, дело их совести, многих из них вполне могу понять. Но, тем не менее, я хочу объяснить, по-

чему мы пошли на такую резкую и, на мой взгляд, достаточно дерзкую встречу и конференцию.

Во вступительных словах господина Бомсдорфа прозвучало ключевое понятие для всего того, что Библиотека как институт делает в течение многих лет. Это просвещение. Но просвещение, которое сопровождается действием, а не остается в замкнутом пространстве какой-нибудь аудитории. Другая проблема, которой постоянно занимается Библиотека, — вопросы толерантного отношения к другому в нашем весьма сложном мире. И, наконец, последняя причина, почему мы взяли вместе с Фондом Науманна и АИРО-XXI за тему нашего Форума. Пространство России — это не только пространство Москвы или Санкт-Петербурга, где такие темы легко обсудить и где можно собрать такой блистательный состав участников. Для нас принципиально, чтобы эти темы, касаются ли они российского мифотворчества и мифологизированного сознания или других остроактуальных вопросов, были доступны и нашим регионам. К сожалению, там подобные проблемы обсуждаются значительно реже, чем этого бы хотелось.

Геннадий Бордюгов

Уважаемые г-жа Гениева и г-н Бомсдорф, г-н Посол, коллеги, особенно те, кто приехал из дальних стран и городов России. 10 лет назад вместе с Фондом Науманна члены нашей Ассоциации отправились в далекую провинциальную, депрессивную тогда, Шую, чтобы устроить первый проект по мифам¹. Тогда мы ехали в Шую, для того, чтобы преодолеть центрально-периферийную пространственную организацию культурной жизни, а теперь решили собраться в Москве. Тогда мы обсуждали проблемы природы и теории мифа, проблему контакта мифов для бедных и мифов для знатных, а сегодня решили обратиться к конкретным мифам и мифологемам, чтобы посмотреть, как же всё-таки теория и функции мифа работают в прикладном смысле. И многие из тогдашних участников шуйской поездки присутствуют здесь: спустя 10 лет есть основания для сравнения результатов мониторинга этой проблемы. Но есть и одна схожая черта того и нынешнего Форумов. И тогда, и сегодня мы собираемся в условиях кризиса. Кризиса, который способен создавать питательную почву для мифов, для работы мифов, когда действительно происходит нарушение баланса между рациональным и иррациональным знанием.

¹ См. подробнее: Мифы и мифология в современной России / Под ред. К. Аймермахера, Ф. Бомсдорфа и Г. Бордюгова. — М., Фонд Фридриха Науманна, АИРО-XX, 2000; изд. 2-е, дополн. — М., 2003.

Когда в январе организаторы конференции вносили в заголовок понятие «кризис», мы ещё не знали, что летом случится финансовый кризис. Теперь любопытно посмотреть, что вызывает кризис знания и сознания, как это влияет на провалы в экономике и повседневной жизни.

Эффективности нашей дискуссии способно содействовать присутствие представителей разных общественных срезов и интеллектуальных сообществ Москвы, России и европейских стран. Однако не скрою, что некоторые коллеги из академических кругов отказались участвовать в нашей работе на том основании, что здесь есть те, кто «манипулирует сознанием и создаёт политические мифы для того, чтобы уводить общественное сознание в сторону». Но так же и ряд медийных лиц, тех, кто транслирует мифы или занимается их созданием, не захотели придти, полагая, что профессора будут играть свою саркастическую роль, разоблачать мифы и, тем самым, «выбивать» духовную опору у тех людей, для которых миф «Сталин» или миф «Советский Союз» чуть ли не святое.

И, тем не менее, дешифровка мифов, вообще демифологизация нужны, как бы это ни было болезненно. Важен диалог, важно корректное прояснение позиций, для того чтобы понять, как работать с мифом — этим неуловимым способом организации сознания, этим заменителем идеологии. Надеюсь, что наша работа будет плодотворной.

Фальк Бомсдорф

Благодарю всех, и предлагаю сделать введение в тему Форума Григорию Померанцу.

Григорий Померанц

Я бы назвал своё введение так: **«Сквозь облако мифов — к ясности сознания»**. Один из парадоксов русской истории — разрыв между бедностью фольклора восточных славян и богатством взлетов русской культуры. Об этом писали мыслители Серебряного века, и снова пишет игумен о. Вениамин Новик, автор замечательной книги «Православие, христианство, демократия», в своей недавней статье. После ряда цитат из статьи Г.П. Федотова он заключает:

«Славянская языческая религиозность связана с мистикой земных стихий, особенно с землей и водой... Эта женственная по своей природе мистика не уравновешена небесной (мужской) мистикой света и разума... В этической сфере это приводит к недостаточному различению добра и зла. В эстетической это находит выражение

в пластичности, как “перетекания” одного в другое. Это порождает такую опасную черту в национальном характере, как привычку к абсурду». Древнерусское сознание «богословствует в красках, как писал князь Трубецкой, — а не в мысли. В течение семи столетий (до XVII в.) мы не находим ни следа научной мысли».

Я думаю, последнее обстоятельство можно объяснить ленью византийцев, не потрудившихся внедрить в сознание крещёных ими народов свой язык, создать мост к уровню мысли древних. На Западе латынь стала мостом от Аристотеля к Аквинату. Между тем Кирилл и Мефодий переводили только Библию. Святоотеческие писания, так называемое «Добротолюбие», стало доступным русским лишь в XVIII в., так что Древняя Русь и богословия православного не знала. Русской мысли не за что было зацепиться, с чего начать. Впоследствии славянофилы пришли к истокам православия через Шеллинга, либералы учились у Гегеля, радикалы — у Фейербаха. Что же было почвой великой русской литературы XIX века?

Я думаю, вызов хаоса. Восточные славяне были переимчивы. Там, где влияние было однозначным, они просто усваивали местные одежду и нравы, как терские казаки. Но Россия в целом складывалась в столкновениях византийского чина и степной воли, деспотизма соседних восточных держав и европейских прав человека. И владыка Антоний Сурожский недаром процитировал Ницше: тот, кто не носит в себе хаос, никогда не родит звезды. У Достоевского эта звезда родилась. Мы находим у него сплетенные в единство отголоски французской, немецкой, английской литературы; замысел «Идиота» сложился после чтения Кальдерона. А на всю структуру романов, начиная с «Преступления и наказания», наложил отпечаток замысел Гоголя: создать русскую «Божественную комедию».

В разговоре со своим сыном Версиров переносит особенности генія Достоевского на всё русское творческое меньшинство, на избранную тысячу:

«У нас создался веками какой-то ещё нигде не виданный высший культурный тип, которого нет в целом мире... Нас, может быть, всего тысяча человек — может, более, может, менее, — но вся Россия жила лишь пока для того, чтобы произвести эту тысячу... Один лишь русский, даже в наше время, то есть гораздо раньше, чем будет подведен общий итог, получил уже способность становиться наиболее русским именно лишь тогда, когда он наиболее европеец (то есть общевропеец. — Г.П.)... Это и есть самое существенное национальное различие наше от всех...».

Целостность взлётов европейско-русской культуры подымается над распрями наций Европы, замкнутых в своих рамках. А в наше

время к нам (как впрочем, и к другим) обращен вызов мирового хаоса. Этот вызов, однако, не по плечу среднему интеллигенту. Он прячется от хаоса в какую-то одну идею (западничества или славянофильства, народничества или марксизма) или даёт противоречиям разорвать себя на части.

«Я, пожалуй, и достойный человек, — говорит рассказчик в романе «Игрок», — а поставить себя с достоинством не умею. Вы понимаете, что так может быть! Да все русские таковы, а знаете почему: потому что русские слишком богато и многосторонне одарены (я бы уточнил: одарены противоположными идеями. — Г.П.), чтоб скоро приискать себе пристойную форму. Тут всё дело в форме. Большею частью мы, русские, так богато одарены, что для приличной формы нам нужна гениальность. Ну, а гениальности всего чаще не бывает, потому что она и вообще редко бывает. Это только у французов и, пожалуй, у некоторых других европейцев так хорошо определилась форма, что можно глядеть с чрезвычайным достоинством и быть самым недостойным человеком. От этого так много форма у них и значит».

Слово «форма» повторяется здесь пять раз. На перекрёстке между нациями и цивилизациями брезжит возможность создать новую форму, оформить ядро новой цивилизации. Но это удалось один раз, в Тибете, благодаря горам, избавившим (до самого XX в.) от защиты границ. В России была противоположная ситуация: перекрёсток, открытый нападением со всех сторон, требовал воинов, и воины были глухи к задачам культуры; только указ о вольности дворянства открыл дорогу версильской «тысяче», тысяче одиноких гениев.

Господствует, как пишет об этом Синявский в «Голосе из хора», «текущая, аморфность, готовность войти в любую форму... Мы чутки ко всяким идейным влияниям, настолько, что в какой-то момент теряем лицо и становимся немцами, французами, евреями и, опомнившись от духовского плена, бросаемся в противоположную крайность, закостеневаем в подозрительности и низколобой вражде ко всему иноземному... Мы — консерваторы, потому что мы нигилисты, и одно оборачивается другим и замещает другое в истории... Мы держимся за форму, потому что нам не хватает формы, пожалуй, это единственное, чего нам не хватает, у нас не было и не может быть иерархии или структуры...». Я думаю, что Синявский имеет в виду внутреннюю структуру личности, ценностей незыблемую скалу, вошедшую в плоть и кровь.

В течение почти всего XX века ломались какие бы то ни было структуры. Разрушена была полностью сельская жизнь, весь образ жизни подавляющего большинства народа. Масса людей была вы-

рвана из расшатанной, но ещё живой дописьменной культуры и колеблется на уровне полу-образованности. А Монтень был прав: хорошие люди философы и хорошие люди простые крестьяне, но всё зло от полу-образованности. Аморфная полу-образованность не знает, чего она хочет, не умеет делать разумный выбор, ей нужен вождь, Гитлер, Сталин, аятолла Хомейни. К парламентскому правлению она не способна.

Сегодня трудно сделать то, на что не решился Хрущёв, и довести десталинизацию до глубины, опираясь на доклад комиссии Шверника о преступлениях Сталина. Текст 64-х томов доклада был фальсифицирован Суловым с уменьшением цифр репрессированных в 10 и в 5 раз. Эта фальсификация признаётся документом, и ей противостоят только рассказы соавтора доклада Ольги Григорьевны Шатуновской (в том числе мне) и моя книга «Следствие ведёт каторжанка».

Для новых поколений образ Сталина погрузился в глубь истории и сливается там с образами Ивана Грозного и Петра Великого, а Большой террор — с опричниной и стрелецкими казнями. Развитие России на открытой равнине, доступной нападениям с Востока, Юга и Запада, создало народный культ своих драконов, пожиравших детей, но зато защищавших от чужих драконов. (Я использую здесь метафору Евгения Шварца). В эту традицию любви к своим драконам органически вписался Сталин. Его увенчала победа, достигнутая благодаря упорству русских солдат, продолжавших сопротивление в обстановке, в которой французы и англичане сдались бы, благодаря ошибкам Гитлера, растянувшего фронт до невозможности, и, наконец, благодаря русской зиме и русским просторам.

Нам, ополченцам великой войны, достались смерть и увечья, а Сталину — слава героя-победителя. Таков он в сознании десятков миллионов, не читавших «Жизни и судьбы» Василия Гроссмана и многих других хороших книг. Простого выхода из этой ситуации нет. Нужны десятки лет творческой работы во всех сферах культуры, чтобы миф о любимом драконе рухнул. Нужно терпение и время.

Сегодня важнее всех экономических реформ — хорошая школа (я это повторяю с 1987 г.), школа, способная повысить уровень интеллектуальной и нравственной образованности до того минимума, которого ещё в XIX в. достигла Дания благодаря народным университетам пастора Грундтвига. Важнее всех реформ — достичь такого уровня диалога, при котором цивилизованный стиль полемики становится опорой общественного порядка, о каких бы предметах ни шёл спор. Итогом всех дискуссий, в которых я принимал участие, всех попыток прорваться сквозь облако мифов и туман абстракций, был вывод: стиль полемики важнее предметов полемики. Предметы споров

в английском парламенте постоянно менялись, но стиль полемики оставался незыблемым с XVIII в., и он предохранил Англию от кризисов, пережитых Россией и (к счастью, недолго) Германией. В России складывались накануне революции образцы вдумчивого спора, но приход к власти Ленина отбросил страну к страстной захваченности Белинского: «Нет, что бы вы ни сказали, я ни в чём с вами не соглашусь!». И Солженицын признавался Шмеману, что Ленин — одно из его воплощений в «Красном колесе»; ибо (так думал Александр Исаевич) с ленинским наследием можно бороться только ленинскими приёмами спора.

Всему этому противостоит стиль «Дневников» Александра Шмемана. Никто в России и, может быть, в русском зарубежье не нашёл такого равновесия между захваченностью тревогами современности и глубоким внутренним покоем, не умел так взлетать над крайностями и сохранять сочувствие к тому, что этого заслуживает, при беспощадной критике заносов мысли. Надеюсь, что мы последуем по тому же пути.

Первое заседание

Миф

«УМОМ РОССИЮ НЕ ПОНЯТЬ...»

Ведущий

Карл Аймермахер

Открываю дискуссию о мифе, будто бы «Умом Россию не понять...», который является уже с XIX века постоянной частью основного русского мифа. Он связан с представлением об особенном характере России, её исключительной духовной роли в мире. И другой, главным образом западной, установке это не доступно. Поэтому в полемике возникает бинарное противопоставление «мы» — «они», с учётом того, что «мы» всегда «правильно», т. е. «с правом» оцениваем сущность человека и русскую культурную ситуацию — в отличие от «их» «неправильного» суждения о России. С таким положением связано и то, что одни, т. е. так называемые «мы», комплексно и всемерно «понимают», в то время как все остальные, т. е. «они», только выборочно принимают Россию и русских. А значит, искажённо, неадекватно. Предполагая уместность такой потенциально возможной позиции, очевиден, в любом случае, разлад между «мифом» и «действительностью», что подчеркнул Посол Вальтер Шмид, который выражается в своеобразном «дисбалансе рационализма и иррационализма», о котором говорил Геннадий Бордюгов.

Можно было бы успокоиться такой оценкой положения, если бы она высказывалась в спокойном разговоре друзей без претензий на правдивость. Но как быть с фактом постоянной, по мнению Фалька Бомсдорфа, ремифологизации, и именно в настоящее время? Почему мифы политически используются для приукрашивания общественно-политической ситуации в России при полном понимании в то же самое время существующих противоречий почти во всех областях жизни страны? Получается, что миф о более или менее благополучном положении страны почти одновременно оспаривается как внутри, так и вовне страны. Таким образом, борьба мнений является своеобразным плацдармом для самых разных, виртуальных и не виртуальных, концепций и интерпретаций России и её истории. Всё

больше и больше бросается в глаза, что каждый выступающий абсолютно убеждён только в своём истолковании российской культуры и русского менталитета. С этим связано, что каждый видит только себя и говорит почти исключительно о себе, при этом упрекая собеседника в невежестве. В таком контексте никто или не в состоянии, или не готов учитывать другие, пусть и спорные, точки зрения и их право на существование.

Хотя это более чем очевидно, всё-таки мне хотелось поблагодарить организаторов за повторную, после Шуи, весьма сложную попытку соединить самых разных «мифотворцев» и критиков мифов в одно время и в одном месте. В настоящей сессии мы будем обсуждать миф «Умом Россию не понять...», а инициировать дискуссию по этой теме будут писатели Людмила Улицкая и Виктор Ерофеев, а также главный редактор журнала «Наш современник» Станислав Куняев и социолог Лев Гудков из «Левада-центра».

Людмила Улицкая

Человечество сегодня переживает тотальный кризис, включающий и кризис самого сознания. Написано уже множество сценариев конца света, и не только безграмотными истериками разных религиозных направлений, но высокообразованными и трезвыми учёными. Тот финансовый кризис, о котором больше всего пишут все газеты мира последние несколько месяцев, по сути дела, является лишь небольшой верхушкой айсберга глобальной катастрофы, которую всю вторую половину XX века пытались заговорить, заклясть, или, в более обывательском слое, не заметить. Одна из существенных характеристик сегодняшнего времени, как мне представляется, непредсказуемое изменение не какого-то одного параметра жизни, а всех без исключения — даже сама биологическая природа человека вдруг стала проявлять свойства, прежде не замечаемые. Фундаментальные законы, на которые опиралось наше сознание, стали давать сбои, или, во всяком случае, обнаружили пределы, за которыми эти законы перестают работать. Надежность существования нашего биологического вида *Homo sapiens* — единственного, как нам представлялось прежде, а теперь и это уже подвергается сомнению, способного к рефлексии, к самопознанию, — эта надежность, обеспечиваемая стабильностью места нашего обитания, прочностью нашей планеты, по разным причинам, тоже подвергается сомнению: запасы воды, воздуха, общие пищевые и сырьевые ресурсы обнаружили свою конечность.

Власть человека над природой оказалась иллюзорной. Процессы жизнедеятельности человечества сегодня представляют опасность

существованию Земли. Последствия деятельности приобрели невозвратный характер, а научно-технический прогресс не обеспечивает восстановления приносимого планете ущерба. Общество потребления почти «потребило» планету.

Некоторое время тому назад была опубликована книга знаменитого английского астронома сэра Мартина Риса. Он, несомненно, относится к числу наиболее компетентных учёных, обладающим в связи со своей профессией особым взглядом на мир: в его сознании лучше, чем в сознании обыкновенного человека, укладываются миллиарды календарных лет и миллиарды световых лет, начала и концы вселенной он умеет фиксировать своим пронизательным взглядом. Именно в этой точке — простите мой комментарий — проявляется величие замысла Творца о человеке, созданном по образу и подобию. Впрочем, сам сэр Мартин Рис, кажется, так не считает. Словом, астроном оценивает шансы человечества дожить или не дожить до XXII века как равные. Впрочем, есть такие астрономы, которые его опровергают — оптимисты полагают, что до закрытия занавеса осталось 8 миллиардов лет. И этот прогноз лично у меня вызывает ещё большее недоверие.

Но — вопрос поставлен очень остро. И совершенно очевиден факт, что устройство человеческого существования на земле катастрофически плохое. С одной стороны — бедность, эпидемии, голод, с другой — перепроизводство продуктов питания и потребления, неизмеримая и бессмысленная роскошь. Бессмысленные войны, неуправляемая агрессия. Высочайшее развитие науки и безграмотность чуть ли не половины населения земли. Конечно, за всеми этими явлениями стоит кризис сознания. И тех мифологических систем, которые порождены этим сознанием. И если этот факт признать, то одновременно придётся признать и крушение всех мифологий — и условно «старых», и условно «новых». В особенности это касается социальных и политических мифологий. Принцип бинарных оппозиций в применении к этим областям выявил свою ограниченность. Две основные социальные парадигмы — капитализм и коммунизм — не существуют сегодня в реальном поле и жизни, и науки. Это театр теней. В свете этого возникает необходимость отказаться от идеологических штампов ушедшего времени. В определённом смысле, поставленные сегодня вопросы: об особом пути России, вместе с двусмысленным и неопределённым лозунгом «умом Россию не понять», — утратили актуальность, целиком остались в ушедшем прошлом. Сегодня слишком очевидно, что существует особый путь и у Китая, и у Индии, и у Скандинавии, и тщеславиться на этом месте бессмысленно и непродуктивно — с точки зрения выживания мира,

уже находящегося в катастрофическом положении. Особенно бессмысленным мне представляется рассмотрение мифологии вождя: оценка роли и личности Иосифа Джугашвили представляет сегодня академический интерес. Цена барреля нефти, а ещё более цена килограмма хлеба и килограмма риса в современном мире гораздо существенней, чем оценка личности Сталина: был ли он гением всех времен и народов или преступником, успешным менеджером или уголовником.

Произошел тектонический сдвиг: прошлое отрезано от настоящего. Будущего, кажется, не будет. И, с этой точки зрения, уже поздно говорить и о личности Сталина, и о том, будет ли мир диполярным или многополярным, капиталистическим или социалистическим, демократическим или тоталитарным. В сложившейся ситуации следует, скорее, руководствоваться образом «чистого листа». Старый опыт уже непригоден в новых условиях. Человечество растёт, земля уменьшается, уменьшаются запасы воды и воздуха, уменьшается суммарное количество хлорофилла, накапливается всё больше радиоактивных и химических отходов.

О чём мы собирались здесь говорить? Об особом пути России? О тонких различиях Запада и Востока? О евразийском аспекте? О роли личности Сталина? Поздно. Говорить сегодня можно только о том, что без прорыва, без изменения сознания мы вымрем все без остатка, вместе с этими в зубах навязшими проблемами. Вымрем все — чёрные и белые, мусульмане и индуисты, бедные и богатые, «гомосексуалы» и «нормалы», ястребы и голуби, правые и левые, и «всё сущее опять покроют воды, и Божий Лик изобразится в них».

Кризис — явление трудное, но очистительное. В процессе кризиса происходит пересмотр того набора аксиом и правил, законов и схем, стереотипов и шаблонов, в которых заковано наше сознание. В первую очередь, это относится к идеологическим конструкциям. Сегодня, в полностью изменившихся параметрах мира, происходит вынужденный пересмотр того материала, который формирует сознание, являясь одновременно и составной частью сознания. Человечество действительно не имеет шансов на выживание, если не произойдет прорыв в сознании, если сознание не начнет работать на другом уровне, отбросив старые мифологемы, освободившись от национальных и групповых эгоизмов, если человечество не научится рассматривать жизнь как главную ценность, понимая жизнь в широком смысле, включая в эту категорию растительный и животный мир, а свой собственный биологический вид рассматривая как самый, быть может, высокоорганизованный, но не как вид-потребитель всех остальных. Идея потребления как основа существования, общество по-

требления как модель мира нуждаются в пересмотре. На этом пути было совершено чудовищное искажение: человек разумный стал человеком потребляющим, и это поставило всю планету в катастрофическое положение.

Я не знаю, какие нужны механизмы, чтобы поддержать этот процесс переосмысления мира, обновления сознания. Но, в любом случае, необходимо оставить старое и приняться за новое, покончить с конфликтом идеологий прошлого и заниматься выработкой стратегии выживания. И, с этой точки зрения, я жду наиболее важных и конструктивных слов не от идеологов определённых течений, а скорее от представленных в сегодняшней встрече учёных-социологов, которые по роду своей научной деятельности располагаются не в зоне идеологических разногласий, а в зоне исследования сегодняшнего состояния общества. Они дают инструмент анализа сегодняшнего общественного и индивидуального сознания. Именно они, в первую очередь, замечают изменения ситуации и фиксируют их. От них, в первую очередь, следует ожидать новых идей.

И последнее, что мне хотелось бы сказать: в некотором смысле, «золотой век» кончился вчера. Мы не осознавали, что время, доставшееся на долю нашему поколению, жившему во второй половине XX века в послевоенной Европе, было, несмотря на всю его жестокость, временем невиданного изобилия. Мы не знали голода и репрессий, которые пережили наши бабушки и дедушки. В юности мы путешествовали по огромной и прекрасной стране, купались на безлюдных пляжах и собирали ягоды в чудесных лесах; мы пили чистую воду из ручьев, ловили рыбу в озерах, дышали свежим воздухом, а дожди, которые лились в положенные сроки, не были ни кислотными, ни щелочными — они были благодатными. Мы пережили послевоенную бедность, или скудость, потом так сильно разбогатели, что перестали носить одну пару обуви десятилетиями, стали покупать новую дорогую одежду и перестали её перелицовывать. Мы купили холодильники и телевизоры, почти не заметив, что эта революция оказалась поважнее Октябрьской. Мы незаметно, без объявления, стали жить в мире будущего. Потом открылись границы, и мы, бывшие советские, увидели Париж и Рим, Каир и Дели. Мы забыли о карточках на хлеб и привыкли, что полки магазинов ломятся от продуктов и товаров.

Всё кончилось. Мы въехали в новый век и уже навсегда. Никогда уже не будет в мире такого чудовищного расточительства, такой роскоши. И не потому, что всё это перераспределится в те страны, где ходят босиком и носят на себе кусок материи, доставшейся от ба-

бушки. Мир просто уже не сможет жить так, как он жил во второй половине XX века. Никогда.

Мы не хотели добровольного ограничения и самоограничения — теперь оно станет необходимым. Мы подошли к временам, когда произойдёт — и уже происходит — переоценка ценностей, и инфляция коснется не только денег, но и наших представлений о жизни. О её ценности, о её первичности, о её подлинном смысле. Но сколько же мусора нам предстоит выбросить из своих голов...

Ведущий

Спасибо за интересный и необычный подход к мифу «Умом Россию не понять». Выходя за временные и пространственные рамки, которые связаны с современным состоянием общества в России, на фоне которого возникает и бурно обсуждается миф о специфическом характере русского национального менталитета, получается на самом деле возможность смотреть на Россию и её мифы изнутри и извне. Дело не в том, уместны и правильны ли национально ориентированные мифы или нет, особенно если поднимается вопрос о том, что не только важно России, но и всему миру. На этом фоне любые национальные мифы уходят на задний план, и вопрос о том, какое суждение, например, о России, оправдано, становится абсолютно периферийным, и даже бессмысленным. Соглашаясь с концептуальным подходом Людмилы Улицкой, хочу подчеркнуть, что мечта об особенностях российского пути или возрождения Российской империи, сам миф «Умом Россию не понять...» теряют свой смысл, о них можно говорить только иронически. Упрощенная и архаическая структура этого мифа настолько очевидна и неуместна, что не может применяться к таким сложным институтам, как страны, народы и т. д. Представьте себя такие фразы как «Умом Германию (Францию, Англию и т. д.) не понять!». Те же, кто до сих пор убежден в правоте фразы Тютчева, просто не знают другие культуры, или оперируют очень ограниченным набором литературы. Они не понимают, что чем больше знаешь, тем меньше понимаешь.

У Людмилы Улицкой ещё один пункт удивителен и нов. Она не занята собой или исключительно Россией как неким центром всего мира, что в принципе и является одной из основных предпосылок возникновения мифов. Поэтому её выступление — скорее призыв оставить любые мифы на стороне и заниматься переосмыслением основных человеческих ценностей, с тем чтобы найти стратегию выживания человечества. Но поскольку рецепта такого решения пока нет, она призывает социологов помочь разобраться. Скоро мы уви-

дим, как Лев Гудков относится к такому приглашению. Пока же слушаем выступление Станислава Куняева.

Станислав Куняев

Спасибо за приглашение на такую интересную и важную дискуссию.

«Умом Россию не понять?». О ком идёт речь? Кому не понять? Нашим историческим врагам? Нашим союзникам? Нашим партнёрам? Западному миру? Или нам самим? Правда, в другом стихотворении Тютчев уточнил эту мысль. «Не поймёт и не заметит гордый ум иноплеменный / Красоты, что тайно светит в наготе твоей смиренной». И всё-таки понять очень непросто. Не понять её подвиги и взлеты, но не понять и бездны и глубины её падения. Почему, имея великую, более чем тысячелетнюю, полноценную, универсальную народную цивилизацию, русские элиты разных эпох на протяжении всей истории не раз отрекались от родных устоев, впадали в тупиковые соблазны, в чуждебесие и не достойное для представительств великого народа обезьянничанье, становились сословием денационализированной черни? Примеров тому много. Ересь жидовствующих XV века, соблазны смутного времени, во время которых наша боярская и часть клерикальной интеллигенции готовы были ополячиться и окатоличиться; страшные зигзаги петровской эпохи, когда раболепие перед европейскими формами жизни, перед голландским протестантизмом и немецким орднунгом принимало не только бытовой, но почти религиозный характер; французомания начала XIX века (вспомним салон Анны Павловны Шерер из «Войны и мира»), от которой нас частично сумело излечить варварское нашествие французов и других двенадцати европейских языков (словом, наполеоновской антанты).

Это российское обезьянничанье Пушкин не пощадил, сказав о русской образованщине XIX в., которая зачитывалась коммерческой литературой, хлынувшей к нам в посленаполеоновскую эпоху с Запада: *«Явилась толпа людей тёмных с позорными своими сказаниями, но мы не остановились на бесстыдных записках Генриетты Вильсон, Казановы и Современницы. Мы кинулись на плутовские признания полицейского шпиона и на пояснения оных клеймённого каторжника, журналы наполнились выписками из Видока, поэт Гюго не постыдился в нём искать вдохновений для романа, исполненного огня и гряды. Недоставало палача в числе новейших литераторов. Наконец и он явится и, к стыду нашему, скажет, что успех его “записок”, кажется, не сомнителен».*

А вспомним германофильство середины XIX века и англomанию той же эпохи в умах и в быту русских аристократов, сегодня паро-

дийно выродившихся чуть ли не в 250 тысяч семей, живущих в самых престижных районах Лондона.

А культ Америки в начале 20-х годов (вспомним лозунг: русский революционный размах + американская деловитость), культ, повторившийся в нашей «образованщине» через 70 советских лет в самых что ни на есть чудовищно-безобразных формах?

I. ОКЛАХОМА

В конце 90-х годов я вместе с небольшой группой друзей-писателей участвовал в выборах губернатора Красноярского края. Нашим кандидатом был Сергей Юрьевич Глазьев. Край громадный, денег на вертолёт у Глазьева не было, и нам приходилось вместе с ним выезжать из Красноярска для выступления и возвращаться обратно, по-рой одолевая в день по несколько сот километров.

Однажды мы заехали в таёжный городок Лесосибирск, провели несколько встреч в полупустых залах с населением, измученным бедностью и безработицей, а поздно вечером нас повезли ужинать в лучшую, по словам местных патриотов, забегаловку с национальной сибирской кухней: омуль, пельмени, брусника... Когда мы подъехали к избе, сложенной из красноватых, смолистых лиственничных брёвен, то я увидел на фасаде горящие неоновые буквы: «Оклахома». Закусочная называлась по имени одного из пятидесяти американских штатов, где живут в резервации остатки индейских племён. Мне стало плохо — то ли от усталости, то ли от отчаяния. Ну, разве можно было себе представить, чтобы в американской глубинке подобное заведению называлось «Ангара», «Енисей» или «Бирюса»?

— Леонид Иванович, — обратился я к Бородину. — Бесполезна наша агитация, Глазьев выборы проиграет...

Так оно и случилось. Губернатором Красноярского края стал «западник» Хлопонин...

С той поры слово «Оклахома» стало для меня символом нашего национального лакейства, нашей российской смердяковщины.

Поистине умом такую жалкую и раболепную Россию, такую «оклахомскую» родину трудно понять даже нам самим. На протяжении последних трёх или даже четырёх веков Россия, словно баба во хмелю, лезла в постель к другим цивилизациям, что можно объяснить лишь духовным помрачением или психическим заболеванием её интеллигенции — боярской, дворянской, монархической, чиновничьей, революционной, советской, антисоветской.

Казалось бы, Пушкин, всё, что мог, объяснил будущим поколениям в завещании, рассыпанном по всему творчеству:

«Клянусь честью, что ни за что на свете я не хотел бы переменить отечество, или иметь другую историю, кроме истории наших предков, такой, какой нам Бог её дал».

«С изумлением увидели демократию в её отвратительном цинизме, в её нестерпимом тиранстве. Все благородное, бескорыстное, всё возвышающее душу человеческую подавлено неумолимым эгоизмом и страстью к довольству».

«Европа в отношении России всегда была столь же невежественна, сколь и неблагодарна».

Ан всё равно российской интеллигентщине неймётся. Вспомним письма Капицы Сталину после войны относительно лакейского низкопоклонства нашей интеллигенции перед Европой. Победа! Торжество! Россия во славе! Но опять они пошли лебезить и лакействовать перед прагматичным Западом, настолько потеряв чувство меры, что даже Капица, столько лет проживший на Западе, возмутился, и, естественно, добился лишь одного — жестокой кампании против космополитизма, поскольку вождь был тоже прагматичен не менее западных людей и в своих идеологемах не входил в тонкости, которые имел в виду Капица, а упрощал всё до предела. Впрочем, так поступали и Черчилль, и Гитлер, и Рузвельт.

Но всё-таки, если говорить серьёзно, чужебесие, низкопоклонство, измена своей истории есть болезненные крайности, изуродованные, извращённые формы русской всечеловечности, которую воспел Достоевский в речи о Пушкине.

Двадцатый век внёс поправки в формулу о русской всечеловечности, отчеканенную Достоевским. Вот они, эти поправки, из творчества русского поэта нашего времени Юрия Кузнецова:

Ю. К.

*Для того, кто по-прежнему молод,
Я во сне напоил лошадей.
Мы поскачем во Францию-город
На руины великих идей.
Мы дорогу найдём по светилам,
Хоть светила сияют не нам.
Пропылим по забытым могилам,
Прогремим по священным камням.
Нам чужая душа — не потёмки
И не блеск Елисейских Полей.
Нам едино, что скажут потомки
Золотых потускневших людей.
Только русская память легка мне
И полна, как водой решето.*

*Но чужие священные камни,
Кроме нас, не оплачет никто.*

Выделенные слова — «цитаты» из романа «Подросток» Достоевского, из монолога главного героя романа Версилова.

ПАМЯТЬ

*— Отдайте Гамлета славянам! —
Кричал прохожий человек.
Глухое эхо за туманом
Переходило в дождь и снег.
Но я невольно обернулся
На прозвучавшие слова,
Как будто Гамлет шевельнулся
В душе, не помнящей родства.
И приглушённые рыдания
Дошли, как кровь, из-под земли:
— Зачем вам старые преданья,
Когда вы бездну перешли?!*

(Ю. Кузнецов)

Смысл стихотворения в том, что Россия есть последняя надёжная наследница западной культуры. Это дерзкое продолжение «Скифов»: «*Нам внятно всё: и жар холодных числ, и дар божественных видений*», но с окисью, со сверхисторическим опытом народа, «перешедшего бездну». А что касается «плача над священными камнями» Европы, то столько мы этих слёз пролили — благодатных, горьких, яростных, желчных, что пора бы иссякнуть потокам этой мутной влаги, имея в виду духовные и материальные дефолты последнего времени. Но дефолты бывали и раньше.

II. ДЕФОЛТ ИМЕНИ МАРКИЗА

АСТОЛЬФА ДЕ КЮСТИНА

«Я часто повторяю себе: здесь всё нужно разрушить и заново создать народ».

«Вся Россия — та же тюрьма и тюрьма тем более страшная, что она велика и что так трудно достигнуть и перейти её границы».

«Вообразите полудикий народ, которого милитаризовали и вымуштровали, — и вы поймёте, в каком положении находится русский народ».

И такие сгустки ненависти — на каждой странице этой по-своему уникальной книги. Кто же пишет? На первый взгляд — революционер, какой-нибудь доморощенный Герцен или Бакунин, террорист-народоволец польско-еврейского происхождения или один из фанатиков, делавших революцию 1917 года. Нет, это пишет добропорядочный французский аристократ, маркиз Астольф де Кюстин, в книге «Николаевская Россия в 1839 году».

При петербургском дворе Кюстина приняли с распростёртыми объятиями. Всё-таки роялист, чьи отец и дед были казнены на гильотине революционерами-якобинцами. Уж этот-то поймёт и оценит великий смысл российского самодержавия! Наивные люди. Они не понимали того, что и монархисты, и революционеры, и демократы Европы мазаны одним миром, одним низменным страхом, одной лакейской и одновременно высокомерной дрожью перед Россией. Что они все — люди Запада. Об этом Кюстин сказал прямо и недвусмысленно. Так же, как немецкие рабочие во время Гитлера были с фашистским Западом, а не с «пролетарской Россией», так же и аристократ Кюстин за сто лет раньше был в одном стане с «революционерами» всех наций. Лишь бы против России. Он даже в любви к декабристам объяснился: *«Мы, люди Запада, революционеры и роялисты, видим в русском государственном преступнике невинную жертву абсолютизма»*. Ну, прямо-таки говорил, как Ленин или как Троцкий с Луначарским, а не как французский консерватор и аристократ!

Да если бы только о политике или о государственном или общественном устройстве речь шла в этом памфлете! Нет, тут всё на каком-то генетически иррациональном, на неземном уровне. Как будто не человек арийской расы и христианин приехал к нам, а какой-нибудь гость из межпланетного пространства, с Марса или Сатурна, существо внечеловеческой, не белковой, а углеродной или просто инфернальной цивилизации.

Его русофобия в книге настолько тотальна, что объёмлет всё: русскую природу, русскую песню, русскую историографию, русскую литературу, русскую архитектуру, русскую церковь, русскую женщину.

«Вчера я перечёл несколько переводов из Пушкина. Они подтвердили моё мнение о нём... Он заимствовал свои краски у новой европейской школы... Поэтому я не могу назвать его национальным русским поэтом».

«Мёртвое уныние равнины без конца и без края. Ничего грандиозного, ничего величественного».

«Русский народ, говорят, очень музыкален, но до сих пор я ещё ничего достойного внимания не слышал, а певучая беседа, кото-

рую вёл в ту ночь кучер со своими лошадьми, звучала похоронно, речитатив без ритма...».

«Их внешность (это о русских женщинах. — Ст. К.), рост, всё в них лишено малейшей грации», «Не видно было ни одного красивого женского лица, а большинство отличается исключительно безобразием и отталкивающей нечистоплотностью».

Не будем вспоминать о том, что у многих понимающих толк в красоте людей Запада (Пикассо, Ромен Роллан, Вальтер Шубарт, Фернан Леже, Сальвадор Дали) жёны были русскими. Женофобство Кюстина, наверное, будет понятно, если вспомнить, что он был педерастом, как и Дантес с Геккерном (везло же николаевской России на французских аристократов!).

«Все православные церкви похожи одна на другую. Живопись низменно византийского стиля, то есть неестественная, безжизненная и поэтому однообразная».

О Москве: город «без памятников архитектуры, то есть без единого произведения искусства», «Кремль — сердце этого чудовища», «Кремль есть создание существа сверхчеловеческого, но в то же время и человеконенавистнического», «сатанинский памятник зодчества», «Кремль, который не удалось взорвать Наполеону»...

Ах, вот где собака зарыта! Как жаль французскому аристократу, что революционер Наполеон не стёр с лица земли Россию, что не превратил в прах её святыни, что не вытряхнул из русских храмов, подобно троцкистским эмиссарам, чудотворное золото и серебро усыпальниц!

«Рака с мощами Сергия ослепляет невероятной пышностью. Она из позолоченного серебра великолепной отделки. Её осеняет серебряный балдахин... Французам досталась бы здесь хорошая добыча», — плотоядно сожалеет о несбывшихся возможностях маркиз. Внимательно прочитав маркиза де Кюстина, я в своё время предположил, что лермонтовская «Родина», может быть, является косвенным или даже прямым откликом Михаила Юрьевича на сочинение французского литератора.

В чём поручик и маркиз совершенно враждебны друг другу, так это в отношении к народной жизни, к мистическим пространствам России, к её природным стихиям, сформировавшим русскую натуру. Вот здесь у Лермонтова начинается спор с Кюстином буквально по каждому пункту. Всё, что Лермонтов любит, вызывает у маркиза ужас, а порой и ненависть, порождённую этим ужасом. Лермонтов чуть ли не буквально теми же словами, что и Кюстин, рисует величие

русской жизни, но одухотворяет её одним словом «люблю», которое в коротком тексте повторяется четыре (!) раза:

*Но я люблю — за что, не знаю сам —
Её степей холодное молчанье,
Её лесов безбрежных колыханье,
Разливы рек её, подобные морям...*

Вот это «за что, не знаю сам» — и есть предтеча тютчевского: «умом Россию не понять».

Может быть, я пристрастен, но мне эти строки кажутся прямым ответом на ужас, испытанный Кюстином перед нашими половодьями, перед безмерностью русской жизни: *«От рек веет тоской, как от неба, которое отражается в их тусклой глади. Они катят свои свинцовые воды в песчаных берегах... Зима и смерть, чудится вам, бессмысленно парят над этой страной».*

В России, как считал маркиз, *«нет ничего, кроме пустынных равнин, тянущихся во все стороны, насколько хватает глаз. Два или три живописных пункта отделены друг от друга безграничными пустыми пространствами, причём почтовый тракт уничтожает поэзию степей, оставляя только мёртвое уныние равнины без конца и без края».*

Очевидно, что это впечатления путешественника, едущего на перекладных в кибитке или в карете.

Михаил Лермонтов тоже глядит из кареты на русские пустынные равнины и просёлки и всматривается в них, *«насколько хватает глаз»*; но на той же фактуре у него рождаются совершенно противоположные чувства:

*Просёлочным путём люблю скакать в телеге
И, взором медленным пронзая ночи тень,
Встречать по сторонам, вздыхая о ночлеге,
Дрожащие огни печальных деревень.*

Маркиз де Кюстин удивляется, глядя на подвыпивших туземцев, веселящихся совсем не так, как французы или немцы: *«напившись, мужики становятся чувствительными и вместо того, чтобы угощать друг друга тумакнами, по обычаю наших пьяниц, они плачут и целуются. Любопытная и странная нация!»*

Лермонтов тоже не проходит мимо этой хотя и колоритной, но и весьма обычной для русской деревенской жизни картины:

*И в праздник, вечером росистым,
Смотреть до полночи готов
На пляску с топотом и свистом
Под говор пьяных мужиков.*

III. КУЛЬТ ДУШИ.

ИЗ ПИСЕМ СЕРГЕЯ ЕСЕНИНА МАРИЕНГОФУ ИЗ ЕВРОПЫ 1922 г.

«Раньше подогревало, что при всех российских лишениях, что вот, мол, “заграница”, а теперь, как увидел, молю Бога не умереть душой и любовью к моему искусству. Никому оно не нужно... И правда, на кой чёрт людям нужна эта душа, которую у нас в России на пуды меряют. Совершенно лишняя штука эта душа, всегда в валенках, с грязными волосами и бородой Аксёнова. С грустью, с испугом, но я уже начинаю учиться говорить себе: застегни, Есенин, свою душу, это так же неприятно, как расстёгнутые брюки».

«Родные мои! Хорошие!

Что сказать мне вам об этом ужаснейшем царстве мещанства, которое граничит с идиотизмом? Кроме фокстрота, здесь почти ничего нет. Здесь жрут и пьют, и опять фокстрот. Человека я пока ещё не встречал и не знаю, где им пахнет.

Пусть мы нищие, пусть у нас голод, холод и людоедство, зато у нас есть душа, которую здесь за ненадобностью сдали в аренду под смердяковщину <...>».

А вот ответ Есенина российским революционерам 20-х годов, восхищавшимся «американской деловитостью».

«Наше едва остывшее кочевье мне не нравится. Мне нравится цивилизация. Но я очень не люблю Америку. Америка это тот смрад, где пропадает не только искусство, но и вообще лучшие порывы человечества. Если сегодня держат курс на Америку, то я готов тогда предпочесть наше серое небо и наш пейзаж: изба немножко вросла в землю, прясло, из прясла торчит огромная жердь, вдалеке машет хвостом на ветру тощая лошадёнка. Это не то что небоскрёбы, которые дали пока что только Рокфеллера и Маккормика, но зато это то самое, что растило у нас Толстого, Достоевского, Пушкина, Лермонтова...».

«Гордому иноплеменному» уму всегда был чужд культ души, рождённый русской жизнью. Редкие умы Запада понимали, что слово «душа» — проводит границы между нашими цивилизациями. В Евро-

пе их можно перечислить по пальцам: Освальд Шпенглер, Арнольд Тойнби, Вальтер Шубарт, Райнер Мария Рильке, Вирджиния Вульф.

Из статьи под названием «Русская точка зрения» (1925), принадлежащей перу Вирджинии Вульф:

«Именно душа — одно из главных действующих лиц русской литературы... Она остаётся основным предметом внимания. Быть может, именно поэтому от англичанина и требуется такое большое усилие... Душа чужда ему. Даже антипатична... Она бесформенна... Она смутна, расплывчата, возбуждена, не способна, как кажется, подчиниться контролю логики или дисциплине поэзии... Против нашей воли мы втянуты, заверчены, задушены, ослеплены — и в то же время исполнены головокружительного восторга».

Она же о романе «Идиот» Достоевского:

«Мы открываем дверь и попадаем в комнату, полную русских генералов, их домашних учителей, их падчериц и кузин и массы разношёрстных людей, говорящих в полный голос о своих самых задушевных делах. Но где мы? Разумеется, это обязанность романиста сообщить нам, находимся ли мы в гостинице, на квартире или в меблированных комнатах. Никто и не думает объяснять. Мы — души, истязаемые несчастные души, которые заняты лишь тем, чтобы говорить, раскрываться, исповедоваться».

Если хорошо подумать — можно всё-таки догадаться, почему так называемый цивилизованный мир не любит Россию и боится её. Нелюбовь родилась задолго до русского коммунизма. Она была при Иване Грозном и при Петре Великом, при Александре Первом и при Николае Втором...

Страх перед военной и материальной мощью? Да, но это не всё. Мы терпим поражения то в Крымской войне, то в Японской, то в перестройке; мощь проходит, а неприязнь остаётся. Мистический ужас перед географическим беспределом? Неприятие чуждого Западу православия? Да, всё это так... Но главная причина в чём-то другом...

Бродил я недавно по калужскому базару и разгадывал эту загадку. И вдруг полуспившийся мужичок с ликом кирпичного цвета, небритый, в засаленной куртяшке, помог мне додумать мои мысли... Он стоял в окружении нескольких помятых жизнью пожилых друзей, они торговали гвоздями, гайками и болтами и ждали, когда откроется палатка, чтобы сдать рюкзак стеклотары, и он, чтобы повеселить душу, играл на аккордеоне... Каждый из компании — поговори с ним — личность, философ, характер — а перед музыкой все люди равны, сборны. Я прислушался... Сначала мой земляк сыграл музыку во-

енных лет «Синенький скромный платочек», потом отступил лет на девяносто и довольно сносно и с чувством исполнил вальс «На сопках Маньчжурии», а заодно и какой-то жестокий романс начала века выплеснул в зябкое мартовское утро, а потом вдруг перешагнул на несколько столетий назад и, самозабвенно растягивая меха, выдохнул из бессмертного ямщицкого репертуара: «Вот мчится тройка почтовая...».

Вот тебе и калужский бомж, в душе которого живут несколько веков культуры и музыки... Видел я в Америке внешне похожих на этого мужика бомжей — все дебилы и все неграмотные. Да, с точки зрения Запада, мы народ нецивилизованный, но я это понятие перевожу как народ «сложный», «природный», «неупрощённый» и не желающий упрощаться ни за какие коврижки... За это нас и не любят, наша сложность — вечный укор их уступкам перед жизнью. Сложностью можно только гордиться. А на том же калужском рынке стоит женщина, бедно одетая, торгует петухом — наглым, крупным, с большим алым гребнем и грязным, но могучим хвостом, держит его, как ребёнка, на руках и говорит соседке: *«Петька у меня хороший, молоденький, девять месяцев ему. В хорошие руки отдать надо. А то утром пришли корейцы, стали торговать Петьку на зарез, а я не отдаю... На зарез Петьку моего!..»*. И поцеловала петуха в гребешок...

Ну разве с таким народом западный рынок построишь? Умом — не понять. Ей «петуха на зарез» продать жалко, а европейские варвары-протестанты несколько миллионов прекраснейших созданий природы — бизонов истребили, чтобы индейские племена лишились пропитания, зачахли, вымерли или ушли на крайний Запад, освободив земли для расселения белого человека с его бизнесом.

А у нас Есенин: *«и зверьё, как братьев наших меньших, никогда не бил по голове»* или: *«милый, милый, смешной дуралей, и куда он гонится, неужели не знает, что живых коней победила стальная конница?.. По иному судьба на торгах перекрасила, наш разбуженный скрежетом плёс и за тыщи пудов конской кожи и мяса покупают теперь паровоз»*.

Джек Лондон или Сетон-Томпсон наделяют своих животных чертами компаньонов или конкурентов по жизненной борьбе, характером, когда достойных, а когда коварных соперников.

А у нас — Му-му, Каштанка, Малек-Адель-коть из тургеневского рассказа «Чертопханов и Недопюскин», у нас Серая Шейка и «Зимовье на Студёной» Мамина-Сибиряка. Словом, отношение к живому миру — это стена между традиционным и рыночным обществом.

Из сочинений Вальтера Шубарта: *«Запад подарил человечеству самые совершенные виды техники, государственности и связи, но*

лишил его души... В отличие от Европы, Россия приносит в христианство азиатскую черту — широко открытое око вечности, но преимущество России перед европейцами и азиатами — в её мессианской славянской душе. Поэтому только Россия способна вдохнуть душу в гибнущий от властолюбия, погрязший в предметной деловитости человеческий род...».

IV. АНТИРАСИЗМ

Европейского расизма, который является главной причиной непонимания Европой России, в средневековой Европе почти не было. Он сложился в эпоху великих географических открытий, то есть в эпоху так называемого просвещения, маскировавшего практику зарождающейся колониальной системы. Теоретически же этот научный расизм был обоснован позже в трудах Рикардо, Дизраэли, Мальтуса, Гобино, Ницше и других мыслителей и политиков Запада. Сущность этого расизма не в линчевании негров, не в геноциде цыган или евреев, а в абсолютной уверенности в том, что человечество делится на низшие и высшие расы.

Я в молодости восхищался Уитменом, думал, что он поэт всемирной, гуманной, всечеловеческой демократии, но недавно перечитал его.

*Друзья мои загорелые,
Стройно, шагом друг за другом
Приготовьте ваши ружья.
С Вами ли ваши пистолеты и острые топоры?
Нам надо идти в поход, мои любимые,
Мы молодые, мускулистые, и весь мир без нас погибнет.
Пионеры! О, пионеры!
Мы бросаемся отрядами
Напролом в атаку, грудью завоевать и сокрушить.
С нами знамя, наше знамя.
Поднимите наше знамя, многозвёздную владычицу.
Все склонитесь перед нею,
Боевая наша мать, грозная во всеоружии,
Её ничто не сокрушит.
Пионеры, о, пионеры,
Всё смести, снести с пути!*

Но это же американский «Хорст Вессель», это же гитлерюгенд, это же марш юберменшей!

Разве человек такого склада сможет понять Россию и русского человека Пушкина, призывавшего не завоевывать и сокрушать, а любить и восхищаться:

*Слух обо мне пройдёт по всей Руси великой,
И назовёт меня всяк сущий в ней язык,
И гордый внук славян, и финн, и ныне дикой
Тунгус...*

Разве Уитмен способен был сказать, что его будет читать какой-нибудь гурон или могикинец?!

Тунгус — это якут, по происхождению кровный брат североиндейских людей, которых призывал «сокрушать» Уитмен... А что писал Есенин? «Край мой, любимая Русь и Мордва»; или Достоевский из Мёртвого Дома: «У них вера такая»... — о молящихся татарах так говорили русские преступники с уважением и особым тактом.

А вспомним есенинского «Пугачёва», сцену, когда генерал Траубенберг требует от казаков, чтобы они догнали сбежавших от императорских войск калмыков со своими стадами (угнали скот, нанесли ущерб государству). Генерал требует наказать «эту монгольскую мразь, пока она ... Китаю не передалась», а казаки отвечают ему:

*Он ушёл, этот смуглый монголец,
Дай же бог ему добрый путь.
Хорошо, что от наших околиц
Он без боли сумел повернуть.*

В начале колонизации третьего мира, в эпоху так называемого, как бы в насмешку над здравым смыслом, Просвещения в XVI веке на Западе произошёл теологический спор, связанный с отношением к индейским племенам Нового Света. Католики установили, что у индейцев всё-таки есть душа, что они не животные, а полноценные люди. Англосаксонские же протестанты посчитали, что индейцы — низший вид человечества, и что души у них, видимо, нет, поскольку они не способны освоить ценности рационального мышления и потому на них не должны распространяться права человека. Это не был схоластический спор: поскольку Ватикан и инквизиция пришли к выводу, что индейцы люди по образу и подобию Божьему, то испанцы начали жениться на индианках, дав начало новой расе креолов, протестанты же провели этническую чистку Северной Америки от индейцев, уничтожив 80 % её аборигенов.

Да, Россия часто впадала, к сожалению, в западные соблазны, но насколько ей это удавалось, она «одушевляла» их. Да, она увлек-

лась в XIX в. дарвинизмом, но выбросила из него идею мальтузианства. Наш революционер-анархист и стихийный социалист князь Пётр Кропоткин писал: *«Чувства взаимопомощи, справедливости и нравственности глубоко укоренены в человеке всей силой инстинктов. Первейший из этих инстинктов — инстинкт взаимопомощи является наиболее сильным».*

Но через 100 лет после Кропоткина, после опыта Второй мировой войны, Фридрих фон Хаек — духовный гуру наших либералов — так возразит Кропоткину в 1984 г. от имени гражданского общества: *«Люди должны изжить некоторые естественные инстинкты, прежде всего инстинкт сострадания и солидарности».* Нет, как гласит русская пословица, «чёрного кобеля не отмоешь добела». И никакие наши Цхинвалы западным людям не пример.

За что же тогда Запад осудил вождей гитлеровского рейха в Нюрнберге? Ведь они в основном проводили в жизнь на практике основные взгляды фон Хаека?

А наши соседи и вроде бы славяне — поляки, что думали на этот счёт?

Из польского повстанческого манифеста 1831 года. *«Не допустить до Европы дикой орды Севера».* Но в ответ на польское оскорбление русскому народу по иронии истории поляки через столетие получили той же монетой от немцев. Из Геббельса: *«Полякам вполне возможно внушить чувство расовой неполноценности по сравнению с немцами. В Польше уже начинается Азия», «Сибирь начинается от Вислы».*

Из школьного учебника кайзеровской эпохи, 1908 год: *«Русские — это полуазиатские племена. Раболепие, продажность, нечистоплотность — это чисто азиатские черты характера».*

Сразу же после речи Черчилля в Фултоне состоялось совещание промышленных магнатов США (1946). Вот выдержки из их резолюции: *«Россия — азиатская деспотия, примитивная, мерзкая и хищная, воздвигнутая на пирамиде из человеческих костей, умелая лишь в своей наглости, предательстве и терроризме».* Чтобы заблокировать Россию, это совещание призвало разместить свои атомные бомбы *«во всех регионах мира и безо всяких колебаний сбрасывать их везде, где это целесообразно».*

И это сказано о союзниках, которые лишь полтора годами раньше спасли англо-американские войска от разгрома в Арденнах! Но, в сущности, эти сливки американской элиты лишь повторили всё, что до них сказал Гитлер: *«Все народы азиатского типа подлежат уничтожению».* Вот такая цепочка любопытная — от Маркиза де Кюстина к полякам, потом от Гитлера к американской элите.

Всё это повторяется мыслителями и нашего времени. Из книги лауреата нобелевской премии Чеслава Милоша «Родина — Европа»: *«Московия была страной варваров, с которой, как с татарвой, вели на окраинах войны»*. А в журнале «Новая Польша» (№ 5, 2007 г.) мало того, что проект северного российского газопровода сравнивается с *«пактом Молотова-Риббентропа»*, но и комментарий к нему даётся «средневековый»: *«Путин старается присоединить дикую страну к Европе»*. Но предоставлю слово ещё одному русскому человеку, который, как никто другой из русских, знал Запад, полжизни прожил там, где и похоронен:

«Мы выше зоологической щепетильности и совершенно безразличны к вопросу о расовой чистоте... Мы очень довольны тем, что в наших жилах есть и финская, и монгольская кровь. Это ставит нас в родственные и братские отношения с теми расами-париями, о которых гуманная демократия Европы не может говорить иначе, как только тоном оскорбительного презрения».

Это сказал Александр Герцен, западник, полукровка...

V. КУЛЬТ НАРОДА

«Гордому иноплеменному взору» — была непонятна Россия, потому что кроме стихийного культа личной души, в ней всегда жил культ души народной, или, проще говоря, культ народа, поскольку народ всегда «выправлял» все исторические вывихи правящего интеллигентного сословия и, в той или иной степени, возвращал историю страны в её традиционное русло. Это было и в 1612 году, и в 1812-м, и в 1917-м, и в 1941–45.

Культ народа формировала вся великая русская литература — Пушкин с «Капитанской дочкой», Тургенев в «Записках охотника», Гоголь в «Тарасе Бульбе», Некрасов всем своим творчеством, Блок стихами о России... О Есенине и Клюеве чего уж говорить. Они — плоть от плоти... И главное то, что почти неграмотный русский народ всегда ставился нашими классиками выше европейской образованной черни. Вспомним Достоевского:

«Самые наиболее гуманные и европейски развитые любители народа русского сожалели откровенно, что народ наш столь низок, что никак не может подняться до парижской уличной толпы. В сущности, эти любители всегда презирали народ. Они верили: главное, что он — раб. Рабством же извиняли падение его, но раба не могли ведь любить, раб всё-таки отвратителен. Пушкин первый объявил, что русский человек не раб и никогда не был им, не-

смотря на многовековое рабство: было рабство, но не было рабов».

Западным умам невозможно было понять ещё одну нашу особенность: *«Есть идеи невысказанные, бессознательные и только сильно чувствуемые... К числу таких, скрытых в русском народе, идей — идей русского народа — и принадлежит название преступления несчастьем, преступников — несчастными» (Достоевский).*

Эта пророческая мысль Достоевского, конечно же, была невыносима и кощунственна для правового, юридического мышления людей Запада. Но до Есенина докатилась эта пророческая догадка и выразилась в таких стихах:

*Затерялась Русь в Мордее и Чуди,
Нипочём ей страх.
И идут по той дороге люди,
Люди в кандалах.*

*Все они убийцы или воры,
Как судил им Бог.
Полюбил я грустные их взоры
С впадинами щёк.*

Виктор Астафьев в своих воспоминаниях о войне словно бы подтверждает правоту Достоевского: *«...И на фронте, бывало, смотришь после боя на страшное поле и думаешь, только что сам на краю смерти стоял, сколько побито народа своего, а на мёртвого врага смотришь, и будто это даже и не враг, а просто заблудившийся человек».*

Запад, который избавился к XX веку от понятия совести и греха, конечно, своим юридическим и правовым умом не мог освоить этой мысли. Со времён Достоевского прошло полтора столетия, со времён Есенина почти век — и, несмотря на громадные изменения (я избегаю лживого слова «прогресс») во всех областях жизни, люди Запада уходят всё дальше и дальше от Достоевского и Есенина, а значит от понимания России.

Иногда наше взаимонепонимание приобретает просто комические формы. Помню, как однажды в гости к Вадиму Кожину приехал профессор-славист из ГДР. Он неплохо говорил по-русски, был антифашистом и коммунистом, и вот однажды, во время вечернего застолья у Вадима, который «угощал» немца собственными романсами на слова Рубцова, Соколова, Передреева, гость попросил нас исполнить русскую народную песню. А мы как раз созрели для того, чтобы

спеть «По диким степям Забайкалья, где золото роют в горах» — песнь о бродяге. Исполнили с душой. И посмотрели на гостя, естественно, ожидая одобрения. А он сидит хмурый.

— Что с тобой, Дитрих? — спросил Вадим. — Тебе не понравилось наше исполнение? Ну, прости, конечно, мы пели, кто в лес, кто по дрова!

Мало того, что нам пришлось долго растолковывать немцу смысл этой поговорки, но когда он её понял, то совсем огорошил нас:

— Странно! Почему вы так восторгались, когда пели, героем этой песни? Вот он к Байкалу подходит и «рыбацкую лодку берёт». А ведь лодка-то чужая! Он, к тому же, сбежал с каторги, и опять за воровство принялся. Он же — рецидивист! Мало того! Навстречу ему «выходит родимая мать» и говорит, что брат его тоже в Сибири, «давно кандалами звенит!» — Ведь вся семья у них криминальная! Чему же тут восторгаться?

Ну как не вспомнишь тут слова Бердяева о немцах: *«мы с немцем о понятии “свобода” никогда не договоримся. На вольном воздухе он ощущает на себе давление хаоса, немец чувствует себя свободным лишь в казарме»*.

А ещё вспоминаю, как в громадных сибирских крестьянских дворах, с высокими, из тёсаных плах, стенами, всегда в этих стенах было выпилено окошечко и дощатая подставка, на которой лежали хлеб и какая-нибудь немудрёная еда: если будет мимо, даже ночью, проходить «рецидивист», бродяга, чтобы он мог бы утолить голод.

Культ народа, народного понимания жизни безукоризненно выражен в коротком стихотворении одного из самых аристократических поэтов XIX века Е. Баратынского:

*Старательно мы наблюдаем свет,
старательно людей мы наблюдаем
и чудеса постигнув, уповаем:
какой же плод науки долгих лет,
что наконец подсмотрят очи зорки?
что наконец поймёт надменный ум? (опять как у Тютчева! — Ст. К.)
на высоте всех опытов и дум;
Что?
точный смысл народной поговорки.*

VI. О КУЛЬТЕ ДЕНЕГ

Вспоминаю сцену из нашей поездки по Америке в 1990-м году. В зале, спроектированном и по интерьеру, и по размерам для узкого кру-

га людей, серьёзные, пощённые специалисты прочитали нам не то чтобы несколько лекций, а, скорее, несколько правил, на которых зиждется со дня основания финансовая мощь Америки. Главным правилом было, по их словам, благоговейное, почти религиозное отношение к доллару, как в иконе. Голос человека, рассказывавшего о том, что изображено на долларе — и всевидящее ветхозаветное око ревнивого Бога Израиля, и вершина пирамиды, олицетворяющая власть над миром, и лики пророков золотого тельца: Джексона, Франклина, Гамильтона, — подрагивал от волнения — он читал нам не лекцию, а произносил проповедь, служил своеобразную литургию, зачитывал наизусть «священное писание»...

Ну, конечно, я, как всегда, не удержался и испортил впечатление от этой «песни песней» в честь золотого тельца, когда попросил слово и сказал нечто совершенно бестактное, вроде того, что в России никогда деньгам не поклонялись и, видимо, никогда не будут, а потому нам такого рода изыскания чужды и ничего дать не могут... Возмездие наступило быстро. В городе Феникс, когда мы собирались из гостиницы ехать в аэропорт, укладывая чемоданы и выбрасывая в мусорную корзину ненужные, накопившиеся в дорожной сумке бумаги, я случайно выбросил авиабилеты от Феникса до какого-то города, куда мы вылетали. Пропажу я обнаружил в аэропорту перед посадкой... Все уже пошли к самолёту, а мы с переводчицей Татьяной Ретивовой все выясняли отношения с администрацией аэропорта. Я горячился:

— Ведь билеты были заранее заказаны на мою фамилию, посмотрите в компьютере — там всё должно быть, вот мой паспорт, никто по этому билету, кроме меня, полететь не сможет, так что вы вполне можете пропустить меня на посадку. Вот, кстати, компьютер и моё место выдаёт на экране!..

Но строгий худой администратор был неумолим. Аргументы его были железными и абсолютно непонятными для меня:

— Вы потеряли билеты, а это значит, что вы потеряли деньги! — Тут он начинал волноваться и негодовать, не в силах объяснить мне, что потеря денег — своего рода нарушение высших моральных и религиозных догм общества. Больше всего, как я теперь понимаю, его возмущали мои легкомысленные оправдания происшедшего: «Ну, потерял и что такого! Всё равно же — я в компьютере, а значит, можно посадить меня и без билета...». Такие речи, в его сознании, были издевательством над высшими ценностями жизни, над здравым смыслом, над верой в сверхчеловеческую силу денег...

Пришлось мне второй раз брать билет и снова заплатить двести долларов. Когда аэропортовский администратор добился этого, на

его лице выразилось полное удовлетворение, как будто он принудил грешника к раскаянию и спас его заблудшую душу.

Свидетелем нашей мировоззренческой схватки был Леонид Бородин, с которым бок о бок я прожил целый месяц нашего путешествия.

— Станислав Юрьевич! — сказал он мне. — Ты их не переубедишь. Они не понимают, о чём ты говоришь, да не просто говоришь, а богохульствуешь...

Антибуржуазная закуска русского мировоззрения не позволяла Европе понимать Россию. Опять же, у нас всё от Пушкина. Вот что сказал он о знаменитой в начале XIX в. французской литературе: *«Легкомысленная, невежественная публика была единственной руководительницей и образовательницей писателей. Когда писатели перестали толкаться по передним вельмож, они в их стремлении к низости обратились к народу, лаская его любимые мнения или фиглярствуя независимостью и странностями, но с одной целью: выманить себе репутацию и деньги! В них нет и не было бескорыстной любви к искусству и к изящному. Жалкий народ»*. И это о литераторе Гюго, Мериме, Бальзака, Альфреда де Мюссе и т. д.

Любимая книга моего детства о Томе Сойере чем заканчивается? Итог, венчающий все его приключения, — счёт в банке на его имя в несколько тысяч долларов с 6 % годовых. Он сразу становится уважаемым человеком в своём городке. Индеец Джо умирает, как животное, лишённое души. Но вопрос на засыпку: а может ли Том Сойер, когда вырастет, понять сцену из «Идиота», где Настасья Филипповна бросает пачку банкнот в камин, и Ганечка, духовный брат пушкинского Германа из «Пиковой дамы», конечно, не сходит с ума, как Герман, но не выдерживает такого кощунства Натальи Филипповны и падает в обморок?

Из дневников Г. Свиридова:

«Нет, я не верю, что Русский Поэт навсегда превратился в сытого конферансье-куплетиста с мордой, не вмещающей в телевизор, а Русская музыка превратилась в чужой подголосок, лишённый души, лишённый мелодии и веками сложившейся интонационной сферы, близкой и понятной русскому человеку. Я презираю базарных шутов, торгующих на заграничных и внутреннем рынках всевозможными Реквиемами, Мессами, Страстями, Фресками Дионисия и тому подобными подделками под искусство, суррогатом искусства. Они напоминают мне бойких, энергичных “фарцовщиков”, торгующих из-под полы краденными иконами из разорённых церквей».

Подумать только: через 150 лет после Пушкина Георгий Свиридов горюет о тех же позорных увлечениях русской либеральной черни и клеймит её почти пушкинскими словами. О, русская судьба! Которую не понять никаким умом...

Можно, конечно, антибуржуазность русской литературы в XX веке списать на советское идеологическое давление, на соцреализм, на диктат коммунистической партии. Но что тогда делать с антибуржуазными сочинениями великих антисоветчиков: Бунина с его «Господином из Сан-Франциско», Ходасевича с книгой «Европейская ночь» — о фашистской Европе; со стихами Марины Цветаевой о людях Запада («Глотатели пустот, читатели газет»), о «Людоедах в парижских модах», о том, что вырождающейся Европе «пора-пора-пора Творцу отдать билет»? Вспомнила Достоевского! Советские патриоты и вышвырнутая с родины «антисоветская сволочь» в 30-е годы думали и чувствовали одинаково. Ну как после этого умом понять Россию!

VIII. НЕПОНИМАНИЕ

НА УРОВНЕ БЫТА

Взаимное непонимание умом России и Европы существует во всех срезях жизни: в этике, в эстетике, в быту и даже на кладбище.

Помню, как в глубинной провинциальной Америке я бегал среди фермерских имений. Кроссы, бег трусцой, и однажды добежал до провинциального кладбища — где на зелёном ровном травяном поле торчали из земли одинаковые стелы из серого гранита, на стелах были выбиты стандартные короткие надписи:

«Блейк 1831–1900», «Кларк 1842–1910», «Джон 1856–1919»... Никаких там сантиментов вроде «Любимому мужу от скорбящей жены и детей» или «Зачем ты нас так рано покинул?». Кладбище чистое, безо всяких православных излишеств, без оград, без изысков с каменными бордюрчиками и цветниками, без склонившихся к надгробию ангелов, без самодельных стихотворений и переведённых на фарфор фотографий, каких так много на надгробных камнях Пятницкого кладбища в моей родной Калуге.

Трава, гранитные прямоугольники, похожие на противотанковые надолбы, фамилии и даты. Всё рационально, упрощённо, деловито, аккуратно до последнего предела.

Великий русский мыслитель Константин Леонтьев, кстати, как и Тютчев, бывший дипломатом и долго живший за границей, жестоко высмеивал рационалистическую бессовестность европейских нравов в знаменитой статье «Наши новые христиане»:

«Молодой граф Ростов, когда в “Воине и мире” молодцом один-одинёшенек поколотил мужиков, бунтовавших против беззащитной и, заметим, некрасивой княжны Болконской (которую он даже и видел в первый раз), обнаружил больше христианской любви, чем, например, французский живописец Давид, когда он на вопрос доброго, слабого, уже развенчанного и униженного Людовика XVI: “когда вы окончите мой портрет?” — отвечал: “я буду писать портрет тирана только тогда, когда голова его будет предо мной на эшафоте”. Каждый умный православный простолюдin поймёт Ростова и назовёт его не без соучастия “лихим баринoм”! А Давиду стоило бы за эти слова дать несколько десятков великорусских прежних плетей!».

А в какую сакральную, священную категорию западное мышление переводит низменную бытовую проблему туалетов, проще говоря, сортиров. Помните, у Есенина в «Стране негодяев» революционер Чекистов, западник, политэмигрант, попавший во время гражданской войны в пугачёвские оренбургские степи витийствует:

*Я ругаюсь и буду упорно
Проклинать вас хоть тысячи лет,
Потому что хочу в уборную,
А уборных в России нет.
Странный и смешной вы народ!
Жили весь век свой нищими
И строили храмы Божии...
Да я б их давным-давно
Перестроил в места отхожие.*

Интересно, что Андрей Кончаловский заклинился на той же почти фрейдистской проблеме, пожив в Голливуде, то есть, получив американскую прививку, и в фильме «Курочка Ряба» — повторил устами главной героини те же заклинания об отсутствии в России комфортных сортиров. А вот ещё пример. Однажды американские спецы по ракетам по приглашению Горбачёва приехали на Байконур, где их поразили не столько красавицы-ракеты, сколько на окраинах космодрома деревянные уборные с дырой в доске. Это всё и не смешно, потому что подобные очаги комфорта для западной элиты наполнены сакральным смыслом. Недаром на Западе и в западном сознании существует мечта о золотом унитазе как о высшей точке жизненного успеха. И не зря Ленин, желая десакрализировать, дезавуировать эту мечту, говорил о том, что при победе коммунизма в мировом масштабе священный металл золото будет настолько обесценен

и предан поруганию, что победивший пролетариат будет из него делать унитазы. То есть, вождь революции как бы уравнивал разрушение религии с унижением другого западного божества — Золотого тельца.

Когда западные люди гордились передо мной достопримечательностями своих особняков, они всегда подчёркивали, что их жилища имеют два, а то и три туалета, и это было похоже, что гордятся они наличием двух, а то и трёх Красных, то есть, священных углов, домашних иконостасов.

Помню, как я расхохотался, когда в одном из ресторанов Марбурга пошёл в туалет и увидел на его облицованных кафелем стенах изображения корзин с фруктами, подносов с мясными блюдами, с рыбой и прочими соблазнительными яствами. И это — в отхожем месте.

И в заключение — ещё один пример рокового непонимания умом.

В середине 20-х годов, во времена НЭПа, пока ещё Европа не обрела коричневый цвет и не наступила ещё в СССР мобилизационная эпоха, вся наша творческая интеллигенция — литературная, киношная, театральная, научная, торговая, военная и прочая — на полную катушку до начала 30-х годов пользовалась свободой выезда в капиталистический мир. Театр Станиславского проехал с гастролями по всей Европе. Триумф был полный. В Берлине в конце гастролей труппа Станиславского встретилась с немецкими режиссёрами и актёрами. В конце беседы Станиславский, отвечая на обычный вопрос «над чем Вы работаете?», с вдохновением стал рассказывать немецким коллегам, что он мечтает поставить дорогой ему спектакль по «Идиоту», в котором есть сцены, где Рогожин, измученный страстью к Настасье Филипповне, отвергнутый ею, напился до полусмерти, утром очнулся и стал жаловаться князю Мышкину, что ничего не помнил, как провёл ночь, и какой ужас он испытал, когда очнулся и понял, что его «объели собаки». Немецкие режиссёры были поражены сценой и возмущённо заявили, что поставить её невозможно. — Почему? — удивился Станиславский. — Да, как же собаки могут объесть человека, — ответили немцы, — они же в намордниках!

Так что умом не то что русских людей, но даже и русских собак понять невозможно. У нас не то что люди — даже собаки, по сравнению с немецкими, свободные существа.

А в завершение вспомню разговор с охотником Романом Фарковым на берегу Нижней Тунгуски — Угрюм-реки. Фарков — участник войны, побывал в плену, бежал, закончил войну в Вене. Я достаю на берегу фээргевскую фиберглассовую складную удочку, налаживаю её, дед берёт удилице в руки, восхищается им, и говорит:

— Да, головастые мужики, — потом на чуть-чуть задумывается и добавляет: — Но всё равно мы их побили!

Мировой историей правят мифы. Даже в наше время на их фундаменте возникают целые государства. Вспомним, что сказал Хаим Вейцман, обосновывая право евреев на создание Израиля: «Библия — наш мандат на Палестину». Поэтому я остаюсь с Тютчевым, с Пушкиным, с Достоевским, с Вальтером Шубартом. Я хочу жить в мире мифов и умереть среди них, чтобы воскреснуть в день Второго Пришествия и Страшного Суда, ибо только после него прервётся великая и животворная мифология истории.

Ведущий

Спасибо большое за этот пучок истин и предрассудков, которые встречаются не только у россиян, но и у их западных наблюдателей. Более чем ясно, что Станислав Куняев преследует противоположную позицию, чем Людмила Улицкая. Он занят, главным образом, неадекватными суждениями иностранцев о сущности России, русской ментальности и её истории. В то же самое время он говорит о том, что русская элита с давних времен, пойдя на чужеземные соблазны, раздвоилась на две, противоположные по направленности, группы. Тем самым она разложила «тысячелетнюю полноценную универсальную народную цивилизацию», которая основывалась на таких ценностях как благородство, бескорыстие, взаимопомощь, сострадание, солидарность, душевность ит.д. В течение истории Россия должна была конкурировать с наступающими эгоизмом, цинизмом, прагматизмом, космополитизмом. Вспомните: «Россия, словно баба во хмелю, лезла в постель к другим цивилизациям, что можно объяснить лишь духовным помрачением или психическим заболеванием её интеллигенции — боярской, дворянской, монархической, чиновнической, революционной, советской, антисоветской».

В отличие от Людмилы Улицкой, которая призывает переосмыслить все до сих пор существующие общественные концепции и основные ценности жизни для того, чтобы человечество выжило, Станислав Куняев, главным образом, жалуется на то, что Россия искажённо представляется иностранцами и что исконно русская культура под угрозой уничтожения. В своей аргументации Станислав Куняев ссылается на тексты самых разных авторов, исходя при этом из того, что их мнения или правильны, или неправильны. Но что касается иностранных авторов или наблюдений самого Куняева в США, осмелюсь, как иностранец, отметить, что сам Станислав Куняев, исходя из бинарного подхода, широко распространённого в русской культу-

ре, не смог увидеть всю сложную ёмкость западных культурных традиций. Теперь слово Виктору Ерофееву.

Виктор Ерофеев

Конференция только что началась, а уже стало ясно, что мы все мифотворцы. Видимо, с этим ничего не поделаешь. Очевидно, мифотворчество в природе не только российского, не только немецкого человека, но вообще в природе человека. Если мы возьмем человеческое слово, то это уже элемент мифа, символ, который нуждается в интерпретации, и каждый интерпретирует этот символ по-своему. Поэтому из элементов символов складываются мифы, из элементов мифов складывается наше мировоззрение или, по крайней мере, то, что, в той или иной степени, можно назвать этим словом. Человеческая способность мыслить символами часто приводит нас в очень сложное положение по отношению к Богу: мы «сквозь» слово и чувствуем Бога и одновременно интерпретируем свои представления о высших смыслах, и поэтому огромное количество лет существуют самые различные конфессии, и договориться невозможно.

Тема конференции, конечно, зубодробительная, потому что чем дальше рассматриваешь эту коллизию, тем больше понимаешь свою беспомощность. Конфликт между национальными особенностями — конфликт постыдный: он может привести к страшным явлениям нетерпимости и расизма.

Немецкое сознание игнорирует в современном мире идею национальных особенностей: слишком сильно и слишком чудовищно эти особенности выразились в немецкой жизни на протяжении 1930-х — первой половины 1940-х годов. Я помню, что в одном из университетских центров Германии меня называли «фашистом» только за то, что я попытался говорить именно о разных национальных особенностях как немецкого, так и русского народов. Это табуированная тема, и к ней лучше не возвращаться. Хотя, с другой стороны, думаешь: общечеловеческие ценности, которые выдвигаются в рамках цивилизации, — это, конечно, те ценности, которые связаны с дорожным движением; лучше ездить правильно, по правилам уличного движения — будет меньше аварий, по крайней мере, с точки зрения логики, здравого смысла. На самом деле, существует много национальных особенностей у каждого народа, и нам с этим приходится считаться хотя бы в бытовой жизни, а что касается философии, то всё зависит от нашей мифологии, хотим мы это признавать или нет.

Мне кажется, что как либеральный миф, так и националистический миф — это выбор человека, который хочет облегчить собственное духовное существование, а затем попадает в ловушки. Я всегда

слушаю с интересом доклады моих идейных оппонентов, они посе-ляют во мне чувство радости за то, что люди различны — это всё равно, как если бы женщина прочитала доклад о мужчине, а мужчи-на — о женщине. Можно было бы подумать, что ничего нет общего, они друг друга не понимают — война полов. Так, видимо, есть и вой-на представлений о нашей нации. Я могу привести прямо противопо-ложные цитаты насчёт того, что сказал Станислав Куняев, начиная от Кюстина и заканчивая лермонтовским «Страна рабов, страна гос-под», т. е. можно сделать противоположный доклад, опираясь на ци-таты тех же самых авторов. Система селекции (слово не чуждое не-которым годам немецкой истории), в общем, торжествует над темой правды.

Что же касается катастрофичности, которую мы можем тоже счита-ть одним из мифов нашего времени: мол, золотой век кончился, а сейчас будет полная беда, — то я думаю, каждое поколение в той или иной степени апокалиптично, и всегда казалось, что завтра мы рухнем в пропасть. Несмотря на то, что человечество приблизилось так близко к чудовищному (а для кого-то, может быть, и не чудовищ-ному) понятию бессмертия. Может, мы последние, которым суждено умереть, а дальше уже никто не будет умирать. И как вообще Бог ко всему этому отнесётся, если он велел людям умирать, а они решили больше не умирать?

Если говорить о том, что действительно является актуальным для сегодняшнего состояния культурной мысли, для состояния европей-ского и российского общества — так это, наверное, вот как климат: бывает, целыми эпохами холодает, оледенения происходят, а у нас, даже на моём небольшом веку, я наблюдаю движение глупости. Я вижу почти фатальное развитие глупости во всём мире. Глупость становится одним из наиболее серьёзных проявлений человеческой мысли. Я даже не связываю это с образованием — не образованием, я не связываю с мифами или не мифами, я просто считаю, что это какое-то совершенно фатальное явление... Если вспомнить Мереж-ковского — он бы сказал, что это обмеление христианства, а если бы я вспомнил Ницше, то, наверное, надо сказать, что «бог умер», хо-тя... те резкие всплески религиозного сознания, которые мы наблюдаем в мусульманском мире, совершенно не способствуют углубле-нию ума. Такие всплески тоже глуповаты, а что же касается потери бога, которую мы наблюдаем, по крайней мере, в европейском соз-нании, то, наверное, глупость всё же можно связывать с этим обме-лением.

Непонятно и с демократией. Демократия даёт нам огромное коли-чество возможностей для выживания, как показывает Европа, где

действительно жить комфортно и куда особенно хочется уехать из России от всяческой мерзости нынешней жизни. Но с другой стороны, если брать за основу не бытовые и политические явления, не брезгливость, а историю духовной жизни, то в Европе тоже замечаешь, как под маской форм, о которой уже говорилось, проявляется тот же самый «грядущий хам», только он по-другому смотрится. Это не значит, что нет выхода, это значит, что мы его не находим.

Умом Россию не понять? Это, в общем-то, формула банальная, отнюдь не гениальная. А следующая строка — «аршином общим...» — звучит и вовсе иронически: какой народ, кроме русского, измеряет что-либо аршином?

Мне кажется, у нас есть свои «тайные» особенности, которые говорят вот о чём: мы страшно архаический народ. Отсюда и наше счастье, и все наши беды. Россия — большая африканская деревня. И надо сказать, что умные иностранцы, которые сюда приезжают, достаточно быстро ориентируются, что если смотреть с точки зрения большой африканской деревни — всё как раз понятно. Все взаимоотношения, которые выстраиваются в России — они понятны. Как раз умом Россию понять. А вот если прикладывать идеи европоцентризма, всё тонет во тьме.

Итак, архаическое сознание. Это сознание выталкивает нас сразу в сказку. Жизнь в России — жизнь в волшебной сказке. У нас есть баба Яга, Кощей Бессмертный, Иван-царевич. Можно подобрать определения и к Путину, и к Медведеву. Не буду сейчас заниматься мифотворчеством, но это тоже сказочные герои. Сказка крутится на одном месте — в ней нет исторического развития, она жестоко верна самой себе. С одной стороны, это даёт основу для существования России. Рамочная верность сказке, несмотря на смену декораций, — писательская тема. Вообще, Россия для писателя — рай. С другой стороны, Россия может быть адом для читателей, то есть, для её жителей — это обморок сознания. Но для писателя, который тянется к застойной метафизике человеческого существования, это рай, отсюда не надо уезжать, тут всё сконцентрировано и собрано воедино, как нигде.

Эта сказка целебна: она направлена на преодоление трудностей, она превращает жизнь в испытание. Эта сказка разрушительна: в ней слишком много непосильных для человека трудностей, в ней человек — если ему на помощь не приходит чудо — оказывается жертвой. Вот в чём загадка России. В этой сказке мы живем. Но в этой сказке мы и умираем. В этой сказке идёт вечная борьба добра и зла, здесь каждый шаг подразумевает выбор между добром и злом. Есть от чего сойти с ума, похерить всё, пуститься в пляс. Мы — полигон, на кото-

ром видны следы человеческой природы, мы, будучи вне истории, полезны для человеческой истории.

Европа нередко считает Россию «своей» и судит о ней как о большой, хотя и грязной комнате в общем европейском доме. Строго говоря, за всю историю России мы никогда не давали повода считать нас европейцами. Лишь запредельная политкорректность вкупе с нетерпеливым желанием наконец найти с нами общий язык толкает Европу признать нас своими подданными. Мы многое заимствовали из Европы, но именно Европа до сих пор раскалывает просвещенный русский класс: одни тянутся к ней как к спасательному кругу, другие бегут от неё, как чёрт от ладана. Однако наши «сказочные» ценности, в которых большую роль играет рок, трудно совместить с сегодняшним днем.

Россия стоит перед историческим выбором: либо она модернизируется, либо — исчезнет с лица земли. Моральный ресурс для её модернизации достаточно слаб, но другого пути нет. Вот тут Станислав вспоминал рынок в Калуге. Я недавно был в Уссурийске, выступал перед будущими учителями русской литературы и русского языка в педагогическом институте. Я в Уссурийске был рядом с уссурийскими тиграми. Которые все ушли в Китай. Так вот я там выступал, и аудитория — одни девчонки, которые всё эсэмэски посылали, видимо, своим парням. Но потом, когда мы всё-таки разговорились, я к концу выступления спрашиваю: девочки, поднимите руки, кто в Бога не верит. Ни одна не подняла руки. Такое было ощущение, что в институте полное религиозное сознание. Тогда я говорю: девочки, а поднимите руку, кто в Бога верит. И опять никто не поднял руки. Я улыбнулся: ну вы верите в Бога или нет? Стесняетесь сказать? Они не стеснялись. Они смотрели на меня нагловатыми глазами. Но этот вопрос — в их жизни им не представилось его решить. Поэтому они между атеизмом, агностицизмом и религией выбрали ту меру человеческой тупости, о которой писал Фёдор Сологуб в «Мелком бесе».

Нужно бросить все силы на то, чтобы объяснять общечеловеческие ценности. Надо стараться действительно сделать всё, что от нас зависит, т. е. проводить подобные конференции, объяснять девочкам, что есть разница между верой в бога и атеизмом. Прилагать огромное количество усилий, не приходить в ужас, но жить постоянно в отчаянии.

Ведущий

Спасибо большое за те сравнительные замечания, которые Вы внесли в дискуссию. Вы подчеркнули взаимосвязь между мифической предпосылкой слова и символа, на основе которых образуются соб-

ственные мифы, которые играют роль как раз для так называемых «национальных особенностей». Со своей стороны, они используются в политических целях, что особенно важно. Но, независимо от этого, мне понравилась формулировка: «Все взаимоотношения, которые выстраиваются в России — они понятны. Как раз умом Россию понять». Посмотрим, как определяет социолог Лев Гудков наши вопросы.

Лев Гудков

Нынешние разработчики национальной «мифологии» не создают новых легенд и смыслов, они лишь компилируют старый идеологический материал, комбинируя его с ангажированными интерпретациями актуальных событий. Старо-новая мифологизация — это не самостоятельно и автономно развивающийся процесс, а побочный симптом укрепляющегося авторитаризма, полицейского государства, приходящего на смену дискредитированному в ходе длительного кризиса прежнему устройству власти. Авторитаризм, в отличие от тоталитарной системы, нуждающейся в футуристической, миссионерской или имперской идеологии, может существовать и функционировать только в условиях резкого ослабления какой-либо систематической идеологии, в атмосфере общественного разложения и деморализации, дискредитации ценностей и идеалов рационализма и Просвещения, усиливающегося спроса на иррациональное, включая мистику, оккультизм, астрологию и т. п., тиражируемое контролируруемыми властями каналами СМИ.

Растущая мифологизация общественно-политической жизни идёт параллельно или одновременно с процессами стерилизации и подавления механизмов политического целеполагания, выраженного в последовательном уничтожении политического плюрализма, ликвидации многопартийности, вытеснения или опосредованного уничтожения политических партий (кроме основной партии власти и её слабых дублеров), эпигонской имитации демократии, правовых и других институтов современного общества. «Мифологи» (литераторы, политологи, журналисты, в том числе и обслуживающие путинскую администрацию, и, прежде всего, ведомство В. Суркова) в таких условиях являются прямыми конкурентами специализированных элит и институтов рацио, рациональной науки, отодвигающими их на второй план. Но мифологизация не единственная и даже не главная идейная составляющая интеллектуальной обстановки рутинизирующегося общества; она — сопутствующий компонент в общей работе авторитаристских политехнологов по легитимации настоящего, производимой ими из подручного культурного материала. Неотрадиционализм

и новая мифологизация с их лоскутной интерпретацией происходящего (всегда только в связи с каким-то происшедшим событием, всегда в качестве реакции на происходящее), фрагментацией действительности сменяют умершую более или менее систематически проработанную идеологию. Будучи «фантомными переживаниями», вызванными утратой прежнего состояния тотального идеологического контроля, совокупность или множество отдельных мифов замещают или компенсируют утраченную целостность представлений о действительности, но чаемую в ситуации хронической неопределённости, дезориентированности, сбой институциональных норм, массовой фрустрации и полного разрушения традиций. Новые мифы работают только как суррогат очень сильно разрушенных в советское время национальных традиций. Миф соединяет символическое «время = пространство» коллективных символов (великой державы, власти как выражения этого величия) с упрощенной и селективно препарированной реальностью настоящего.

В общем и целом современный российский миф служит средством

- 1) поддержания границы своего/чужого;
- 2) установления или восстановления порядка (отсюда образы Отца, Родины-матери, семейно-патерналистских отношений между не фамильными социальными образованиями);
- 3) объяснения, как — и, главное, кем — происходит спасение «России» от различных угроз (войны, бедствия, нашествия; борьбы с чужими, соответственно, с миром чудовищ, нелюдей, силами иного, злого мира), от враждебных заговоров;
- 4) воспроизводства символов целого (вождя, патриарха, спасителя, Отца, национального лидера), взаимосвязи части и целого (народ ради вождя, вождь только ради народа);
- 5) поддержания циклов повторяющегося времени, его состояний (напоминая раз за разом о горизонтах катастроф, войн, нашествий, кризисов, грозящих существованию всего целого);
- 6) производит символы верхнего/нижнего мира (эмблематику высших «ценностей»);
- 7) сохраняет представления о базовых социальных отношениях (институтах господства/подчинения).

А теперь перейдем к анализу первого мифа «Умом Россию не понять...».

Первый из предложенных (в исследовании) респондентам вопросов («Согласны ли Вы или не согласны с мнением, высказанным великим русским поэтом Ф. Тютчевым: “умом Россию не понять... в Россию можно только верить”?»), содержащих тезис об особой сущ-

ности России, недоступной западному человеку, дал очень сильную реакцию опрошенных, повлиявшую на последующие ответы. 80 % опрошенных радостно согласились с Ф. Тютчевым: понять Россию нельзя, в неё можно только верить (не согласны с этим — 10 % и 10 % затруднились ответить). Ответы в разных социально-демографических группах мало отличались между собой, а это значит, что действует практически всеобщая норма подобных представлений. Конечно, такой вопрос, с социологической точки зрения, содержит очень сильную ценностную провокацию (поддержанную, среди прочего, и подсказкой «великий русский поэт»). Но в данном случае нам и важно было получить данные о предельной интенсивности выражения массового представления. Вместе с тем, мнения об «особой стати» России и невозможности сопоставления её с другими странами («аршином общим не измерить») даются респондентами при вполне устойчивом сознании, что русские «такой же народ, как и другие» (табл. 1).

Таблица 1

Русские — такой же народ, как другие, или это совершенно особый народ? (в %)

	2000 март	2004 октябрь	2008 июль	2008 сентябрь	2008 ноябрь
Такой же, как другие	63	59	66	45	63
Совершенно особый народ	39	39	30	49	34
Затруднились ответить	1	4	4	6	2
Число опрошенных	1600	500	2600	1600	1600

Сформированная в первом опросе установка проявилась и в последующих ответах на второй вопрос, контрольный для первого. Как видно из таблицы 1, характер распределений ответов («такой же» и «совершенно особый») на этот вопрос заметно изменился в сравнении с предыдущими и последующими замерами («такой же» понизился на 20 процентных пунктов, а «особый» поднялся на 19 %, в сравнении с предыдущим замером, произведённым за два месяца до того).

Таким образом, мы имеем дело с двумя полярными ответами на практически одновременно заданные вопросы. В обоих случаях ответы даны преобладающим большинством опрошенных. Можно ска-

зять, что мы имеем дело с характерной двойственностью массового сознания, обычно отрицаемой исследователями, не связанными с эмпирическим изучением культуры или общественного мнения. Можно назвать это явление «двоемыслием», «мозаичностью» коллективных представлений или как-то иначе, вплоть до «шизофрении» общественного мнения, обличаемой в качестве причины неуспеха того или иного объяснения, но суть проблемы заключается в том, что одни и те же люди говорят то так, то эдак. Такое поведение мы и описываем как «комплекс общественного мнения», т. е. сочетание несочетаемых вещей, совпадение у одних и тех же респондентов противоречивых ценностных утверждений, которые обычно не могут быть соединены.

Суть этого комплекса заключается в провозглашении особого предназначения и великого будущего России при одновременном полном осознании невозможности его реализации, недостижимости этого великолепного состояния, поскольку оно вступает в противоречие с собственными же представлениями респондентов о том, что русские такие же люди, как все остальные, даже более того — с сознанием бедности, убогости, злобности, агрессивности, несчастья нашего народа, которые разворачиваются обычно в наших исследованиях. Именно это соединение высоких значений, но нереальных, с реальными человеческими качествами и институтами, и порождает подобную фрустрацию, травму массовой идентичности.

Вполне допустимой была бы попытка объяснить это обстоятельство тем, что мы имеем дело с разными внутренними адресатами высказываний: первое соотносится с «внешней» точкой зрения, болезненно значимой для национальной самоидентичности, второе — с «внутренней», мнением самих о себе и для себя. Такое предположение подтверждается ответами на другой вопрос, задававшийся в ходе более ранних опросов (табл. 2).

Но, по сути дела, даже такое разнесение суждений по разным контекстам высказываний не меняет общего заключения: мы имеем дело с глухой моральной защитой, закрывающей возможности осознания самой травмы. Высокое предназначение касается коллективных символов, представлений о коллективной целостности, а негативное значение — невозможность реализовать это высокое предназначение — относится именно к повседневной, бытовой стороне, т. е. к обычным качествам людей. Уточнение (конкретизация) различных самоопределений дало бы нам вдобавок и определённую массу негативных определений: мы ленивы, пассивны и так далее, — получаемых в массовых опросах в процедурах описания типичных свойств различных народов, включая и русских. Мнения о том, поче-

му западный человек не может понять «русскую душу», распадаются на две части: первое — это инаковость, «мы иные», второе — враждебность Запада. Поскольку сама конструкция травматическая — мы не можем достичь того, что для нас значимо именно потому, что мы такие, как есть, — то происходит дискредитация вообразяемого другого, с точки зрения которого и может быть дана оценка «нас/себя» как диких, а соответственно, начинается приписывание Западу враждебности, негативности и агрессии в отношении нас.

Таблица 2

В какой мере Вы согласны с суждением:
«За 75 лет советской власти наши люди стали другими,
чем в странах Запада, и этого уже не изменить?» (в %)

Год и месяц опроса	«Полностью согласен» + «Скорее согласен»	«Скорее не согласен» + «Полностью не согласен»	Затруднились ответить
Август 1994	53	29	18
Апрель 2000	68	21	11
Август 2003	57	32	11
Март 2008	66	23	11
Июль 2008	53	32	15

Таблица 3

«Западным людям не дано понять, что происходит с нашей страной.
С чем, по Вашему мнению, это, прежде всего, связано?»

Инаковость России	%	Враждебность Запада	%
У нас люди по-другому относятся друг к другу, другая мораль, другие ценности и вера	42	Запад всегда относился к России как к отсталой и чужой стране, не хочет видеть её достоинств и достижений	26
Наша жизнь устроена по-другому, чем на Западе, отношения человека с государством построены совершенно иначе	37	Запад никогда не мог и не может признать особую духовную миссию, историческую роль России в мире	18
Я не согласен с тем, что западному человеку не дано понять Россию			4
Затруднились с ответом			6

Тютчев очень точно сформулировал один из центральных комплексов российской идентичности, реально работающих и сегодня. Смысловым фоном для такого суждения оказывается ясное и одновременно крайне болезненное сознание не просто отсталости России или её варварской, с точки зрения европейцев, патриархально-самодержавной государственной и общественной конституции, но и неосновательность каких-либо надежд на процессы её цивилизации в обозримом будущем. Это противоречие (в психологическом плане его можно назвать «сшибкой», если вспомнить термин И. Павлова), вполне создавалось не только Тютчевым, прожившим половину своей взрослой жизни в Германии, в Европе, но и многими другими российскими мыслителями и политиками. В строгом смысле этот смысловой узел представляет собой не «миф» (пусть даже в качестве «мифа XX века»), а комплекс общественных представлений.

Он образован травмирующим национальное самосознание сочетанием гордости за великую державу, претендующую на то, чтобы быть самостоятельной «цивилизацией», центром русско-православной эйкумены, наследием, включающим традиции мессианства (идущего от православного изоляционизма), имперских и экспансионистских интересов, военных триумфов, громадности территориальных присоединений, и внутренней слабости и бедности страны, забитости её населения, дикого произвола властей, неразвитости её образованных классов. Такое столкновение различных ценностных определений величия и обидной отсталости представляет собой выражение хронической фрустрации, характерной для многих стран догоняющей модернизации, национальной ущемленности и неполноценности. Разрешение этого болезненного противоречия, невроза, можно найти, если идти двумя путями. Первый состоит в том, чтобы, упреждая возможного противника, дисквалифицировать самого предполагаемого партнера, с точки зрения которого — и это ясно понимается самим действующим лицом — состояние страны, реальные коллективные достижения представляются крайне жалкими, не соответствующими критериям современного цивилизованного «народа». Дискредитация возможна, опять-таки, двумя способами:

Первый — приписать ему специфические интересы, обуславливающие заинтересованность в подобных негативных представлениях о России, его необъективность, злые намерения, недоброжелательность, не позволяющие выносить «справедливые» суждения относительно России. При этом имеет место трансформация собственной дефектности (с внешней точки зрения) в специфические особенности культуры, переоценка, перекодировка собственных недостатков в позитивные самоутверждения: мы не просто бедные по каким-то там

причинам нашей неспособности добиться благосостояния, а мы не нуждаемся в богатстве, мы живем не ради стяжательства, а ради духовных благ, благополучие обедняет или развращает человека².

Возникает очень устойчивая конструкция «мы–они», снимающая ответственность за несостоятельность с самих себя и тем самым ослабляющая, хотя бы отчасти, фрустрацию, и одновременно подавляющая аутоагрессию, которая переносится на других (чужих): Запад наделяется воображаемой враждебностью по отношению к себе, к «русским». Характерно, что именно в последние годы, с быстрым ростом доходов и потребления, россияне всё чаще отказываются соглашаться с теми определениями себя, которые охотно допускали ранее (число не согласных с тем, что мы «бедные, но чистенькие», выросло с 28–30 % до 44 %, соответственно, уменьшилось число тех, кто разделял эти мнения — с 64–66 % до 48 %, табл. 4).

Таблица 4

В какой мере Вы согласны со следующими суждениями:

- 1) «В России люди привыкли относиться друг к другу по-свойски, не думая о выгоде»?
- 2) «мы привыкли довольствоваться самым малым и не гнаться за успехом и богатством»? (в %)

	1994	2000	2003	2008
<i>1. Относятся друг к другу по-свойски, не думая о выгоде</i>				
«Полностью согласен» + «Скорее согласен»	58	66	64	48
«Скорее не согласен» + «Полностью не согласен»	30	28	30	44
Затруднились ответить	12	6	6	8
<i>2. Привыкли довольствоваться малым и не гнаться за богатством</i>				
«Полностью согласен» + «Скорее согласен»	65	65	64	51
«Скорее не согласен» + «Полностью не согласен»	27	29	31	44
Затруднились ответить	9	5	4	6
Число опрошенных	3000	1600	2000	1500

Второй путь предполагает более сложное соображение, строящееся на изоляции априорно негативных мнений: чтобы понять

² Подобный негатив отражается в злых анекдотах, особенно популярных во времена брежневского застоя: «Не тронь, я тут живу» или «не гони волну».

«Россию», надо быть «русским». Утешительный и защитный иррационализм отражает слабую в интеллектуальном плане потребность в барьере против критики, опасения, что загадки (как пишет тот же Тютчев о природе) никакой нет, а есть убогость нравственной жизни и неспособность к развитию и устройству лучшей жизни. Методологически это иногда выражается как «теоретическая посылка», согласно которой адекватное знание и познание сути русской культуры возможно, только если познающий исходит из признания наличия онтологических архетипов русской культуры³.

Оба способа работают замечательно. Конструкция комплекса очень устойчива именно потому, что она блокирует возможность рационализации собственных значений «мы», обеспечивает консолидацию на превращенных, но уже позитивных основаниях, мотивах самооценки, и вместе с тем — блокирует более сложные формы и способы общественной самоорганизации, что придает всему устройству авторитарного режима очень стабильный характер. В семантическом плане это — пустая конструкция, она не связана ни с какими предметными значениями себя и других (то есть она может принимать любые определения, как «Запада» или «чужих», так и «самих себя»), легко переворачивается и меняет знак соответствующих элементов. Сама по себе «пустота» значений «себя», коллективного целого, указывает на то, что здесь действует сильнейшее стремление к ценностному полаганию, ценностному самоутверждению, в принципе не нуждающегося в каких-либо обоснованиях. Противопоставляя себя враждебному или неполноценному, очень амбивалентно оцениваемому Западу или каким-то неполноценным «другим», мы тем самым поднимаем себя в собственных глазах. Мы верим в символ сверхценного коллективного целого. Сам акт веры в данном случае утверждает позитивное значение самих себя, не требуя никакого обоснования. «Верим!». Собственно, этот натужный акт как бы веры и находит своё выражение в формуле Тютчева. (Почти по Тертуллиану: *credo qui absurdum est*). Но сама возможность осознания этого травматического обстоятельства или комплекса (рационализация в психоаналитическом смысле) окружена сильнейшими табу. Мы — иные» и не должны быть сравниваемы с кем-либо другим (здесь можно вспомнить гневные слова Обломова, обращенные к Захару: «Кто это здесь “другой”? Как смеешь ты сравнивать меня с каким-то “другим”?»).

³ *Есаулов И.А.* Категория соборности в русской литературе. — Петрозаводск: Издательство ПГУ, 1995.

Перевод недостатков или дефектов социальности и социальной организации в позитивные качества коллективного целого (терпение, жизнестойкость, довольство малым, духовность, коллективизм, душевность, покорность и т. п.) обусловлен действием защитных механизмов, табуирующих возможность рационализации или «расколдовывания» основного фактора российской жизни — консерватизма базовых институтов патерналистской и бесконтрольной авторитарной власти, которую изменить нельзя, которую приходится терпеть и с которой надо уживаться. Власть, хранительница великой империи, апроприруя и воплощая в себе символы коллективности, героического прошлого, имперского величия, превосходства русских и прочее, прочее, и не разделяя эти символы с каким-либо другим общественным институтом, компенсирует убожество и бедность частной жизни. Поэтому она не может быть ослаблена или разрушена скепсисом и критикой. Её легенда напрямую связана со слабостью подданных, оба эти компонента образуют единое целое, и только так вся мифология и работает. Раздражение при понимании собственной зависимости людей от власти («соборное холопство», как это назвал Ю.А. Левада), «травма несостоятельности» быстро транспонируется в агрессию против Другого, в обвинения его (значимого Другого) в злонамеренности и дефективности, дегенеративной враждебности к России. Власть поэтому приобретает черты не просто символического института, основы национальной самоидентичности, но и черты подавленной коллективной травмы, коллективного «невроза». Отказ от неё — это отказ от самоидентичности. Поэтому Запад «не может признать» особую (историческую) роль государства в России, миссию России в мире, в противном случае пришлось бы признать собственную неполноценность и справедливость внешних оценок российской жизни, российского общества и человека. Или, другими словами, можно говорить о глубинной зависимости понимания себя от признания оправданности институтов господства.

Анализируя данные табл. 5 на следующей странице, мы видим, что общее число суждений уменьшилось за 10 лет. Это говорит о размывании структуры или, по крайней мере, об ослаблении противостояния в условиях нарастающего довольства населения. Но центральные определения: «терпение», «жизнестойкость» («способность вопреки притеснениям и запретам властей развивать свои таланты») — остались практически без изменения. А это значит, что собственная ущербность, принудительный аскетизм и бедность, превращаясь, по принципу перевертывания знака, из недостатка в добродетель, по-прежнему играют очень важную роль в мифологическом обеспечении национального достоинства. Все остальные значения более или ме-

нее слабеют. И, прежде всего, — представления о собственной духовности, коллективизме, покорности, врождённом чувстве справедливости.

Таблица 5

Что из перечисленного ниже лучше всего отражает Ваше представление об особенностях российского народа?

	1998	2008
Терпеливость (способность в течение длительного времени мириться с трудностями и лишениями)	53	54
Жизнестойкость (способность вопреки притеснениям и запретам властей развивать свои таланты, стремиться к знаниям, творчеству ...)	42	38
Привычка довольствоваться малым (скромные потребности большинства населения)	39	35
Духовность (преобладание духовных ценностей над материальными)	36	28
Коллективизм (склонность действовать и решать большинство жизненных проблем сообща, а не индивидуально)	35	19
Душевность, теплота (склонность переводить деловые официальные отношения в дружеские, неформальные)	34	30
Покорность (готовность смириться со всем, к чему принуждает власть)	31	19
Обостренное чувство справедливости (стремление минимизировать различия в уровне доходов)	29	16
Склонность во всём уповать на власть (уверенность в том, что решение большинства жизненных проблем зависит только от власти)	28	21
Преданность государству, самопожертвование	23	18
Обостренное чувство внешней опасности, военной угрозы, привычка жить во враждебном окружении	10	8

N = 1600 человек.

И заканчивая, я хочу ещё раз подчеркнуть свой главный вывод: легитимация системы институтов, которые проводят границу между

«другими» и «нами», между «мы» и «они», защищает всё культурно-национальное сообщество от возможности самопонимания. Тем самым, она снимает болезненную, травматическую несовместимость разных национальных и коллективных самоопределений.

Ведущий

Благодарю за основательный анализ нескольких мифологем и причин их устойчивости. Очевидна живучесть неорационализма / неоконсерватизма, которые связываются с такими понятиями, как терпеливость, жизнестойкость, духовность, душевность, покорность, преданность и т. д., которые до какой-то степени встречались в докладе Станислав Куняева, и которые представляют некую базу основного мифа об истинной народности и её цельности. Также больше чем очевидно, что с такими понятиями связано чувство национального достоинства, которое является уверенной опорой против неуважительности и до какой-то степени враждебности т.н. западных оценок положения в России. Для постороннего наблюдателя проведённый социологический анализ показывает, что противопоставление «мы» (россияне) — «они» (иностранцы) основывается на том, что (хотя бы виртуально) существует идеальное представление о России, которая сопротивляется западным оценкам, забывая при этом, что знания о Западе более чем виртуальны. Надо иметь в виду, что модель западного взгляда на «Восток» (Россию) архаически проста и действует откровенно только в мифической оболочке.

Систематизированный опрос и анализ Льва Гудкова является в своём подходе и аргументации контрапунктом по отношению к докладу Станислава Куняева. Там, где Станислав Куняев суггестивно делает вид, что только россияне в состоянии судить адекватно о русской культуре, Лев Гудков даёт нам возможность оценивать современное положение с разных точек зрения. Словом, фраза Тютчева «Умом Россию не понять...» открывается в новом свете. Переходим к дискуссии.

Григорий Померанц

Я хотел бы указать, что одним из подступов к проблеме своеобразия России является теория цивилизации. Здесь очень много напутано из-за двусмысленности слова «цивилизация». Словом «цивилизация» обозначается единый процесс, начинающийся с Египта и Шумера до наших дней, начиная с письменности до электроники. И с другой стороны, этим же словом «цивилизация» называется то, что гораздо точнее обозначено по-немецки Шпенглером «культур крайс» (Kulturkreis). Когда Эмиль Дюркгейм определяет, что такое цивилизация, он

говорит: цивилизация — это группа стран, объединенных едиными лье (слово лье в английском тексте не переводится), которые каждая из этих стран по-своему выражает. С этой точки зрения, цивилизация — это Европа, Англия — это не цивилизация, Франция — это не цивилизация, это только выражение единой европейской цивилизации. И своеобразии России в том, что она складывалась на перекрестке этих культурных кругов и поэтому её задача развития была гораздо более трудной, чем задача страны, находящейся в одном определенном круге. Там гораздо легче определяется форма личности, форма высказывания, форма культуры и так далее.

В России это всё гораздо труднее, но зато русская литература XIX века оказалась такой формой синтеза, которая намного обогнала своих соседей. И Поль Валери (который не был славянофилом) сравнивал литературу России XIX века с Древней Грецией и европейским Ренессансом, т. е. с высшими взлетами, которые мы знаем. Вместе с тем, не было никогда никакой гарантии, что этот взлет не закончится потом провалом и так далее ввиду того, что задача решалась какой-то верхней тысячей, как говорилось. А дальше был хаос. И неспособность в этом хаосе разобраться и возможность провала и падения в те бездны, через которые мы с вами проходили.

Александр Даниэль

У меня короткая реплика. Тут уже поминался этот пресловутый телепроект «Имя России». Конечно, я понимаю, что все эти рейтинги довольно искусственные и довольно фальшивые, но я даже не о них (хотя всё-таки что-то же они отражают!). Я — об общественной реакции на эти рейтинги, которая уж точно что-то отражает. Смотрите: все ахают и ужасаются, — а кто-то, может быть, наоборот, ликует, — по поводу третьего места, которое занял товарищ Сталин. И никто не обращает внимания на гораздо более чудовищный результат этого телешоу. Ведь если ему верить, то Александр Пушкин занял в этом конкурсе двенадцатое место. А это куда катастрофичнее, чем третье место Сталина. Что означает это двенадцатое место Пушкина? Утрату базовых культурных кодов, ни больше, ни меньше. А базовые культурные коды не восстанавливаются.

Алексей Левинсон

Одно слово для справки. Опросы общественного мнения, проводимые по репрезентативным выборкам, а не так, как проводятся поиски этого «имени Россия», устойчиво дают Пушкину второе или первое или третье место. Пётр Великий, Ленин и Пушкин — это триада, которая вращается много лет. И я бы предлагал этой аудитории обсу-

ждать именно эту ситуацию, она в своём роде так же трагична, но сам Пушкин не на 12-м месте.

Владимир Бухараев

Поскольку я представляю Казанский университет, хотел бы представить, предьявить 10 тезисов. Ну, во-первых, всё-таки не апрель, а во-вторых, год, вроде, ещё не тот. Моя реплика касается вот чего: не надо обращаться к «Левада-центру», чтобы понять, что мы все здесь собравшиеся являемся своего рода коллективным фактором одного очень устойчивого мифа. Почему я о нём вспоминаю? Потому что Екатерина Юрьевна Гениева совершенно правильно сказала о том, что надо противодействовать или обращать внимание на опасные мифологические суждения. Речь идёт, к примеру, об одном из главных современных мифотворцев, Наталье Нарочницкой, которая в одной из своих работ, комментируя нашу с Бордюговым заставочную статью к изданной АИРО-XXI на рубеже минувшего и нынешнего веков книге «Национальные истории» небрежно так бросила: «Вот авторы затронули вопрос, который в советской историографии мало затрагивается. Но они по заказу западного фонда сделали такие-то и такие-то выводы».

Значит, любая критическая социальная и историческая мысль с точки зрения подобных авторов является заказанной, является ранжированной и т. д. Я обращаю внимание на то, что в этом смысле мы иллюстрируем этот миф.

Наталья Скороденко

Я хотела бы спросить, почему миф? Почему своеобразие страны, которую действительно довольно сложно понять умом, в силу её древней культуры, разнообразнейших сложнейших исторических перипетий, следует называть «мифом»? Это данность. Данность, как своеобразие любой другой страны. И почему мы как бы ставим диагноз, т. е. занимаемся некой вивисекцией этого состояния России, как некоего непонятого, неизмеримого общем лекалом общественного сознания? Может, наша радость в этом? И, собственно, это по большому счёту наша надежда, в нашем своеобразии. Не понимаю, почему мы говорим о России, как о некоем больном. И говорим об этом её своеобразием как о душевном заболевании, проанализировав которое на приеме у психоаналитика (западного), мы сможем выйти из некоего ужасного состояния, в котором мы находимся сейчас. У каждой страны, нации, эпохи есть эпизоды, за которые можно краснеть. Нет идеальных наций и народов. Я не понимаю, почему мы стыдимся себя. Почему?!

Никита Соколов

Мне кажется, что дискуссия уходит куда-то в сторону. Речь идёт о каких-то вещах, которые действительно умом не подъёмлются. Ровно потому, что не являются строгими понятиями, на что нам было уже показано. Поэтому я попросил бы присутствующих отставить разговоры о совершенно неопределённых цивилизациях, которые никто не может определить. Умом понимают. Вообще, что-нибудь — понимают умом. В рамках. Пользуясь при этом твёрдыми и определёнными понятиями. Никакого другого способа что-нибудь понять, кроме как умом, и оперируя при этом строго определёнными понятиями, человеку не дано. И то, что Россия может быть понята умом, включая и её мифы, которые являются почему-то её национальным достоянием, нам Лев Дмитриевич Гудков сейчас продемонстрировал наглядно, как умом понимается, при помощи строгих понятий.

Если мы этими понятиями не пользуемся, то мы уходим как общество от способности вообще что-нибудь о себе понять и способности контактировать с соседями. В связи с этим — второе, очень короткое, замечание. Вся эта национальная мифология — она существует не сама по себе. Её придумывают, человек с ней не рождается, она не встроена в его сознание. А она туда встраивается путём воспитания, социализации и дальнейшей обработки средствами массовой информации. В связи с этим меня глубоко уязвило, что двое говоривших здесь ораторов, которые имеют доступ к средствам массовой коммуникации, равно склонны размывать понятия, включая понятия добра и зла, что для меня уже совершенно невозможно.

Мариэтта Чудакова

Я, может быть, внесу некоторую оптимистическую ноту. Во-первых, хотела бы засомневаться в оценке, которую Виктор Ерофеев дал тому, что люди, девушки не подняли руку ни на то, ни на другое. Я бы тоже не подняла. Ни на то, ни на другое. Ты веришь в Бога или не веришь? Можно допустить, что не только мы, такие взрослые, умные и совестливые, но и эти молодые девушки считают это вопросом интимным, личным. И вспоминается Андрей Белый, который, как известно, приехал в Санкт-Петербург из Москвы. Он остановился в знакомом доме, стали пить чай. И девушка ему задала вопрос: «Скажите, а вот Бог, а что вы думаете о бытии?». Он встал и сказал: в доме, в котором вопросы о бытии решаются за чайным столом, я оставаться не могу. Взял свой чемоданчик и ушёл. Так что, может быть, нечто в этом роде было и у этих девушек, мы как-то не допускаем такой возможности часто. Можно это рассматривать как оптимистическое, можно — как пессимистическое.

Я, конечно, в Благовещенске тоже была, и тоже выступала там перед аудиториями и проводила там всякие мероприятия, так сказать, с учащимися. Моё впечатление — я провожу свой конкурс, называется «Русским языком вам говорят!», письменный (в очень многих местах России) — все результаты абсолютно неожиданные, их нельзя было запрограммировать. Они пишут один час пятнадцать минут, я ночью проверяю, на другой день мы вручаем премии, подводим итоги. Впечатление такое: учащиеся — гораздо здравомысленнее, пока они учатся в школе, а потом, когда мы встречаемся с вопросами — катастрофически глупеют в нашей обстановке. Потому что для меня было удивлением большим, что, когда я задавала вопрос «как вы понимаете слово “либерал?”», не было ни одного отрицательного ответа (сравните, как поносят либералов в Интернете). Ничего плохого рассказано не было. Они больше передавали вот это бытовое (одно из двух) значение либерала, что «папа относится ко мне либерально, а мама — нет».

Второе — ещё более показательно. Я задала вопрос (письменный, повторяю), считаете ли вы правильным, с точки зрения русского языка, семантики и т. д. (уж не помню, как я сформулировала), укрепившееся в языке журналистики выражение «расстрел парламента»? Степень разумности в ответе на этот вопрос меня просто, прямо скажу, всякий раз потрясала. В самых разных местах — Якутия, Алтайский край, Красноярский край — везде. Поразительно! Так вот, напоследок ещё раз скажу, что дети наши, выйдя в большой мир из школы, начинают облучаться и глупеть, в том числе теряют и знание родного языка. Так, например, учащиеся почти всегда отвечают правильно на значение слов «невежа» и «невежда», иногда путая между собой, что вполне простительно, потому что корень, происхождение общее у этих слов. А студенты отвечают что-то совершенно немыслимое на эти слова. Невежа, невежда — неряха, неопрятный и т. д. Над этим, может быть, стоит задуматься. И умом понять, что же мы делаем со своими подростками, когда они покидают школу.

Владимир Илюшенко

Человечество никогда не жило без мифов. Миф — это система координат, система ориентации человека и общества во времени, в пространстве, в истории, в жизни. Но одно дело — мифы о богах, мифы о рождении вселенной, земли, человека. А другое дело — социально-политические, идеологические мифы, рукотворные и очень часто — злокачественные. Они создают ложную реальность, хотя сами являются частью реальности.

Я должен сказать, что с восхищением слушал выступление Станислава Куняева, потому что он дал некий концентрат определённого направления мысли. Такой концентрат, который доводит дело до полного абсурда. Что мы узнали? Мы узнали, что Запад — это обитель мрака, это нечто сатанинское, обезчеловеченное. Это то, что изначально, возможно генетически, ненавидит Россию. Ненавидит — потому что не понимает Россию. Не понимает — потому что не любит. Но это уж так задано, этого не изменишь. Вообще говоря, это такая калька, пригодная для разных случаев. Применяя подобную методику, любой представитель Запада мог бы сказать то же самое о нас: «Вы говорите, мы вас ненавидим? А мы можем предъявить это же обвинение вам, но с большим основанием». И действительно, Станислав Куняев и его единомышленники дают Западу такое основание.

Надо сказать, что я лично как раз верю в великое будущее России. Возможно даже, близкое. Но то, что было здесь представлено, вот эта трактовка слов «умом Россию не понять» — это некая символическая конструкция, в которой очень хорошо отражено чисто языческое сознание. Это сознание не христианское. И поневоле вспоминаешь слова Лескова о том, что Россия была крещена, но не просвещена. Россия вполне заслуживает великого будущего, но обретет его только в том случае, если она не будет всех остальных считать своими врагами, если она станет мостом между цивилизациями, между Востоком и Западом.

Бернд Бонвеч

Когда социолог дал результаты опросов и сказал, что 80 % опрошенных верят в слова Тютчева, я сказал себе: «Я тоже принадлежу к этим людям». И маленький вопрос: что вы думаете, включаете ли вы нас, собранных здесь, в этих опрошенных, или нет — стоим мы вне этих предрассудков и мифов, которые высказываются в этих опросах? Потому что я совершенно не уверен, что правильно понял предыдущего оратора. Но я думаю, что всё-таки, конечно, мы не оставляем разум, судя о вещах. Но волей-неволей мы, конечно, тоже являемся пленниками предрассудков и мифов. И с этим стараемся разбираться.

Мира Бергельсон

Я хочу сделать очень короткое замечание именно как лингвист, потому что в самом начале было сказано, что мифы — это набор символов, а понимание — это результат интерпретации символов. И если бы мы занимались не символами, а монадами, то всё было бы

гораздо проще. И счёт предъявлять надо, конечно, не к Тютчеву, который употребил слово «ум», как поэт, не давая его терминологического определения. Я присоединяюсь к коллеге Никите Соколову, который говорит, что «понимать» — это (я с другой стороны хочу чуть-чуть про это сказать) всё-таки только умом, но дело в том, что «ум», русское слово «ум», включает в себя, в том числе, очень много чувств. И когда мы говорим «женский ум», или «лукавый ум», или «ум ребенка», то мы говорим не о рацио. Конечно, я понимаю, что мифы живучи, и этим замечанием мы проблему не решим. Миф будет всегда, и всегда будут использоваться мифологические символы. Но если мы анализируем это, так сказать, в научной среде, то мы не должны забывать, что само представление об уме включает в себя много того, что здесь, в нынешней дискуссии как бы выплёскивается. Мы здесь говорим не только про рациональное. И в этом смысле обсуждаемое высказывание гораздо более противоречиво. И, может быть, 80 % людей, которые согласились с тем, что «умом Россию не понять» имели в виду разные вещи; надо ещё посмотреть, какое количество процентов там говорили про рацио, кто говорил про другие аспекты ума и т. д. Каждый вкладывал в это своё понимание.

Ведущий Карл Аймермахер

В качестве заключения несколько соображений. Как уже было отмечено, у нас были представлены три позиции. Призыв Людмилы Улицкой существенно переосмыслить формы и цели человека в современном мире. Поскольку это глобальный вопрос всего человечества, любые национальные мифы, будь то русские или не русские, теряют свой смысл. Позиция Станислава Куняева была сосредоточена на замкнутый мир России, им выделены те моменты, которые «истинным» россиянам чужды. Получается, что одни «понимают» Россию комплексно, правильно, в отличие от других, которые умом Россию не в состоянии «понять». Аргументы или упреки по отношению к «западной» позиции носят более или менее виртуальный характер. Но, как показывают социологические разыскания, даже виртуальные, веками действующие мифологемы могут в любой момент активизироваться и использоваться для самых разных политических целей. Те, кто открыто цитируют фразу Тютчева «Умом Россию не понять...», скорее, употребляют её с иронией, юмором, а не для оправдания, например, особенного пути общественного развития в России. Фраза слишком однозначна, а значит, не способна действовать как настоящий миф. Миф же требует совершенно расплывчатых понятий, рационально непонятных слов или символов.

И ещё одно наблюдение. Исходя из концепции «особенностей русской культуры», в последние годы возникли довольно смешные фильмы, как, например, «Особенности национальной рыбалки», «Русская баня» и т. д. Этот факт указывает нам на то, что уже внутри русской культуры появляются творения, которые высмеивают пустую дискуссию о превосходстве «русской культуры» над особенностями западной жизни. Антимифы такого рода являются мифами, которые усиливают мифологичность как таковую и, тем самым, издеваются над ней. Это очень хороший признак того, что внутри культуры, с которой мы имеем дело, с определённого времени стали возникать попытки оспаривания любых мифов, особенно национальных.

Второе заседание Миф «СТАЛИН»

Ведущий Андрей Сорокин

В ходе первого заседания прозвучали две взаимоисключающие постановки вопроса в отношении мифов как таковых. Людмила Евгеньевна Улицкая, как мне кажется, сделала смелое заявление о крушении всех мифологий и об абсолютной неактуальности мифа «Сталина». Я надеюсь, что я смогу лично высказаться по этому поводу в конце нашего заседания. С другой стороны, вы слышали противоположную постановку вопроса об актуализации мифологизированности русского общественного сознания. Видимо, это тот контрапункт, который и задает нам рамки дискуссии. У нас все выступающие на месте и я хочу дать слово для вступления профессору Бернду Бонвечу.

Бернд Бонвеч

Игумен Евстафий, настоятель храма Святой княгини Ольги в Стрельне, недавно был осуждён руководством РПЦ за невинное дисциплинарное нарушение: он выставил в своём храме в пригороде Петербурга неканонический образ. Речь идёт об иконе, а именно, об иконе с изображением Иосифа Сталина. Правда, верующие должны были поклоняться святой Матроне московской, которая тоже изображена на иконе — с нимбом, но сидящая на заднем плане, а на переднем плане молодой Сталин в простой шинели, бодро шагающий навстречу смотрящим. По легенде, Сталин встречался с ней осенью 1941 года, а она якобы сказала ему: «Ты один останешься в Городе. Всех отправляй, а город не сдавай. И не сдашь».

А вот не легенда: некоторая организация под названием «Коммунисты Петербурга и Ленобласти» выступила с инициативой канонизации Иосифа Сталина. Они уверены, что игумен Евстафий откликнулся на их призыв, и намерены дальше требовать канонизации Сталина Русской Православной Церковью.

Можно остановиться на многом в связи с этим. Ограничиваюсь только тем, что верующим коммунистам Петербурга и Ленобласти очевидно не мешают трупы десятков тысяч верующих и священников, которые лежат на совести их желанного святого.

Мы в середине нашей тематики: миф Сталина и склонность слишком многих русских верить в мифы. Удивительно, что многие русские, или, точнее, россияне, считают Сталина великим человеком. Убеждён, что Борис Дубин потом сообщит результаты соответствующих опросов за последние годы или даже десятилетия. Не останавливаюсь поэтому на них. Они давно уже опубликованы. Только укажу на то, что человек, с именем которого связана наша сегодняшняя возможность свободно говорить об этом, Михаил Сергеевич Горбачёв, гораздо хуже оценивается в опросах, чем наш отец народов, хотя с уверенностью можно сказать, что во всех семьях более старых опрошенных есть жертвы сталинизма.

Именно из-за этого мифы о чистом, невинном государственном деятеле и полководце Сталине имеют спрос:

— что его обманывало окружение, прежде всего, наркомы внутренних дел Ягода, Ежов и Берия;

— что он сказал: «сын не отвечает за отца», а его подчинённые всё-таки преследовали родственников осуждённых;

— что не он является главным виновником недостаточной подготовки Красной Армии к немецкому нападению и первым катастрофическим поражениям на западном фронте;

— что при Сталине не было преступности;

— что людские военные потери на немецкой стороне такие же, как на советской.

Конечно, победа над фашистской Германией под руководством Сталина не миф. Никто у советского народа не отбирает его вклад в эту победу. Но есть все основания утверждать:

— что без Сталина немцы никогда не добрались бы до Москвы, до Сталинграда, до Кавказа;

— что без Сталина не служило бы до миллиона советских граждан в рядах немецких оккупантов;

— что без Сталина не умерли бы миллионы людей в лагерях и что не умерли бы миллионы людей от голода именно в зерновых областях богатой страны.

Не буду продолжать этот список преступлений. Добавлю только мелочь: без него никто из нас не отметил (или проклял бы) как день его рождения 21-е декабря 1879 года, потому что он родился на год с лишним раньше, как церковные документы ясно показывают. Но когда-то в 20-х годах ему понравилось менять эту дату.

Всё это сводится к признанию того, что Сталин жив именно мифами. Он с нами, а наша задача как граждан, как российских патриотов, как друзей России состоит в том, что мы должны похоронить его путём разоблачения мифов о нём. Как историк, знаю, что окончательно никогда не удастся покончить с существованием мифов. Они возрождаются. У них «семь жизней», если не вечная жизнь, потому что многим из нас легче или лучше жить с ними.

Просветить — редко хорошая задача, к тому же, исторические события подлежат разным, даже противоположным, спорным интерпретациям. Но без постоянной попытки просвещения историку не обойтись.

Ведущий

Профессор Бонвеч в основных чертах действительно описал миф о Сталине таким, каким он бытует среди основной массы российского населения. Этот миф по времени своего рождения восходит к XX съезду КПСС и докладу Н.С. Хрущёва на этом съезде. Тем не менее, как мне кажется, сегодня мы являемся свидетелями рождения нового мифа о Сталине, мифа, который совсем не намерен стыдливо замалчивать те реальные жертвы, те реальные преступления, которые в сталинский период истории совершались. Наоборот, этот новый концептуальный подход предполагает признание этих жертв, этих преступлений и видит в этом необходимый элемент трансформации России, необходимый элемент мобилизационного развития. Александр Андреевич Проханов, который сидит рядом с нами, один из тех людей, а, может быть, и первый человек, который таким образом сформулировал этот вопрос, этот концепт, и я надеюсь, что сейчас мы сможем услышать некоторые подробности такого подхода.

Александр Проханов

Сталина выкорчёвывают из российского сознания с 1956 года, причём выкорчёвывают бульдозером. Вытравливают кислотой, как постылую татуировку. Выбивают зубилом, как угонщики перебивают номера на моторах. Закрашивают ядовитой масляной краской, как маляры замалёвывают церковную фреску. На него льют нечистоты, кидают на могилу трупы генералов, писателей, кулаков, обкладывают телами расстрелянных инженеров и партийных работников. Пятьдесят лет непрерывно работает фабрика, вырабатывающая антисталинизм — радиоактивный раствор, которым промывают мозги младенцев в яслях и детских садах, заливают каждую семью, каждый дом. Чего стоят хроники Сванидзе, которые испепеляют каждый раз образ Сталина?

Но происходит необъяснимое чудо. Сталин по-прежнему является кумиром русской истории, непревзойдённым вождем, величайшим радетелем всех веков и народов. И добро бы так славили его сталинисты, бравшие Берлин, кидавшие к мавзолею штандарты фашистских дивизий. Те давно уже спят под крестами и под столбиками с красной звездой. Их дети, их внуки и правнуки поют хвалу Сталину. Сочиняют о нём стихи, пишут книги, рисуют картины, выставляют его иконы в церквах, к ужасу чернокнижников и подземных магов, испепеляющих образ Сталина. Пускай себе берут очередное ведро с извёсткой, наматывают мочало на палку и закрашивают звёздное небо. Всё тем же волшебным светом переливается Полярная звезда, как бриллиант на сталинском Ордене Победы.

В чём победа Сталина над его хулителями? В чём бессмертие Сталина? Его пасхальное возрождение после очередного убийства? Я вижу в этом четыре позиции, которые позволяют Сталину закрепиться в общественном сознании русского человека и стать дивным мифом, с которым бессмысленно бороться, потому что любая форма борьбы с этим мифом только усиливает его, только укрепляет его.

Первое. Сталин возник из бездонных глубин русского сознания. Запечатлел неискоренимые русские архетипы. Воплотил глубинные коды русского человека, неистребимые, откуда существует Россия. Вытрави этот код из отдельного разума, вырежи эту мерцающую частицу из голографической картинки отдельной памяти, но она восстановится во всей полноте в другой душе, в другом поколении, в другом русском уме, размышляющем о судьбах Родины.

Сталин создал грандиозное государство, выхватив «русскую цивилизацию» из кромешной бездны, из гражданской войны, из кровавой бесконечности, в которую ухнула русская история после краха Романовых. Для русских государство — это вторая религия. Вся история русских — это летопись обретения государства и его потери, неоглядные беды и траты, связанные с этой потерей, и новые траты — для восстановления павшего государства. Русские готовы платить, не считаясь, за создание государства, ибо знают страшную цену, которую платит народ, теряя свою суверенность. Сталин в русском сознании — великий государственный, потребовавший от народа огромную плату за воссоздание территорий от Курил до Минска и от Крыма до Шпицбергена. За возведение заводов, сумевших перевесить индустриальную мощь Европы. За сотворение культуры и армии, способных, каждая по-своему, сберечь целостность огромной страны. И неслучайно Пётр I, кто создал Петербург и вёл победные войны, в сознании увековечен как Пётр Великий, а не как Пётр Кровавый. Иоанн Грозный, который, казалось, привёл всю Россию к пла-

хе, но при этом присоединил Сибирь, прекратил вольницу уездную, в общественном сознании воспринимается не как Иван Паскудный или Иван Беспощадный, а как Иван Грозный.

Второе. Сталин создал не просто глыбу государства. Он пронизал его мистическим светом, наделил запретельной мечтой, поместил в лучезарный ореол сказочной утопии о вселенской справедливости, о братском равенстве, о достижении райского блаженства. Не об этом ли грезил веками русская душа, пели свои былины сказители, писали свои свитки старообрядцы, философствовали русские мистики и социалисты? Коммунизм был синонимом Беловодья, «хождением за три моря», где расстилалась райская страна, божественная ВДНХ с золотым фонтаном, из которого изливалась «живая вода» бессмертия.

Третье. Сталин не просто манил народ из-за горизонта этой нарисованной на клеёнчатом коврикe картинкой. Он предложил народу, который в половине своей или в трети или в одной седьмой своей сидел в лагерях, за колючей проволокой, но другой части своего народа он предложил идею героизма, идею творчества, идею непрерывной вертикальной мобильности. Он превратил народ в героев и открывателей, объяснив неграмотному крестьянину и чумазому кочегару, запертой в юрту женщине и бездомному побирушке, что им под силу построить «рай на земле». Он сделал из них лётчиков и полярников, первоклассных учёных и великих артистов, открывателей новой физики и новой астрономии, учил их строить звездолёты, покорять вершины, побеждать недуги. Он разрушил пределы достижимого. Направил народ в недостижимое, в сказочное. В «третье царство, в третьё государство», за жар-птицей, за Василисой Прекрасной, за Кощеевой смертью. Туда, куда издревле звала русского человека народная сказка, народная мечта, народная вера в Чудо. Сталин — провозвестник Русского Чуда, великий русский сказочник и былинник, построивший университетов и институтов больше, чем Преподобный Сергий монастырей и приходо́в.

Четвёртое. Сталин реализовал это Чудо в мистической Русской Победе сорок пятого года. Тогда, на великой крови, на великих слезах и великом ликовании произошёл долгожданный синтез русской истории, сложились все времена от Дмитрия Донского до маршала Жукова, от победы на Бородинском поле до Сталинградской битвы. Все народы, населяющие Империю Сталина, сочетались в единый народ-победитель. И это солнце, воссиявшее однажды над поколением неповторимых, богоносных людей, уже никогда не погаснет в их внуках и правнуках. Эту войну выиграл Сталин. Конечно, её выиграла и танки Т-34, и, конечно, секретари райкомов, и, конечно, заградот-

ряды, и штрафники, но вот эта пропаганда, говорящая о том, что народ, а не Сталин, выиграл войну, смехотворна, потому что народ не выиграл японскую войну, народ не выиграл германскую войну.

На излёте вот этого темпа, на излёте того ресурса, который был добыт народом в результате этой победы, победы, которая стоила 30 миллионов жертв нашему народу, произошёл взлёт Гагарина, этого богочеловека, который тоже является частью сталинского мифа. В сознании народа Гагарин почти ангел, он уже почти святой. Всё это вместе взятое продолжает жить в общественном сознании, которое сегодня погружено в хаос, безвластие, в жуткое, слабое, коррумпированное, готовое исчезнуть государство. Государство, в котором исчезло творчество, ощущение победы, ощущение смысла, потому что для государства не могут быть смыслом права человека и, так сказать, правильное функционирование общества «Мемориал». Сегодняшний народ, который состоит уже не из тех сталинистов, которые брали Берлин танками, а из молодых людей, из моих сыновей, внуков, остаётся народом-сталинистом.

Поэтому и тщетны усилия пакостников, уродцев и осквернителей. Поэтому и славен Сталин в русской истории. Поэтому неизбежно город Сталинград зацветёт своими заводами, дворцами и храмами на волжских кручах. А в русских церквах, не сегодня, не завтра, а по промыслу Божьему, появится икона трёх русских святителей: Преподобных Александра, Дмитрия и Иосифа, отстоявших Москву зимой сорок первого года.

Ведущий

Мы слышали вполне внятную, отчётливую позицию человека, который давно и последовательно отстаивает эту точку зрения. С другой стороны, в нашей дискуссии сегодня участвует не менее принципиальный и не менее последовательный человек, который вместе с обществом «Мемориал» имеет совершенно противоположный взгляд на этот период советской истории, на роль этого человека в российской истории, отстаивает принципиально и последовательно.

Александр Даниэль

Во-первых — два частных замечания к тем, кто выступал передо мной. Бернд Бонвеч упоминал об иконе в стрельнинском храме, где изображён Сталин. Я видел фотографию этой иконы и должен сказать, что Бернд очень точно её описал. За столом сидит блаженная Матрона, а у стола стоит роскошный черноусый красавец лет сорока, хотя довольно узнаваемый. Но является ли эта икона прославлением Иосифа Виссарионовича — это вопрос. Нимб-то нарисован всё-

таки не вокруг него, а вокруг Матроны. Так что можно эту икону и по-другому трактовать: например, изображенный сюжет мог бы называться «Искушение блаженной Матроны».

Второе замечание, совсем небольшое — к выступлению Александра Андреевича Проханова. Иван Грозный укротил не «уездную вольницу», а «удельную вольницу» — это, наверное, была просто оговорка. Да и не Иван Грозный её, по правде сказать, укротил; это сделал всё-таки его дедушка, Иван III, лет за шестьдесят до Грозного. Кстати, вот вам особенности национальной памяти: об Иване Грозном народ, действительно, помнит, тут Проханов прав (точнее, сейчас уже нельзя говорить о народной памяти, а только о памяти культуры), а об Иване III, куда более значительном государе, действительно многое совершившем, действительно в большой степени определившем русскую судьбу на столетия вперед, помнят только историки-медиевисты.

А теперь — к делу.

Александр Андреевич Проханов в своём выступлении нарисовал жутковатый, но, в общем, довольно точный образ мертвеца, которому не лежит в могиле. Его туда беспрерывно укладывают, и вот он уже вроде как улегся — но нет, опять встал и лезет наружу! Я бы не сумел выстроить такой сильный и точный образ. Но я не писатель. А вот Проханов как раз писатель, ему и карты в руки.

Александр Андреевич говорил, конечно же, не о Сталине-Джугашвили, не о реальном человеке с реальной политической биографией. Он говорил об образе Сталина в национальной памяти. То есть, о сталинском мифе в народном сознании, в частности — в русской культуре. Я бы тоже хотел говорить именно об этом, а не апеллировать к реальным историческим событиям. Похоже, что относительно реальных событий у нас как раз особенных споров нет. Есть спор об оценках и интерпретациях, которые, на мой взгляд, в огромной степени определяются разными системами базовых ценностей, с одной стороны, и мифологией — с другой. Я только хочу сразу сказать, что понимаю слово «миф» не как ругательное, не как синоним слова «вранье», но и не как визионер, для которого миф это внечувственное и внерациональное откровение. Когда я говорю «миф», я имею в виду культурологическое значение этого слова — миф как коллективное целостное объяснение действительности. Исторические мифы в этом смысле ничем не отличаются от этиологических мифов древности. С визионерами, равно как и с рационалистами, спорить о мифах неинтересно. Рационалисты тут же принимаются доказывать, что миф не соответствует некоей «исторической истине»; ну да, ну, не соответствует — и что дальше? А визионеры вооб-

ще не должны рассуждать о мифах: их дело — принимать божественное откровение и переводить его на человеческий язык. Культурологический подход к мифу совсем другой. Культуролог задает мифу два вопроса: «как ты устроен?» и «почему ты такой?».

Итак, как устроена память о сталинской эпохе и, соответственно, память о главном символе этой эпохи — самом Сталине? И почему она такая?

Дело, повторяю, не в Сталине, дело всё-таки в эпохе. Сталинское тридцатилетие вместило в себя массу разных событий; если бы это не звучало так пошло, то я бы сказал — тектонических сдвигов. Александр Андреевич упоминал некоторые из них. Но, как ни странно, он не упомянул о самом главном, самом крупном событии этого тридцатилетия — коллективизации. Коллективизация и раскулачивание — это, может быть, самое страшное из совершённых Сталиным преступлений. Именно коллективизация переломила хребет деревне, переломила хребет стране. Но о коллективизации Проханов не вспомнил, и это не случайность. Многие историки и социологи утверждают, что особенности национальной памяти определяются не столько тем, что народ помнит, сколько тем, что он забывает.

Помнит ли народ коллективизацию, помнит ли народ «раскулачку» — или он всё это забыл? На этот вопрос нельзя дать однозначный ответ. Я могу с уверенностью сказать, что на определённых этажах памяти это воспоминание очень даже присутствует, больше чем память о любом другом историческом событии XX века. Мы в «Мемориале» десять лет подряд проводим общероссийский конкурс исследовательских работ старшекласников: «Человек в истории: Россия, XX век». Нам каждый год присылают по 34 тысячи работ и, что интересно, не из мегаполисов — нет, из самых что ни на есть медвежьих углов: деревень, поселков, из маленьких райцентров где-нибудь в Удмуртии или Хабаровском крае. Это наш основной контингент.

Ну, понятно, что для школьников «человек в истории» — это чаще всего их собственная бабушка. Или прабабушка и прадедушка, которых школьник никогда не видел, но о которых бабушка рассказывает. Так вот, если бы мы составляли по этим работам рейтинг исторических событий XX века в России, то не война заняла бы первое место, не террор, не индустриализация и, тем более, не революция. Это — с большим отрывом — была бы тема под названием «как моего прадедушку раскулачивали». Они об этом со страстью рассказывают в своих работах, потрясённые — они же впервые об этом узнали, когда решили написать работу на конкурс и начали бабку расспрашивать. Документы шлют, описи изъятого имущества, которые по 70–80 лет

хранились в семьях, четыре-пять поколений эти справки хранят, где значатся «сапоги яловые» или «кровать никелированная с шишечками». Они все уже давно, может быть, горожане, но четыре поколения назад они все были крестьяне. Страна была такая, крестьянская в основном.

Таким образом, в качестве семейного воспоминания, семейного предания эта память ещё как жива! Но когда мы говорим о других этажах памяти — о памяти как историческом знании, о памяти как интеллектуальной рефлексии о прошлом, наконец, о самом главном для нашей темы типе памяти — памяти как совокупности коллективных стереотипов, коллективных образов прошлого — на этих уровнях память о коллективизации отсутствует почти полностью. И культура российская почти проигнорировала это событие, более важное, более судьбоносное для России и для самой этой культуры, чем Батыево нашествие. Торчит в голове какой-то дед Щукарь придурочный, а о залыгинском Степане Чаузове кто помнит?

Не берусь давать этому потрясающему феномену исчерпывающее объяснение. Возможно, дело в том, что коллективные стереотипы сами собой не возникают, их надо создать, а для этого надо собрать и отрефлексировать историческое знание. Но делать это было некому: история, увы, пишется и осмысливается не в деревне, а в городе.

В любом случае, эта первая странность исторической памяти о сталинской эпохе, о сталинизме: самое главное событие этой эпохи не стало коллективным представлением, оно осталось частным и приватным воспоминанием, «делом семейным». Для сравнения представьте себе, что таким же образом — приватным и семейным — была бы устроена память о войне!

Есть ещё несколько важных исторических событий и процессов, определивших сталинскую эпоху, но со Сталиным и сталинизмом почему-то в национальном сознании не сопрягаемых или сопрягаемых слабо. НЭП, например; ведь он при Сталине был, сталинская эпоха с него начиналась. Но в народной памяти они никак не связываются: НЭП — отдельно, Сталин — отдельно.

Что ещё? «Повышенная вертикальная мобильность», о которой так полюбили говорить в последние годы? Да, конечно: в сталинскую эпоху совершались зачастую головокружительные карьеры. И мы все здесь понимаем, почему: чем выше, тем быстрее освобождались руководящие кресла на следующем этаже. Но одновременно в эти же годы утверждалось господство номенклатуры, утверждался особый вид классового неравенства, не имущественного, не культурного (это всё потом приложится), а в чистом виде социально-политического.

И на самой верхушке пирамиды — сталинская клика, «сброд тонкошеих вождей». Вот этот сброд тонкошеих вождей совершенно не отложился в народной памяти в качестве характерной черты сталинизма, как и то, что сталинское общество было обществом невероятно высокого для XX века уровня социально-политического неравенства и социально-политического бесправия. Только пару десятилетий спустя, в странах «третьего мира» мы вновь обнаружим подобный уровень неравенства и бесправия, холопства и подобиострастия подчиненных, хамства и самодурства начальников. Это сталинизм? Да, это тоже сталинизм; но в национальной памяти — это не самый распространенный образ сталинизма. Перманентный страх начальников перед диктатором запомнился (с удовлетворением, и даже с некоей долей злорадства!), а беспардонный произвол тех же начальников по отношению к нижестоящим — забылся; точнее, остался на уровне семейных преданий, а в наиболее распространённые коллективные образы эпохи не вошёл.

Что ещё? Александр Андреевич тут говорил о том, как при Сталине партия и правительство заботились о науке и культуре. Чистая правда: для академиков и для «заслуженных» литераторов действительно были созданы тепличные условия. Но, я думаю, никто, даже и Проханов, не станет спорить, что эта забота была не то чтобы оборотной стороной — эта медаль имеет форму листа Мебиуса, нет у неё ни лицевой стороны, ни изнанки, это односторонняя поверхность, — а непосредственным продолжением неслыханного в мировой истории подавления свободной мысли, полного порабощения культуры. Разумеется, интеллигенция об этом не может забыть — но, помимо интеллигенции, многих ли в нашей стране волнует судьба Андрея Платонова или Сергея Четверикова? Не посадили и слава Богу. (Впрочем, Четверикова сажали ненадолго в конце 1920-х). Однако, дело и не в этом: «культурная революция», даже отдельно взятая, даже препарированная и «очищенная» от воспоминаний о тотальном подавлении свободы мысли, тоже не очень ассоциируется в массовом сознании с именем Сталина. Скорее, с этим именем ассоциируются гонения на писателей и учёных, для тех, кто об этом слышал, конечно.

Что ещё? Индустриализация, разумеется. Она довольно-таки массово ассоциируется с эпохой Сталина. Почти уникальный в мировой истории опыт, когда мощный подъём экономики, сверхбыстрое увеличение национального богатства сопровождалось если не абсолютным, то относительным обнищанием населения, серьёзным ухудшением качества жизни. Люди с удовольствием цитируют знаменитое высказывание, приписываемое Уинстону Черчиллю, что, мол, Сталин

«принял Россию с сохой, а оставил с атомной бомбой». На самом деле, Черчилль никогда этого не говорил. Он, конечно, был империалистом до мозга костей, но умным человеком, и он отменно понимал, что с помощью атомной бомбы можно сделать множество полезных и приятных вещей, — но вот вспахать ею поле, даже самое захудалое, никому ещё не удавалось. В любом случае, образ индустриализации действительно входит в любой из разнообразных дискурсов об эпохе — но скорее как своеобразный псевдоним роста державной мощи, неперемного условия будущей победы в войне и последующей заявки на мировое господство, чем как синоним пути к национальному благосостоянию.

Вот я и дошел до главного пункта моего выступления. В реальности «сталинский миф» содержит отсылку всего к двум историческим событиям. И эмоциональное, оценочное отношение к Сталину и сталинской эпохе определяется тем, какое из этих двух событий акцентировано в индивидуальном и массовом сознании. Оба события упомянуты в выступлении моего оппонента. Это — *террор*, и это — *война*.

Начну с памяти о войне. Самая главная особенность современной памяти о войне — в том, что её нет. Её уничтожали в течение сорока с лишним лет, начиная примерно с середины 1960-х; и, наконец, к 2005 году уничтожили, выжгли почти полностью. Та память, о которой говорил здесь Проханов, память, на которую опираются адепты Сталина, это не память о войне. Это память, тоже очень условная и приблизительная, об одном дне, о дне 9 мая 1945 года. Сорок лет подряд совершался грандиозный подлог: память о войне целенаправленно и сознательно подменялась совершенно другой памятью — памятью о Победе. К тому же, о Победе, понимаемой вполне определённым образом. Сегодня это не победа человечества над фашизмом и даже не спасение страны от иноземного нашествия. Та победа, которая сегодня празднуется — это апофеоз славы русского оружия, не более того. Так и Проханов формулирует: он ставит 9 мая в один ряд с полумифическим Ледовым побоищем и полностью мифологизированной битвой на Неве. На самом деле, это не историческая параллель, а художественная: говоря об Александре Невском, Александр Андреевич явно имеет в виду не сомнительного во многих отношениях исторического деятеля XIII столетия, а персонаж фильма Эйзенштейна.

Сегодняшнее восприятие войны, воспитанное десятилетиями официальной пропаганды, память о войне, как о времени славы русского оружия — это память не солдатская и не фронтовая, это память генеральская. В массовом сознании, особенно у молодёжи, ко-

торая в своей жизни живого фронтовика не видела, этот тип памяти о войне реализуется формулой «русские всегда побеждали», и совершенно не важно, насколько эта формула соответствует действительности. Когда 9 мая эти подростки, пацаны, нацепившие почему-то георгиевские ленточки, врываются толпами в станции метро с криком «Рос-си-я! Рос-си-я!», знакомые иностранцы меня спрашивают: «Это что, ваши фашисты?». А я отвечаю: «Нет, это они празднуют победу над фашистской Германией». Вот такой привет от сталинской империи.

Но эта подмена стала возможна только сейчас, когда ушли почти все ветераны Великой Отечественной войны. Я помню, как мой отец и его друзья-фронтовики собирались 9 мая (тогда 9 мая не было ещё никаким официальным праздником), пили водку, сначала поминали погибших, а потом вспоминали — конечно же, не бои, сражения и победы, а, в основном, всякие забавные случаи из фронтового быта. И ещё я помню, — когда этот барабанный бой только начинался в середине 1960-х, — как фронтовики к нему относились, с каким омерзением смотрели на все эти парады. Отец по этому поводу произнес однажды (уже, правда, позже, в 1970-е): «эстетика штабных писарей». Вот эта эстетика штабных писарей и восторжествовала. (Я вижу, тут в зале некоторые фронтовики согласно кивают). Понятно, для чего эта писарская эстетика понадобилась и почему она имела такой успех именно в 1990-е годы: потому что именно тогда власти потребовалась историческая легитимация, а народу, особенно после распада Союза, потребовалось найти и восстановить свою идентичность. И этот взаимный процесс пошел под звуки труб и бой барабанов. Не мне объяснять писателю Проханову, что эти трубы, так же как и эти барабаны, — жестяные, других здесь нет. Медь имперская — это просто видимость, имитация, на самом деле это всегда и везде жесть. Недаром из нынешней памяти о войне ушло главное — чувство личной причастности к этому событию, которое было в нашей стране у всех без исключения, воевавших и не воевавших, в том числе и у моего поколения, которое родилось уже после Победы.

Теперь буквально несколько слов о второй составляющей сталинского мифа — о терроре. Говорить здесь особо нечего, факты общеизвестны и признаны, роль Сталина как главного инициатора и главного организатора массовых убийств доказана документально, и мой оппонент ничего такого не отрицает. Поэтому я буду предельно краток.

Какое место в массовом сознании занимает память о сталинском терроре? Как эта память устроена?

Многие считают, что в массовом сознании этой памяти вовсе нет. Это — столичный предрассудок; есть эта память, особенно в провинции. И это не какие-то там интеллигентские умствования: она вполне реальна, эта память, она материализована в сотнях монументов и кладных камней, в мемориальных кладбищах, в сотнях музейных экспозиций, в десятках региональных Книг памяти. Вы что же, думаете, это всё «Мемориал» ставит, готовит, печатает? Это делается почти стихийно, усилиями многих сотен людей на региональном, районном уровне, на уровне муниципальном: краеведами, музейщиками, учителями, библиотекарями.

Но эта память очень противоречиво устроена. Внутри неё самой содержится множество нерешённых проблем, и это сильно осложняет работу с прошлым. Остановлюсь только на трёх таких проблемах.

Во-первых, эта память разрознена, фрагментирована, регионализована. Люди помнят, что происходило 70 лет назад в их городке, поселке, районе, области — но они не в состоянии осмыслить террор как национальную катастрофу в масштабе страны. Здесь в зале сидит Ирина Флиге, мы с ней объездили за последние годы больше сотни провинциальных музеев, где есть материалы о терроре. Иногда музеи строят на этих материалах очень интересные и выразительные экспозиции. Но это всегда краеведение и почти никогда — часть национальной истории.

Понятно, почему это так: отсутствует главный инструмент включения темы в национальную память — внятный и подробный рассказ о терроре в школьном курсе истории. Этот инструмент могла бы обеспечить федеральная власть, но она этого по понятным причинам не хочет: будучи интегрированной в национальном сознании, память о терроре вошла бы в непримиримое противоречие с насаждаемой в последние годы «государственной» концепцией отечественной истории — истории великой и во все времена замечательной державы, несущей конструкцию которой (не державы, а концепции) становится на наших глазах миф о Победе.

Во-вторых, сегодняшняя память о государственном терроре — это память о жертвах, и только. Мы помним о жертвах, но мы совсем не помним о преступлении. И, соответственно, о субъекте этого преступления. Террор в массовом сознании воспринимается как что-то вроде стихийного бедствия, прокатившегося по стране. И пока мы не поймём, что жертвы террора — это не жертвы цунами, или землетрясения, или «исторического рока», или чего-нибудь ещё в этом же духе, пока мы не поймем, что террор — это массовые убийства людей, совершавшиеся вполне конкретными преступниками, что у этих преступников был главарь, 30 лет правивший страной, пока мы не

назовём государственный режим, породивший Сталина и сталинизм, преступным режимом, виновным в тяжких преступлениях против человечности, — до тех пор мы, конечно же, не сможем абсолютно ни в чём разобратся.

И, наконец, третья. Эти две памяти — память о Победе и память о терроре — находятся в жестких конкурентных отношениях. Природа этой конкурентности объясняется очень просто. Чуть-чуть упрощая, скажу так: если государственный террор был преступлением, то кто преступник? Государство? Сталин, который стоял во главе этого государства? Но ведь мы победили в войне, в войне с нацизмом, то есть с абсолютным злом. И, стало быть, мы не подданные преступного режима, а, наоборот, мы великая страна, спасающая человечество, олицетворение всего доброго, что есть в мире. Мы слышали сейчас эту формулу. Мы Гитлера одолели именно под водительством Сталина.

Победа — это эпоха Сталина, и террор — это эпоха Сталина. И примирить эти два образа прошлого невозможно до тех пор, пока или память о терроре не будет вытеснена на периферию общественного сознания, или память о Победе не перестанет быть сталинистской. Сегодня успешно осуществляется первый вариант. А можно ли осуществить второй? Можно ли скорректировать память о Победе так, чтобы она не была сталинистской?

А её и не нужно корректировать; достаточно вернуть её на то место, которое ей по праву принадлежит — вновь сделать её частью памяти о войне. Напомню, что в 1950–1960-е годы память о войне вовсе не была «сталинистской»; наоборот, в ней звучали отчётливые антисталинские мотивы. И дело вовсе не в хрущёвских карикатурах о верховном главнокомандующем, который ведёт войну по глобусу. Скорее всего, это неправда. Я не специалист в военной истории, но целый ряд военных мемуаристов вполне антисталинского направления (например, генерал Григоренко, которому я склонен доверять), считают, что Сталин был более или менее подходящим лидером для страны, ведущей тотальную войну — жёстким, жестоким, целеустремлённым. Но дело ведь совсем не в этом. Дело в том, что целостная память о войне, включающая в себя и память об уничтожении высшего командного состава Красной Армии в 1937–38-м, и о грубых военно-политических просчётах 1939–1941-го, и о неслыханном в истории России военном поражении 1941–1942-го, естественно оказывается антисталинской. Ну да, к концу 1942 года он, кажется, научился руководить войной. На наших костях научился, на нашей крови.

Всё это, между прочим, хорошо поняли в своё время литература и кинематограф — отсюда и «лейтенантская проза», и «окопная

правда»; всё это было отчётливо антисталинским, и эта тенденция сохранялась в литературе и кинематографе ещё в 1970-е. Правда, в 1970-е уже и Стаднюк появился, и Чаковский, и фильм «Великая Отечественная», и весь этот апофеоз фальши (не фальшивок, а главным образом фальши) нарастал год от года, пока не вытеснил Быкова, Воробьева, Астафьева, Некрасова, Гроссмана. После этого очень легко было свести Сталина и сталинизм — к войне, войну — к Победе, а главным военным эпизодом сделать послевоенный парад и гвардейцев, бросающих трофейные знамёна под ноги Верховному главнокомандующему.

По-моему, самое главное, что можно противопоставить «сталинскому мифу» — это восстановить настоящую память о настоящей войне. Это ключевая задача. Только тогда, думаю, появится шанс покончить с национальной шизофренией, с раздвоением нашего национального сознания. И загнать, наконец, этого кадавра в могилу окончательно.

Возможно ли это? Не знаю, но пытаться необходимо.

Александр Проханов

Моя ремарка, если позволите, сводится вот к чему. Мой уважаемый оппонент говорил, какой ужасный Сталин, я же не говорил о том, какой он прекрасный, старался быть объективным, я старался объяснить, почему Сталин закреплён в общественном сознании. Я не строил свою тираду в полемическом ключе. Я думаю, в разных плоскостях мы рассуждаем.

Александр Даниэль

Прошу прощения, можно мне тоже такую же короткую реплику? Александр Андреевич, по-моему, совсем меня не услышал — или услышал то, что заранее ждал услышать, но чего я не говорил. Я совершенно не говорил о том, какой Сталин ужасный. Я вообще говорил абсолютно не об Иосифе Джугашвили, известном под фамилией Сталин. Я говорил об образах эпохи в национальной памяти. Сам-то Иосиф Виссарионович ничего особо интересного из себя не представлял. Может быть, Троцкий был и не совсем прав, когда говорил о «самой выдающейся посредственности нашей партии», — он был парадоксалист и эстет, — но доля истины в этом суждении есть.

Ведущий

Думаю, что Троцкий был не прав, он имел в виду вполне конкретные вещи. Сталин всё-таки по масштабам личность другая, чем описывает её Троцкий. Но мы об этом, я надеюсь, ещё поговорим. На самом

деле, я соглашусь с Александром Андреевичем Прохановым, что наша дискуссия пока развивается в параллельных плоскостях, мало где пересекаясь. Мне кажется, она пересеклась в одном месте, причём неявным образом. Александр Юльевич Даниэль говорит о народной памяти применительно к Александру Невскому, Ивану Грозному, Петру Великому и в этом ряду, на самом деле, к Иосифу Сталину. Александр Юрьевич неявным образом рассказывает о том, каким образом формировались представления подавляющей массы населения в некоторых ключевых моментах советской истории. И рисует другую картину. У нас впереди комментарий социологов. Возможно, они помогут нам в этом разобраться. Во всяком случае, этот контрапункт прокомментировать.

Я же считаю, что в памяти народной Александр Невский, Иван Грозный, Пётр Великий остались вот с этими прозвищами не потому, что народ их так запомнил, а потому, что их так описали придворные летописцы и государственная бюрократия, которая внедрила представление об этом правителе в общественное сознание. И проблема отношения нашего народа к Сталину заключается, как мне кажется, примерно в том же самом. Не в том, что государственная машина пропагандирует Сталина, а в том, что она постоянно по этому поводу врет. И народ этой машине не верит, притом, что эта государственная машина вполне определённый образ Сталина уже создала. Мне всё-таки хочется понять, что думает народ по поводу Сталина, точнее, наверное, мы всё это более или менее представляем, поскольку опросы социологов регулярно публикуются. Но даже в отношении первого мифа, я увидел замечательные, интересные раскладки, может быть, мы некоторые подробности услышим и применительно ко второму мифу, его структуре и происхождению.

Борис Дубин

По сути дела, речь в данном случае и в других разбираемых здесь примерах массовой мифологии идёт, можно сказать, об одном мифе — это миф о принадлежности, миф о коллективной идентичности. Его функция — указывать на то, кто мы. Но, во-первых, значение идентификационного мифа в России и, в частности, в современной России заключается не в том, что же содержательно, по смыслу россияне *объединяет* между собой, а в том, что их *отличает* от других. Можно сказать, это интеграция через демаркацию, и принципиальная символическая демаркация (символика границы) тут существенно важнее любой сколько-нибудь реальной интеграции: «мы» — это другие, отличные от «них», от «всех». Отсюда второй пункт: эта воображаемая идентичность — неотрадиционалистская, нормативная, аподик-

тическая. Она построена так, что принадлежащим к данной общности не нужно объяснять, в чём смысл этой принадлежности, а тем, кто к ней не принадлежит, ничего не объяснишь, да и не стоит объяснять: они чужие и «всё равно не поймут». «Нам», «нашим» нет необходимости разъяснять друг другу, кто «мы» такие, а тот, кто не знает, кто такие «мы», по определению принадлежит к другим, к чужакам. Так что эта граница чаще всего проблематизируется в негативной и вопросительной форме агрессивного недоумения: «Ты что, нерусский, что ли?» (вариант: «Ты что, русского языка не понимаешь?»). В-третьих, этот миф создаётся в настоящее время структурами государственной власти, а поддерживается и тиражируется с помощью новых и новейших средств массовой коммуникации: исторически в этой роли последовательно сменяли друг друга печать, радио и кино, сейчас фигурирует телевидение. Собственно традиции в таком мифе меньше всего. Значение мифологических образований в обществах XX–XXI веков как раз и состоит в соединении *современного* мифа с современной же массой и техникой — в мобилизационной и интегративной силе политических мифов, транслируемых масс-медиа.

Если говорить именно о «сталинском мифе» — имеется в виду, конечно же, не историческая фигура и не конкретный политик (лишь 3 % опрошенных сегодня хотели бы жить при таком правителе, как Сталин), а героический символ нашего «мы» со всей сопутствующей мифологией испытания и жертвенности, семантикой «чуда, тайны, авторитета», по Великому Инквизитору Достоевского, — то большинство нынешнего населения России предъясвляет в ответах на вопросы социологов брежневский миф о Сталине. Он был сформирован брежневской пропагандой, всей тогдашней государственной машиной, начиная с воспоминаний генералов и генералиссимусов и кончая курсами школьной истории, рассказами для детей и юношества, кино- и телефильмами о победе и роли вождя, людей в форме и в штатском, разведчиков и контрразведчиков в приближении этой «нашей» победы. Так делалось на протяжении, по крайней мере, двадцати лет, начиная с 1965 года, юбилея 20-летия победы, когда Брежнев выступил с речью, обозначившей конец короткого «коллективного руководства» партией-государством и начало собственного имитационно-авторитарного правления, и не раз произнес имя Сталина во время этой речи при чрезвычайно позитивной реакции зала.

Пик массовой значимости сталинского образа за последние десять-пятнадцать лет — начало 2000-х годов. Если в 1989 г., на волне перестроечной критики всего советского в печати и на телевидении, его имя, по данным нашего Центра, замыкало первую десятку «самых выдающихся людей всех времен и народов» (его отметили толь-

ко 12 % опрошенных), то в 2003 г. он стал уже вторым после Петра I, и за него высказались 40 %. К нынешнему дню значимость сталинской фигуры несколько снизилась, в июле 2008 г. Сталина отнесли к «самым выдающимся» 36 % взрослого населения страны. В динамике 2000-х годов легко видеть, что самым заметным образом за последние 8 лет в России вырос один показатель массового отношения россиян к Сталину — показатель безразличия.

Таблица 1

Как вы в целом относитесь к Сталину? (в % от числа опрошенных)

	Апрель 2001	Апрель 2006	Сентябрь 2008
С восхищением	4	5	1
С уважением	27	23	22
С симпатией	7	8	8
Безразлично	12	19	37
С неприязнью, раздражением	18	18	12
Со страхом	16	15	7
С отвращением, ненавистью	9	5	4
Затрудняюсь ответить	7	7	9

N = 1600 человек.

Практически все остальные показатели как позитивного, так и негативного свойства за эти годы уменьшились: понизились уважение и раздражение, восхищение (которого и без того было немного) и страх, растет только равнодушие. Допустимо предположить, что возобновление попыток просталинской пропаганды на протяжении всей путинской эпохи (Путин начал с того, что сразу же реабилитировал имя Сталина и продолжал этим заниматься на протяжении всех двух сроков своего президентства) означало ощущение верхов власти, что эпоха значимости Сталина, мифа-Сталин, грозит закончиться, живых свидетелей всё меньше и меньше, их уже почти нет. *Время свидетелей* истекло — наступает (но, что важно, может и не наступить) время *наследников*. И если сейчас не восстановить, не усилить, не закрепить воображаемый контакт с позитивным образом Сталина с помощью всей системы пропаганды, то через 10–15 лет

будет просто поздно. Эти усилия и дали к 2003 г. тот рост сталинского авторитета, о котором говорилось выше. Завершающаяся сейчас телевизионная игра в «Имя Россия», место, которое в ней занимает символ-Сталин, и манипуляции по её ходу с рейтингом сталинской фигуры имеют для участников или приобретают в глазах зрителей, как можно предположить, ещё и этот смысл. Фигура вождя, с одной стороны, намекает на нынешнюю эпоху, косвенно символизирует путинский период «наведения порядка» «укрепления властной вертикали» и проч., а, с другой стороны, маскирует реальные дефициты и проблемы «нулевых годов», оправдывает ужесточающуюся полицейскую политику государства, нарастающий изоляционизм, настойчиво муссируемый СМИ образ врага, параноидальную шпиономанию власти и проч.

Какова же семантика мифа о Сталине в массовом сознании?

Таблица 2

В какой мере вы согласны с суждением? (в % от числа опрошенных)

	Согласен	Не согласен	Затрудняюсь ответить
Сталин — мудрый руководитель, который привел СССР к могуществу и процветанию	57	30	13
Сталин — жестокий, бесчеловечный тиран, виновный в уничтожении миллионов невинных людей	68	19	13
Какие бы ошибки и пороки ни приписывались Сталину, самое важное, что под его руководством наш народ вышел победителем в Великой Отечественной войне	68	19	13

Сентябрь 2008 г., N = 1600 человек.

Фактически мы видим здесь столкновение двух Сталиных: Сталин — тиран и Сталин — победитель в войне. Причём равные доли, свыше двух третей взрослого населения, поддерживают оба эти образа. Можно предложить такое их толкование. За Сталиным–победителем стоит образ России как могучей державы, сильной, агрессивной, вооружённой, славной — в том числе, своей победой в великой войне

(назовём эту совокупность значений комплексом великой державы или великого вождя, по функции это мобилизационный комплекс). За Сталиным-тираном — образ России как жертвы с её вековыми испытаниями, неисчерпаемым терпением, всегдашней бедностью, нетребовательностью, готовностью привыкать и переносить тяготы (эту смысловую конструкцию можно назвать комплексом периферии или маленького человека, по функции это комплекс адаптации). Причём эти образы в коллективном сознании неотрывны друг от друга, они друг друга поддерживают и укрепляют: это две проекции, или два плана российской идентичности, так что в разных ситуациях, с разными реальными и мысленными собеседниками, для разных ролей и задач активизируется то тот, то другой план. И оба они скреплены именем-шифром Сталина.

Два эти плана пока что не расподоблены и не рационализированы коллективным, а во многом и специализированным сознанием, почему и подпитываются демонизирующей семантикой «тайны», «необъяснимой», «сверхъестественной» значимости центрального образа. Именно в этом, как представляется, состоит смысл наиболее популярной сегодня формулировки массового отношения к Сталину: «Мы ещё не знаем всей правды о Сталине». В последние годы с ней соглашались до трети опрошенных, в декабре 2007 г. — 30 %, что на этот раз даже несколько выше, чем доля согласившихся с формулировкой Сталин-победитель (28 %) и Сталин-тиран (29 %). И пока оно так, за миф о Сталине и за всю данную конструкцию идентичности, советскую конструкцию человека и социума тоталитарной и авторитарной эпохи, будут держаться, по крайней мере, те массовые слои населения, которым держаться больше не за что. В наибольшей степени поддерживают сегодня миф о Сталине именно такие слои — пожилое поколение россиян старше 55 лет, люди с самым низким образованием, с самыми низкими доходами, живущие на социальной и культурной периферии, в малых городах и на селе.

Кто им противостоит? Люди с достаточными, по нынешним временам, доходами, с высшим образованием, москвичи и жители крупнейших городов, россияне активного возраста — от 30 до 50 лет. Легко видеть, что наиболее пассивна в этом плане, слабее всего определилась в данном отношении российская молодёжь: до трети её затрудняются с ответами на соответствующие вопросы, так что вся молодёжная подгруппа разделилась на три примерно равные части. Это значит, что сложившейся нормы отношения к мифу «Сталин» как одному из ключевых символов российской идентичности, социально-го и культурного стереотипа его оценок у молодёжи нет.

Таблица 3

Какую роль сыграл Сталин в жизни нашей страны?
(в % к социально-демографическим группам)

Характеристики респондентов	Положительная роль	Отрицательная роль	Затруднились ответить
<i>В среднем по выборке</i>	41	37	22
Возраст			
18–24	33	36	31
25–39	35	43	22
40–54	38	43	19
55 и старше	56	26	18
Образование			
Высшее	39	42	19
Среднее специальное	39	38	23
Среднее	38	37	25
Ниже среднего	54	29	17
Потребительский статус			
Не хватает на продукты	56	28	16
Хватает только на продукты	51	29	20
Хватает на продукты и одежду	37	40	23
Можем покупать ТДП	32	49	19
Размер населённого пункта			
Москва	36	43	21
Города более 500 тыс. жителей	36	41	23
Города от 100 до 500 тыс. жителей	37	41	22
Города до 100 тыс. жителей	43	36	21
Село	51	28	21

Сентябрь 2008г., N = 1600 человек.

Таким образом, мы видим в массе опрошенных *столкновение* двух оценочных представлений и *разрыв* между двумя слоями их носителей. Между тем, миф по своему функциональному устройству и назначению всегда отсылает к баснословному «началу», создавая через эту отсылку к времени до всякого времени и до чьего бы то ни было отдельного существования образ *целого* — мира как целого и общности, которая объединена этим мифом, как целого (в восставлении целостности, порядка, мирового строя — смысл праздника и его ритуалов). А что мы находим в нашем случае? Мы обнаруживаем разрыв, столкновение или пустоту — как в культурном смысле (соединение несоединимого), так и в смысле социальном, когда между группами и слоями, которые поддерживают и не поддерживают миф о вожде, нет социальной середины и, вместе с тем, нет подхвата молодёжью, новыми поколениями. Допустимо сказать, что у данного мифа нет надёжных, авторитетных, перспективных носителей, в этом смысле — как бы нет будущего. Вообще говоря, подобный разрыв был в принципиальном плане запрограммирован самой сталинской репрессивной политикой раздробления социума, идеологией взаимной подозрительности и ненависти, натравливавшей одни группы населения против других (говоря известными словами Николая Глазкова, Сталин как мифический отец нации «детей оставил без отцов»).

Иными словами, мы имеем здесь дело с принципиальными дефектами интеграции социальной системы и механизмов её воспроизводства, репродуктивных институтов. Это значит, что не работают, как им полагалось бы по функциональному назначению, ни школы, ни университет, ни литература и искусство, ни элитные группы — источники, носители, интерпретаторы образцов. Отсутствие этой системной и систематической работы увековечивает упомянутую выше сшибку. Фактически мы имеем дело со сбоем и дефектностью советской системы воспроизводства общества — и только: никакой «тайны», «загадки» и проч. тут нет. Ситуация совершенно понятная и эмпирически вполне доступная описанию. Дальше встанут рабочие, специализированные задачи по воссозданию подробностей: нужно писать историю такого типа школы, писать историю такого типа семьи, литературы и проч. Работа кропотливая и долгая, но в общем плане картина, как представляется социологам, достаточно ясна.

Представления о «загадке Сталина», «необъяснимости» его образа, несколько взвинченно отстаиваемые сегодня державно-патриотической пропагандой и официозной словесностью, указывают на особую, как бы надчеловеческую силу, чрезвычайную мощь, некую едва ли не мистическую энергию: соединение несоединимого — от-

личительная черта сакрального, почему она и реанимируется при каждой новой попытке сакрализовать власть и образ вождя. Однако теперь становится понятнее, о какой силе и энергии идёт речь. Есть разные источники энергии — толковые психиатры и опытные педагоги это знают. Существует энергия свободы и самостоятельности, энергетика открытия и постижения сложного, сила связности и солидарности. В данном же случае, мы имеем дело с энергией разрыва и столкновения («сшибки»). Такая взрывная энергия быстро иссякает, она не передается от поколения к поколению, не воспроизводится как достигнутый уровень универсальных человеческих способностей, не растёт и не рафинируется как обобщенное «качество человека». Как было показано, за пределами двух соседних поколений — людей активного возраста и старших, пожилых россиян, — уже третье поколение, молодёжь, эту энергетiku не воспринимает и относится к образу (символу, мифу), долженствующему вызывать подобный сверхчеловеческий подъём, по преимуществу равнодушно.

Есть также и разные символы. Одни из них, скажем, тень отца Гамлета, побуждают к действию («Гамлет, отомсти!»), другие, как, например, символ-Сталин, скорее ориентируют на отказ от самостоятельного действия, пассивность или перекладывание инициативы на другого, в том числе — обобщенного Другого. Не случайно, что этот символ значим именно для той части населения, которая, по её собственным оценкам, не строит планов на будущее и не знает даже того, что случится с ней в предстоящем году, тем более — через несколько лет, которая не является хозяином своей жизни и не имеет возможностей влиять на окружающую ситуацию в собственном селе, городе, стране.

Сталинский миф, символ-Сталин больше не обладает активномобилизационным значением, если вообще когда-то обладал им на массовом уровне (иное дело — соблазны и миражи части интеллигенции, выдвинутцев и орденосцев, «сталинских соколов» и т. п.). Его функция сегодня — остаточная, инерционная, консервирующая, компенсаторная, изоляционистская. В этой перспективе можно, кажется, с осторожностью предположить, что по отношению к фигуре Сталина Россию ожидает скорее безразличие, чем всплеск какого бы то ни было интереса, тем более — интереса экстраординарного.

Ведущий

Переходим к обсуждению.

Юрий Жуков

Я получил огромное удовольствие, когда на протяжении последнего получаса, услышал два мифа. Более старый миф — это миф дове-

рия, потому что у Проханова он строится на реальных вещах. Миф «Мемориала» просто взят из воздуха и является полной пропагандой. Миф о Сталине, сегодняшней, разумеется, это не прославление Сталина, не стремление кого-то возвести на престол Сталина. Расскажу крохотный случай. В подмосковной деревне, Истринский район, старушка, всю жизнь проработавшая в совхозе, вдруг мне говорит: «Пора выкапывать Сталина и сажать на власть». Я опешил, говорю: «Почему?» Она говорит: «Ну, как же! Раньше мы знали: украл морковь — тебя посадят, но зато у нас двери не закрывались на замок. А сегодня убивают и некуда податься». Вот это мнение народа. То есть, люди не могут иначе объяснить своё отношение к тому режиму, который существует сегодня, который уничтожил страну, который уничтожил достаток у большинства людей. И, чтобы прикрыть неудачи капиталистической контрреволюции (я не знаю, как называть события 1990–93 годов), началась массированная антисоветская, антикоммунистическая пропаганда, которая прикрывается символом, брендом «Сталин». Что угодно делают для того, чтобы люди забыли, что было создано в советские годы, как отсталая, крестьянская, неграмотная страна превратилась в индустриальную страну, которая сумела воевать со всей Европой (напоминаю, не с Германией, а с Европой, потому что там были и французы, и голландцы, и испанцы, и итальянцы, и румыны, и словаки, и хорваты, и норвежцы — все, кроме англичан).

Очень не нравится сегодняшнему режиму полный экономический провал, и они его возмещают стремлением уничтожить прошлое другого режима, советского. Чтобы люди не вспоминали о достижениях, придумывают ГУЛАГ и все разговоры о ГУЛАГЕ, хотя сегодня в лагерях (да, смейтесь, смейтесь!) одной России сидит народу больше, чем сидело в СССР в 1937 году. Ну, не хотят люди этого знать! Зачем? При этом сидели тогда в основном уголовники, как и сегодня, потому что и тогда были инфантильные лица. Так же все забывают, что коллективизация проводилась по плану, опубликованному товарищем Преображенским, правой рукой Троцкого, ещё в 1925 году. С НЭПом покончил окончательно товарищ Никита Сергеевич Хрущёв, тот самый, который является вторым по жадности крови. Первым был Эйхе (если считать по тому, какое количество людей они запросили для расстрельных списков). Я бы не сказал, что было какое-то уж обнищание, наоборот, люди жили лучше, лучше, и лучше, пока не наступили так называемые демократические годы.

Ведущий

Прозвучали ещё две взаимоисключающие позиции. Одна сводится к тому, что нынешний режим — апологет, в той или иной форме и

мере, сталинского периода и, наоборот, что этот режим делает всё, чтобы эту фигуру, этот миф и правильную память о советском прошлом развенчать. Я бы попросил и на эту тему тоже высказаться. Что касается правды о ГУЛАГе, не могу, будучи публикатором семитомного собрания документов истории сталинского ГУЛАГа, не сказать. Этот семитомник вышел в свет, и он существует в Интернете, причём не в виде 7 томов, а в виде всего комплекса документов ГУЛАГа, вот тут уж оснований для мифологизации нет. Просто все документы, весь комплекс выложен, доступен, это пофондовая публикация.

Алла Гербер

Я сейчас заканчиваю дело своего отца — мне дали в ФСБ его дело. Узнав, что я имею такой доступ, мой секретарь, водитель и буквально все сотрудники нашего маленького фонда «Холокост» попросили меня узнать о своих: дедушке, дяде, отце, родственниках. У всех появилась необходимость — собственно, она всегда была — узнать, а где они, расстреляны?..

Хочу сказать два слова о том наследии, с которым мы сегодня живём, и насколько сегодняшний день вобрал именно наследие Сталина, который «делает» нашу сегодняшнюю жизнь, так сказать, «украшает». Одно из самых страшных в его наследии — вечный поиск врага. Это состояние постоянной к кому-то ненависти, это будоражающие мысли, в котором обязано жить общество, это консолидация общества вокруг обязательного врага, поиска агентов США. Жизнь в ненависти разрушает людей, но при этом она даёт возможность власти (и это опять из наследия Сталина) почувствовать, что людей можно забрать на ненависти. Не на добре и не на созидании. Вся эпоха Сталина связана с ложью — в словах и деяниях. Это ложь утопического государства, построенного на костях, ложь, как мечта о вечном будущем: мы будем голодать, подтянем штаны, мы будем в голодоморе, но, тем не менее, есть такая замечательная мечта о какой-то будущей райской жизни. Один из страшных обманов — это и т. н. дружба народов, плоды которой мы сейчас пожинаем. Национальные распри и этнические конфликты, депортация народов, антисемитизм — вот что всплыло после того, как кончился фонтан дружбы народов.

Андрей Макаров

В анализе «сталинского» мифа, как это не покажется странным, обнаруживается некая достаточно целостная мифологическая конструкция, которая условно может быть названа «антисталинским» ми-

фом или «хрущёвским» мифом XX съезда КПСС. Причём, этот миф в достаточно устойчивых формах и границах существует в сознании определённой части российского общества вот уже более полувека, и в идеологическом и культурном пространстве России/СССР противопоставляется мифу «сталинскому».

Три фактора, характеризующие «сталинскую» эпоху, выделены в выступлении господина Даниэля: коллективизация, индустриализация и социальный фактор предельного неравенства и несправедливости. Прежде всего, здесь следует отметить определённую персонификацию исторических явлений и процессов, сведение сложных и противоречивых процессов исторического развития к действиям, зачастую случайным и произвольным, отдельных исторических персонажей. Отчасти по этой причине предлагаемая обществу аргументация «антисталинского» мифа непременно содержит в себе такие морализаторские категории, как «сталинская клика», «преступный режим», «преступления против человечества» и т. д. Одновременно приходится сталкиваться с тем, что антисталинский дискурс не предполагает критического анализа собственных базисных понятий и представлений, а любые попытки рационального обсуждения основополагающих посылок и выводов переводятся в эмоционально-психологическую плоскость. Рассмотрим кратко некоторые конструкты «антисталинского» мифа.

1. Коллективизация.

Однозначно провозглашается преступлением против народа, «переломом русского хребта». Во многом это событие, одно из главных событий истории России XX века, так и воспринималось современниками: массовые насилия, жертвы, материальные бедствия, страдания. Но... вправе ли интеллигенция, образованная часть нации, спустя много десятилетий после всех пережитых событий останавливаться, ограничиваться лишь поверхностным, эмоциональным взглядом? Ответ очевиден...

Во-первых, ни одна европейская или азиатская страна не обошлась в своём историческом развитии без массовых и жестоких жертв и потерь на этапе индустриальной революции с присущим ему раскрестьяниванием, уничтожением традиционного деревенского общества. *Во-вторых*, практически все рассуждения лежат вне контекста реальной эпохи и системного целостного анализа возможного развития — практически даже и не ставится (или ставится в «наивной», примитивной форме, типа «хороший НЭП всё был бы способен разрешить») вопрос о возможных альтернативных выходах из системного кризиса российской цивилизации и государства. Не рассматрива-

ются и не сопоставляются реально или воображаемо существовавшие угрозы и возможные, адекватные этим угрозам, решения и пути выхода из исторического тупика послереволюционной России. В лучшем случае нам предлагают наивные сравнения с «западным обществом», которое якобы успешно развивалось и преодолевало все стоявшие на его пути проблемы. Корректность такого сопоставления, ретроспективный анализ его возможности и правильности, потенциальной осуществимости альтернативного пути — ничего из этого обществу не предлагается, разговор об этом не ведется.

2. Индустриализация.

Здесь быстрое и сверхбыстрое индустриальное развитие противопоставляется обнищанию (абсолютному или относительному) народа. Тезис неверный и принят быть не может. *Во-первых*, обнищание (реально имевшее место) было присуще, прежде всего, начальному периоду сверхиндустриализации — при масштабных структурных преобразованиях любого общества избежать временного снижения уровня жизни можно только за счёт внешних источников развития! *Во-вторых*, практически игнорируется факт старта советской индустриализации в условиях мирового экономического кризиса, резко усугубившего все условия хозяйственной деятельности. Наконец, не учитывается в рассуждениях фактор времени — резкое ограничение временных рамок, в которых возможно было осуществление индустриализации — до начала неизбежного в тех условиях мирового конфликта интересов, борьбы за передел мира и начала новой мировой войны.

3. Социальный фактор.

Выступавший А. Даниэль говорил о «головокружительных карьерах», которые имели место в сталинскую эпоху. Это следует признать явной аберрацией исторического зрения — «головокружительную карьеру» сделал практически весь советский народ, за время жизни одного поколения перейдя от полунатуральной жизни перенаселенной и нищей российской деревни к городской цивилизации, обеспечившей основную массу народа доступным медицинским обслуживанием, высококачественным всеобщим образованием, реальным социальным обеспечением детей, пожилых, работников. Причём именно сегодня, после состоявшегося крушения советской общественной системы, мы ясно видим всю эффективность, в масштабах всего общества и в реальных исторических условиях, созданной в короткий исторический период социальной системы.

В заключение следует сказать несколько слов насчёт утверждения, что якобы память о войне, о Победе уничтожена за 40 лет. С таким эмоциональным и односторонним утверждением согласиться невозможно, да и не выдерживает оно проверки временем. Поведение солдат и офицеров российской армии, которое мы наблюдали в ходе тяжёлых и кровавых вооружённых конфликтов, имевших место в последние тридцать лет, ясно опровергает подобные оценки. В заключение выступавший призвал нас «покончить с национальной шизофренией, с раздвоением нашего национального сознания», противопоставив «сталинскому мифу» — «настоящую память о настоящей войне». Можно быть уверенным, что на этом пути успешного результата достичь не удастся.

«Нет таких крепостей, которые нельзя было бы взять, — говорит народная поговорка, — за исключением... *воздушных замков*». Неправильно выбранные методы познания нашего прошлого, смешение рационального познания с эмоциональным и предвзятым подходом, нежелание «знать и обсуждать», игнорирование или пренебрежительное отношение к оппонентам — всё это хорошо известно и описано ещё в знаменитых «Вехах», столетие которых отмечается в наши дни, как характерные, родовые свойства нашей интеллигенции. И у нас нет оснований рассчитывать, что эти качества могут быть достаточной основой как для познания и понимания нашего прошлого, так и для определения того пути в будущее, который мог бы вывести Россию из продолжительного тяжёлого кризиса последних двадцати лет.

Элла Брагинская

Я почти в полном согласии с тем, что только что говорил Александр Даниэль. Но позволю себе реплику на уровне обыденного сознания. Когда я услышала из уст Александра Даниэля, что памяти о войне уже нет, и что уже в 50-х годах было антисталинское отношение к победе, у меня как-то сразу защемило сердце. Сколько Вам было лет, Александр, когда праздновали день Победы? (*Даниэль*: Нисколько, я позже родился.) Вот то-то. Во-первых, память о войне, именно о войне жива, и живо ощущение частной причастности к этой Войне, хотя бы потому, что не все, кто пережили Великую Отечественную Войну, вымерли, это раз. И ещё жива эта страшная память о войне, она жива как раз в качестве семейного воспоминания, не даёт забыть о себе, глядя со старых портретов отцов, дедов, убитых или уцелевших чудом. Пока ещё висят эти портреты молодых людей, висят на почетном месте в миллионах российских и не только российских домов. И второе — в *народном* сознании Победа в 50–60-е годы

не была антисталинской, и мало кто с омерзением смотрел парады в День Победы, я позволю себе думать, что она не была антисталинской, как вы это утверждаете, в окопной правде Некрасова, Быкова, Воробьева и Астафьева. Пусть сталинская победа — это миф, но этот миф жил и живёт очень долго в самых разных слоях нашего общества, и развенчивать его во весь голос стали много-много позже.

Александр Даниэль

Элла Владимировна, я этого не говорил. Я не говорил об антисталинской памяти о Победе. Я говорил об антисталинской памяти о войне. Память о Победе — не про-сталинская и не анти-сталинская. Это память о том, как мы целый день подряд чувствовали себя народом — во всех смыслах этого слова: и в смысле «народ как гражданская нация, ответственная за свою судьбу и достойная этой ответственности», и в смысле «сообщество поколений, объединённое общей историей и культурой». Кстати, оба эти понимания враждебны основной идее сталинского и вообще коммунистического режима — идее тотальной социальной инженерии и тотальной управляемости. Так что беру свои слова назад: в своей основе память о Победе тоже антисталинская; просто большинство людей, ликовавших в тот день на улицах и площадях, об этом не задумывались.

Константин Эггерт

У меня вопрос к социологам, к представителям «Левада-Центра». Эта история про молодёжь, которая уже в двух сессиях проявляет своё безразличие. Мой личный опыт общения со студентами, с молодыми продюсерами нашего бюро показывает, что есть много людей как равнодушных, так и возбуждённых на эту тему истории. Но статистика, социология, очевидно, более точная наука, чем мои измышления. Мой вопрос. Вот эта пустота сознания, равнодушие к истории последних 50–70 лет, что это может означать для будущего России, и как могут быть заполнены эти лакуны?

Ведущий

Константин, боюсь, Вы немного не правы. Миф исключает лакуны сознания. Наоборот, он их заполняет. И, мне кажется, проблема в отношении мифа «Сталин» куда более сложная.

Станислав Куняев

Буду говорить отрешенно от своей идеологии, постараюсь быть объективным историком, и буду оперировать статистикой. Несколько лет тому назад мы с покойным поэтом Юрием Кузнецовым решили со-

ставить антологию «Иосиф и его музы». Это было как бы голосование поэтов XX века нашей страны — в антисталинском варианте и просталинском. Такой черновой громадный том мы составили. Причём брали только талантливые стихи, никаких Стаднюков, никаких Чаковских, никаких Лебедевых-Кумачей, никаких Безыменских. Получилось четыре раздела. «Свидетели революции», называю несколько имен: Ахматова, Бенедикт Лившиц, Николай Асеев, Сельвинский, Мандельштам, Маршак, Клюев и другие, родившиеся в XIX веке. У них приблизительно 50 % просталинских стихов и 50 % — антисталинских. Всё талантливое и всё искреннее, никакого приспособленчества, никакой риторики. Второй раздел «Солдаты и зеки» представляли Заболоцкий, Твардовский, Константин Симонов, Даниил Андреев, Виктор Боков, Борис Слуцкий, Межиров, Фёдор Слухов, Ярослав Смеляков, Ольга Берггольц, Павел Васильев, Дмитрий Кедрин и другие самые знаменитые поэты другого поколения. Получилась та же статистика: 50 % просталинских стихов, 50 % — антисталинских. Следующий раздел «Шестидесятники — дети XX съезда»: Евтушенко, Бродский, Окуджава, Роберт Рождественский, Юрий Кузнецов, Николай Рубцов, Алешковский, Высоцкий и другие. У них 70 % антисталинских стихов и 30 % — просталинских. И, наконец, молодое поколение, т. е. поэты, родившиеся после смерти Сталина. Перечислять фамилии не буду. Здесь наоборот — 70 % просталинских стихов, 30 % — антисталинских. Такова статистика. Я не верю, чтобы эти поэты в своих чувствах и оценках истории лгали. Ярослав Смеляков однажды сказал: «Ежели поэты врут, значит жить не можно».

И относительно коллективизации. Мы помним, что когда в 30-е годы началась война с Китаем и Япония стала оккупировать Китай, то в Китае было 500 млн. крестьян, а в Японии было 50 млн. населения, т. е. в 10 раз меньше, но это была развитая, военно-индустриальная, хищная, промышленная держава. Крестьянский Китай они разорвали, как лоскутное одеяло. Какой вывод из этого? Все крестьянские общества, не сумевшие собраться, мобилизоваться, приносят громадные жертвы (коллективизация в сущности — это прелюдия к войне), они были обречены в XX веке на уничтожение.

Ведущий

Я всё жду, когда мы вернемся к тем вопросам, которые Александр Андреевич Проханов поставил. Всё-таки хотелось бы услышать мнение о роли, возможности мобилизационного типа развития — и в сталинский период, и, самое главное, в современный период развития. Ведь актуальность мифа о Сталине, актуальность мифа о ста-

линизме, в том числе, связаны с постоянным осуждением мобилизационного типа развития для современной России.

Сергей Ковалев

Сначала два совсем коротких замечания относительно войны. Если бы провести массовый опрос о том, когда началась Вторая мировая война, мы бы услышали ответ: «Она началась в июне 1941 года». Между тем, все мы знаем, что она началась 1 сентября 1939 года. И я хотел бы напомнить уважаемой аудитории, что начали эту Вторую мировую войну две державы: фашистская Германия и Советский Союз, и что Гитлер и Сталин были союзниками (*Юрий Жуков*: Никогда!). Второе. В самом деле, Иосиф Виссарионович Сталин сыграл выдающуюся роль в победе во Второй мировой войне. Он был автором весьма своеобразной стратегии. Все советские победы Сталина и его полководцев базируются на одном: затопить врага собственной кровью, завалить трупами собственных солдат. Вот и вся простенькая советская военная стратегия.

А теперь я хотел бы сказать главное своё соображение. У Сталина было, по-моему, творческое достижение, если можно это назвать достижением, да ещё и творческим. Есть веские основания предполагать, что совершенно сознательно он селекционировал народность. И ГУЛАГ был для этого важным способом. Это то, что называют профессиональные селекционеры отбором на провокационном фоне. Если вы хотите вырастить сорт растений, устойчивых к некоему заболеванию, вы должны делянку заразить возбудителем этого заболевания, и пусть гибнут сколько угодно, а то, что заболевает не слишком сильно или вообще не заболевает — вот это материал для селекции. Успехи сталинской селекции очевидны. Мы с вами принадлежим к этому в значительной мере селекционированному народу, и не только лагерями, кстати сказать. И вот вам доказательства нашей сегодняшней принадлежности. Наши выборы. Все понимают, все, в том числе и самые энергичные сторонники «Единой России», что результата 99,4 % за одну партию и 0,1 % голосов за десять остальных партий, получить просто невозможно. Все это понимают: и те государственные деятели, которые врут, и те, кто их слушают. И всё друг о друге знают. Те, которые врут, знают, что им не верят. И те, которые не верят, знают, что лжецы отлично понимают, что они не верят. Спрашивается: а зачем тогда лгать? Ложь в человеческом поведении — это стремление обмануть, заставить поверить во что-то. Но если все понимают, то зачем же лгать? Так вот, стараниями селекционера Иосифа Виссарионовича Джугашвили селекционировано общество, в котором ложь уже не средство обмана, а ритуал круго-

вой поруки, ритуал уверения власти в том, что ей дозволен любой произвол, ритуал проявления покорности. Сталин — не единственный, но самый главный фактор в создании такого общества.

Юрий Жуков

У Ковалева две лжи, или два обмана — как хотите, употребляя его терминологию. Никогда не было союза между СССР и нацистской Германией. Мы — Антигерманский Союз: Франция, Чехословакия, СССР, — в 1935 году заключённый, а затем был Мюнхен, когда Англия, Франция и Польша продали Германии Чехословакию. При этом Польша отхватила тоже свой хороший кусок Чехословакии.

Андрей Архангельский

Я действительно хотел бы вывести разговор на философскую степень обсуждения. Сейчас происходит обмен фактами, они с обеих сторон, в общем, отработаны, мы их знаем заранее и слышим всю сознательную жизнь. На мой взгляд, если говорить о том, почему миф о Сталине так живуч и почему он воспроизводился в 70-е годы, то он обобщается в народном высказывании «Сталина на вас не хватает». Для меня, например, это абсолютная загадка, почему человек, который уничтожил огромное количество людей в собственной стране, почему он пользуется такой популярностью? Я не нахожу здесь логического объяснения. Мне кажется, что объяснение может быть только в какой-то врожденной иррациональности русского, советского человека.

Дело в том, что Сталин — это не порядок, это беспорядок. Основная черта сталинского режима — это то, что ты можешь быть уничтожен завтра, послезавтра, у тебя нет совершенно никакой уверенности в том, что твоя жизнь принадлежит тебе. Если человек в таком случае выбирает эту систему, если он соглашается с этой системой, здесь не может быть никакого объяснения, на мой взгляд, кроме этого стремления к иррациональности. Сталин в данном случае выступает как некая стихийная сила. Стихия может тебя помиловать, а может и пронести. В таком случае получается, что русский человек соглашается, чтобы именно эта стихия решала, кому жить, а кому нет. Эта врожденная склонность к иррациональности, к хаосу совершенно необъяснима, но она, по-видимому, является неотъемлемой ментальной чертой. Человек согласен с тем, что система может уничтожить и его, но он готов согласиться с этой системой ради того, чтобы была возможность и гарантия уничтожить всех остальных.

Владимир Илюшенко

Здесь прозвучало имя замечательного русского поэта Павла Васильева, расстрелянного в 1937 году. Однако не сказано, что он пострадал за стихотворение, которое начиналось словами: «Ныне, о муза, воспой Джугашвили, сукина сына...» Сталин поднялся из могилы и стал нашим современником. Тут как раз вспоминаешь Тютчева, но не «умом Россию не понять», а другие его слова: «В крови до пят мы бьёмся с мертвецами, готовыми для новых похорон». Александр Андреевич Проханов, подкармливая Сталина свежей кровью, делает из него такого бессмертного зомби. Если не придерживаться политкорректности, а говорить правду, то надо сказать, что выступление Проханова — это русофобское выступление, редкое по цинизму. Почему русофобское? Потому что Александр Андреевич не хочет помнить, что больше всего Сталин истребил русских людей, больше всего покалечил именно их судьбы. И ещё мы узнали от Проханова, что народ, оказывается, не выиграл войну, а выиграл войну Сталин, выиграла войну заградотряды, выиграла войну штрафбаты, а народ не выиграл. Как он мог выиграть, убеждают нас, если он проиграл русско-японскую войну? И ещё Проханов сказал, что «при Сталине сидела то ли 1/3, то ли 1/7 населения страны» (ему безразлично, очевидно, 1/3 сидела или 1/7). А Сталин, говорит он, обращался к другой части населения, обещал ей социальную мобильность и призвал её в райское, утопическое завтра, вот в такую мечту.

Надо сказать, что Александр Андреевич — трубадур, он идеолог, мифолог, утопист, и с него спрашивать какую-то логику, по-моему, не стоит. То, чем он занимается, это политическое шаманство, романтизированное, но опасное. Кошунственно называть величайшего преступника «величайшим радетелем всех веков и народов». Кошунственно говорить о «пасхальном возрождении Сталина», как это делает Проханов. И всё-таки не случайно в его выступлении прозвучало слово «человеко-бог», хотя он отнес его к Гагарину, но к Гагарину как наследнику Сталина. Вот Сталин-то и был настоящим человеко-богом. А кто такой человеко-бог? Это известно каждому. Это антихрист. Вот какие вещи неожиданно, но неслучайно проскакивают.

Сталин «закреплён в общественном сознании»? Безусловно. А почему? А потому что произошла та селекция, о которой сейчас говорил Сергей Адамович, и оттого наше сознание глубоко травмировано, десятилетиями травмировано. Но есть и другая, не менее глубокая причина. У отца Александра Меня есть замечательная работа, которую я всем порекомендовал бы прочесть. Она называется «Религия, "культ личности" и секулярное государство». Там, в частности, говорится, что один из секретов успехов сталинщины состоит

в том, что она сумела слить в сознании народа извечное стремление к идеалу, к духовному небу и — стадное чувство, которое повелевает идти за вождем, покориться «твердой руке». Создав религиозный вакуум, сталинщина соединила в общее русло атавистические и духовные стремления людей. В результате мифологизированная фигура вождя была наделена атрибутами божественности и безграничной власти. Вот почему так устойчив этот миф о Сталине в общественном сознании. И совершенно верно Александр Андреевич сказал, что Сталин звал людей в мечту, связанную с русским дохристианским язычеством. Правильно, совершенно точно. Миф о Сталине основан именно на языческом сознании, а оно противоположно христианству. В общем, если мы и дальше будем протаскивать Сталина в будущее, то у России великого будущего не будет.

Александр Даниэль

Одно замечание относительно мнения Александра Андреевича Проханова о природе «энергетики» сталинского режима. Что представляет собой основной энергетический ресурс этого режима? Проханов видит этот ресурс в утопии о вселенской справедливости, о братстве и равенстве, о райском блаженстве, в реализуемой на государственном уровне мечте о преобразовании — нет, даже о Преображении — мира и человечества. Но данная утопия совсем не специфична для сталинского периода, скорее — наоборот. Это базовая коммунистическая утопия, которая, начиная с 1933 года, сразу после стабилизации сталинского режима, активно, сознательно и целенаправленно (почитайте хотя бы очень интересную монографию историка Дубровского о формировании сталинской политики исторического образования в школе) вытеснялась совершенно иными формулами легитимации. Это был довольно длительный процесс, при жизни Сталина так до конца и не доведённый, — в свою завершающую фазу он вступил, пожалуй, уже при Брежневе, а окончательно завершается уже на наших глазах, в путинской России. Но уже в послевоенный период легитимация через утопию, обращенную в будущее, заметно уступает другой легитимации — легитимации через героическое прошлое. Во второй половине 1940-х мы уже не столько «коммунары, штурмующие небо», сколько дети героических созидателей государства, — а внуки вообще Суворова! Само позднее сталинское государство — это уже не средство реализации утопии, а самодовлеющая духовная ценность. Именно ему, государству, а не какому-то всемирному братству трудящихся, принесли мы столько жертв, именно ради него выиграли Великую войну, именно оно — наш Символ веры, наша цель, наше оправдание и наше упование. Собственно говоря, Проханов

это мистическое видение государства и представлял в своём выступлении, но почему-то решил дополнить и укрепить его ранне-коммунистическим «штурм унд дрангом». На мой взгляд, картина получилась крайне эклектичная. В том чернильном царстве номенклатуры, которое Сталин построил, «штурм унд дранг» почти не осталось места, — он стал чем-то не совсем приличным и даже опасным. По мере становления режима, всё большую роль играл тотальный регламент; базовой, хотя и латентной ценностью стала стабильность. Думаю, марксистскую фразеологию и марксистскую ритуалистику Сталин тоже сохранял в основном из соображений стабильности. И «вселенская справедливость» тут решительно не при чём.

Екатерина Гениева

Александр Андреевич, у меня к вам неожиданный для меня для самой вопрос, потому что я не первый раз слышу то, что Вы говорите о Сталине. У меня сегодня создалось устойчивое впечатление, что есть две позиции. Одна, — когда Вы анализируете тот фактор общественного сознания, который называется «Сталин», преклонение перед Сталиным и, возможно, я ошибаюсь, — Ваше личное отношение к этому явлению в человеческой истории, истории нашей страны. Потому что Вы формируете общественное сознание. По каким причинам — это уже дело Вашей совести и принципов. Вы ведь не можете, конечно, не знать, что наша страна получила в наследство. Она, конечно, выиграла войну вопреки Сталину, но ведь Вы не можете не знать, *что* страна потеряла. Надеюсь, Вы не будете отрицать, что в нашей действительности было такое явление, как ГУЛАГ с его миллионами и миллионами жертв. Вряд ли Вы будете солидаризироваться с точкой зрения, что в ГУЛАГе находились одни отпетые бандиты, преступники, жулики, потому что среди них был, например, Дмитрий Сергеевич Лихачев.

Александр Проханов

Кстати, приятно оказаться в обществе сталинистов, я даже не ожидал оказаться в таком обществе поклонников Иосифа Виссарионовича. Сначала, что касается опросов, которые здесь упоминались. Я не знаком с этими опросами, но у меня есть мой личный опыт. Я участвовал в нескольких таких состязаниях, скажем, на либеральном радио «Эхо Москвы», в передаче «Клинч», где мы обсуждали фигуру Сталина, я проиграл своему оппоненту в пропорции 40 % к 60 %. Через некоторое время я принимал участие в программе Соловьева «К барьеру» на НТВ примерно на ту же самую тему. Здесь я победил своего оппонента с огромным перевесом: у него было 20 %, а у меня

80 %. Это говорит о том, что примерно так в народе распределяются симпатии и антипатии по отношению к Иосифу Виссарионовичу Сталину. Что даёт мне возможность утверждать, что «душа крестьянка, а он сталинист». Здесь уже ничего не поделаешь.

Но, судя по дискуссии, мало того, что я русофоб, я ещё и блаженный, оказывается, и юрод. С таких позиций я и буду вам отвечать. Я считаю, что будущее будет за Сталиным, более того, я предрекаю, как рационалист и утопист, очень возможно, что Сталин будет канонизирован Русской Православной Церковью. Не завтра, не послезавтра, но такая реальность существует. Почему я так считаю, как юрод и русофоб, естественно. Потому что в нашем сегодняшнем общественном сознании крутится три очень мощных фрагмента. Это так называемый фрагмент белый, имперский, царский, монархический, а также советский, условно говоря, сталинский фрагмент, затем либеральный. Вот эти три крупных тела небесных сорвались со своих орбит, они сталкиваются друг с другом, крошат друг друга. Наступают очень сложные временные союзы, тактические, а не стратегические. Скажем, после 91-го года были соединены белые и красные компоненты. Газета «День», закрытая либералами в 93-м году, соединяла вот эти два компонента, вооружая их против либерального компонента. Это был очень сильный марш бело-красного альянса, или, как потом его называли, красно-коричневого, и он состоялся. Потом, в силу ряда обстоятельств и блестяще проведённых манипулятивных операций, удалось расколоть этот союз, и белые, монархические группы соединились в тактический союз с либералами. Сейчас сталинская идея, несмотря на то, что я говорил перед этим, переживает депрессивный период, потому что две одиночные силы — либеральная и белая монархическая — соединились против советской, против сталинской.

Однако, на мой взгляд, этот союз не стоек, он временен. Он связан с тем, что Россия, преодолев контримперское идеологическое поле, вступила на традиционное для России имперское поле. Имперский контекст был установлен при Путине. Он не заявлен, он артикулирован и сформулирован как целый комплекс поведения исторического. И в недрах этого контекста, установленного после трагического контримперского разрушения 91-го года, очень важна будет задача соединения разорванных имперских эпох. Разорваны эпохи, как я называю, романской, или третьей империи и четвёртой, сталинской, красной империи.

Причём, интересные откровения я порой наблюдаю у своих друзей-идеологов. Синтез белого и красного, который мы тогда, на мой взгляд, неудачно осуществляли: помирить там Чапаева и Колчака,

Деникина и Фрунзе, соединить белые и красные кости, — конечно, этот проект был обречён на неудачу. Потому что эти кости несоединимы, они до сих пор сражаются. И Первая конная армия и Добровольческая армия там, под землёй, себя по-прежнему громят и рубят друг друга. Но последнее время, когда был канонизирован последний император Николай Второй, когда стал возникать за пределами церкви новый русский монархический проект, открывается возможность удивительного, экстравагантного, эпатазирующего синтеза. Николай Второй был последним монархистом третьей, романовской, империи, брошенный всеми, церковниками, военными, своей средой, он остался в одиночестве, был уничтожен, истреблён. По существу, он был истреблён вот теми силами, которые взяли власть в феврале 17-го года, передав власть большевикам в феврале 25-го года. Он был последний белый монархист. Первым и единственным красным монархистом был Сталин. Сталин воссоздал в полной мере имперский русский контекст — территорию, ввёл в культуру все базисные представления русских имперских ценностей, одержал мистическую Победу, и за счёт мистической Победы (очень пафосное и неверное, с богословской точки зрения, утверждение) он стал помазанником. Грубо говоря, лампада, которую последний монархист унёс на небеса, он в 45-м году её транслировал монархисту Сталину. Поэтому союз белого монархического и красного монархического в грядущем обеспечен, и этот союз обеспечит Сталину присутствие в русской истории как великого мифологизированного русского святого.

Игорь Ермаченко

Позволю себе две реплики, которые всё-таки вернут нас на некую концептуальную стезю. Во-первых, по поводу нимба. Был ли нимб на иконе, посвящённой Сталину? Так вот, на той иконе, которая в церкви святой Ольги, там нимба нет, нимб был на другой иконе. Он был на иконе, которую распространяли коммунисты, возможно, многие смотрели этот телевизионный репортаж, они утверждали, что они верующие коммунисты и что уже канонизировали Сталина. Давайте подумаем, что это за общество, где существуют такие коммунисты? Не означает ли это абсолютной инфантильности нашей политической среды как таковой, не означает ли это политической инфантильности, когда всё нацелено на то, чтобы в лучшем случае создавать вот такие экстравагантные синтезы? Т. е., верх, наш потолок — это экстравагантный синтез красного и белого. Зачем всё это делается? Ещё один пример. Я думаю, многие смотрели недавно прошедший документальный фильм под названием «Привет от Сосо». Сталин изображён там по-новому, что, очевидно, сейчас должна вос-

принимать молодёжь. Это элементарный такой рэкетир, крышующий бакинские промыслы, который с этой идеологией и с этой подготовкой проходит в верхи партии. Что это даёт? Это, естественно, фильм антисталинский, но он предлагает совершенно новую картину. Ещё одна картина такого рода — это Сталин как успешный менеджер. Но ведь это тоже новая попытка освоения сознания. Это как раз обращение к той самой молодёжи, которая знает, что такое крыша, которая знает, что такое менеджер, и поэтому то, о чём мы с вами говорим, имеет очень мало отношения к исторической репрезентативности. Репрезентативность важна только для социологов, которые великолепные выкладки нам делают. Для вступающих в диалог здесь это не есть диалог, потому что позиция репрезентативности никак в нём не обозначена. Это то самое, о чём Юлий Ким пел: «Россия, Россия, Россия, Сталин, Сталин, Сталин...».

Мария Ферретти

Мне хотелось поставить вопрос, который я здесь не слышала. Проблема отношения памяти сталинизма и демократии. Мне кажется, что были два момента, когда в России попытались сделать то, что немцы называют «работой траура», со сталинизмом. Что я имею в виду? Когда ты как будто бы даешь себе то, что было, что ты воспринимаешь как груз прошлого. Он тяжёлый, но ты как-то знаешь, что это было. Мне кажется, что это действительно момент, когда люди становятся гражданами: я сознательный гражданин, потому что я возьму груз того прошлого. Это не то, что называется «коллективной виной» (это понятие для меня очень спорное), но — знанием истории своей страны, всего, что из этого вытекает. Если это так, значит, я хочу быть активным гражданином. Первый момент был во время хрущёвской оттепели, когда ещё не говорилось о демократизации и либерализации, а второй момент был во время перестройки, точнее с 87-го по 89-й годы. Потом память сталинизма начала исчезать по разным причинам.

В бурных обсуждениях о сталинизме люди что-то осознали. Возникла идея, что мы действительно отвечаем за то, что происходит. Но идея памяти сталинизма была и памятью о существовании альтернатив. Можно, как историки, спорить, сколько их было, но важно знать, что они были. Есть разные способы, как можно строить память сталинизма и почему нам интересно вспомнить об этом. Конечно, дело не в индустриализации. Во-первых, надо знать, что значит менять, трансформировать крестьянскую страну. Но при этом важно вспомнить ГУЛАГ.

Мне кажется, что единственная страна в Европе, где действительно сумели свести счёты с прошлым, это Германия. Потому что мы в Италии сейчас имеет ту же самую проблему. Мы своих счетов с фашизмом не сделали. Вся старая мифология опять у нас впереди.

Борис Дубин

Первое, частное, замечание по поводу списков поэтов, оглашённых г-ном Куняевым. Вопрос о Мандельштаме, Ахматовой не раз поднимался. Надежда Яковлевна Мандельштам в таких случаях, когда обсуждалась мандельштамовская ода Сталину, говорила: «Как вам не стыдно. Человека загнали в угол, он сумасшедший, его сделали больным, как вам не совестно!» (*Куняев*: Я в это не верю! Там было не одно, а 10 стихотворений! *Дубин*: Конечно.) Сын Ахматовой, который был заложником у Сталина. (*Куняев*: Поэтам надо верить. *Дубин*: Конечно. *Куняев*: Тем более, великим поэтам.)

Второе. Очень важный вопрос Константина Эггерта — что с молодёжью? Нужен комментарий и комментарий подробный. Ограничусь совсем короткими замечаниями. Когда я говорю о молодёжи, я имею в виду степенные различия. Скажем, если мы имеем по старшим группам 60–70 % поддержку Сталина по всем пунктам, то по молодёжи мы имеем её на уровне 20–30 %, т. е. там место тоже не пусто. Для меня вопрос «с кем молодёжь?» вообще читается совершенно иначе. А старшие и грамотные с кем? Есть им что предложить реального, идеи самостоятельности, идеи свободы, идеи человеческого достоинства, идеи солидарности? Нашли эти идеи какое-то воплощение в публичной сфере? Были связаны с какими-то авторитетными фигурами людей? Проникли в школьные учебники, в радиопередачи, в телепередачи и т. д.? Уже после этого, я думаю, стоит спрашивать про молодёжь.

И последнее. Несколько раз говорилось об архаичности, о традиционализме, нехристианстве того типа российской культуры, который был сегодня во фрагментах представлен. Ахматова, упомянутая уже, говорила, что христианство на Руси ещё не проповедано. Я думаю, что именно поэтому личности, идея личности в России пока не родилась. Замечательные люди есть, несомненно, и были, а идеи личности — нет. И это чрезвычайно важно, может быть, в этом нерождении — вообще главное.

И совсем последнее. По-моему, все эти загадки, тайны, мистицизм, связанный с российской историей, российской ментальностью и т. д., получили сегодня сокрушительный бой. В противоположность им предложено несколько вполне реальных вещей, о которых можно

говорить и которые нужно практически делать. 1) Ритуал вранья в качестве нормы поведения политического субъекта. Эту вещь можно отслеживать, её можно изучать, смотреть, как она действует. 2) Деятельность репродуктивных институтов: школы, семьи, университета, массмедиа, литературы и т. д., — это реальная вещь, о которой можно говорить, можно отслеживать и смотреть, как она работает. 3) Селекция, о которой говорил Сергей Адамович Ковалёв. 4) Изоляционизм вкупе с национализмом как государственная политика для внешнего и внутреннего употребления. Вот, по-моему, проблемы и предметы, с которыми стоит работать. Пора расколдовать эту штуковину — на самом деле, она ни для кого уже не заколдована. Александр Андреевич Проханов — мастер сам себя разогревать, я тому был не однажды свидетелем и знаю, как отменно он умеет это делать. Он сегодня такой сеанс продемонстрировал в очередной раз. Ну и что? Никакой загадки, никакого колдовства здесь нет.

Лев Гудков

Когда мы говорим о таких вещах, как современные «мифы» или аналогичные стереотипы массового сознания, то следует помнить: мы имеем дело не с какой-нибудь «живой памятью народной» (это ерунда полная), мы имеем дело с рационально организованной коллективной деятельностью по представлению этих мифов в публичном пространстве. И воспроизводят её вполне работающие формальные социальные институты: школа, армия, политика, СМИ, прежде всего, а также — литература, кино и прочая. Не может быть и речи о какой-то «естественности» их бытования, здесь нет «спонтанной» культурной работы. Это не какие-то там «архетипы» коллективного бессознательного. Напротив, мы наталкиваемся на следы нескольких современных, работающих институтов, выполняющих вполне определённый заказ, или, мягче, отвечающих на «потребность» держателей власти на такое специфическое освещение истории. Эти мифологемы удерживаются потому, что других не возникает или другие вытесняются, не будучи в силах конкурировать с мощнейшей технологией идеологической работы власти с населением. Поэтому мы имеем, то что имеем, наша реальность — эффект деятельности этих институтов.

Александр Даниэль

Всего четыре реплики.

Реплика к Андрею Архангельскому насчет спонтанности и случайности репрессий. На самом деле, когда мы изучаем документы тер-

рора, то начинаем понимать, что никакой спонтанности не было. Террор был категориален. Когда мы смотрим инструктивную базу по массовым операциям — не только приказ № 00447, но и те документы, которые уточняют и детализируют этот приказ, — то видим, как идёт ориентирование региональных управлений НКВД на определённые социальные группы, на определённые профессии. Не говоря уже о приказах по массовым «национальным операциям». Террор только извне казался спонтанным. Конечно, населению он представлялся каким-то моровым поветрием, который непонятно по какому принципу поражает людей: кто мог догадаться, что есть, например, приказ арестовать всех лиц немецкой национальности, работающих на военных заводах? Или — провести чистку среди бывших членов некоммунистических политических партий? Большинство этих людей сами давно забыли, что некогда числились кадетами или меньшевиками. На самом деле, это, конечно же, была попытка социальной, или, скорее, социально-политической инженерии. Или, как только что назвал это Сергей Адамович Ковалёв, селекции. Такие попытки вообще характерны для тоталитарных режимов, на это ещё Бертран Рассел внимание обращал.

Успешной ли была эта социально-политическая инженерия? Это уже реплика на реплику Андрея Константиновича Сорокина насчёт эффективности сталинизма. Оценка эффективности зависит от целеполагания. И, стало быть, ответ на этот вопрос зависит от того, как мы понимаем цели, которые ставил перед собой сталинский режим, лично Сталин. Иосиф Виссарионович умер в собственной постели, единоличным диктатором огромной страны и ещё четверти мира. Очень может быть, что, с его точки зрения, именно это и значит, что его политика была успешной. Давайте теперь посмотрим на вещи немножко шире. Был ли успешным террор не только для личных целей Сталина, но и для целей сталинского режима в целом? Опять-таки, смотря в чём. Если для создания эффективного социального государства с сильной экономикой, — то категорически нет. Как говорила Алиса в Стране чудес, «доказательство существования пудинга в его съедении», — а где та экономика и то государство? Рассыпались. А вот как инструмент социально-политической и даже социально-культурной инженерии террор, похоже, оказался весьма успешным. И эту успешность террора мы наблюдаем до сегодняшнего дня. В частности, та механика вранья, о которой говорил Сергей Адамович, это как раз свидетельство успешности сталинского террора.

От третьей реплики я, пожалуй, воздержусь: Александр Андреевич Проханов, к сожалению, уже ушёл, и мне было бы неловко диску-

тировать с ним в его отсутствие. Да и вообще — Александр Андреевич, какой-никакой, но всё-таки визионер, ему бы, в принципе, не со мной, а с Даниилом Андреевым дискутировать. Видение лампы, которая «транслирована с небес» от Николая Второго к Иосифу Первому — ну да, этот образ может стать результатом откровения, но никак не рационального дискурса. Это даже не художественный, а квази-религиозный образ, и если кто-то начнет его обличать как бесконечно пошлый, это всё равно будет бить мимо цели.

И последняя реплика — господам социологам. Я не вполне согласен с мыслью, что формирование нынешнего образа вождя в национальной памяти есть исключительно результат целенаправленной исторической политики правительства. Думаю, это не совсем так. Мне кажется, что это результат политико-культурного процесса в целом, в частности — результат эволюции общей системы ценностных установок в течение 1990-х. Мне кажется, вся совокупность социологических замеров говорит именно об этом. В какой степени этот процесс формировался и контролировался политической элитой, а в какой, наоборот, поведение элиты обуславливалось этим процессом, являлось её ответом на «запрос снизу», — это отдельный сюжет за пределами нашей темы. Я думаю, что, скорее всего, это были два встречных процесса, вошедших в резонанс и усиливавших друг друга.

Что касается активной исторической политики правительства, то почти единственным проявлением активности стал заказ и вот уже теперь внедрение новых школьных учебников и методических пособий. Как вы знаете, в этих пособиях сталинская элита охарактеризована как «люди, преуспевшие в невозможном» (про Сталина как «эффективного менеджера» — это всё-таки легенда, нет в пособии Филиппова таких слов). Во всех остальных сферах жизни активная историческая политика практически отсутствует как таковая (за исключением манипуляций с памятью о войне); вероятно, следовало бы добавить «к счастью». Ни одной государственной инициативы нет в этой области. Да, телевидение кормит нас гламурными псевдоисторическими сериалами, вроде пресловутого «Сталин-live». Но телевидение показывает и Шаламова с Солженицыным, вполне приличные экранизации, и тоже в prime-time. Другой вопрос, что выберет человек, которого кормят политологическими передачами про современность, в которых главная мысль — что наша страна окружена врагами, а внутри действует пятая колонна. Боюсь, что не Шаламова и не Солженицына. Но это никакая не историческая политика. Это просто политика.

И, наконец, самое главное, о чём вообще никто не говорил, и я в своём выступлении не сказал тоже. Выскажу как тезис, без особенных доказательств: всё дело в том, что в широких пластах национального сознания Сталин и сталинизм существуют по ту сторону добра и зла. Если только поставить их, как Гитлера и нацизм, в контекст добра и зла, тут им и конец. Но единственный способ сделать это лежит в области права, другого способа нет. Всё дело в том, что отсутствует юридическая оценка сталинского режима. Ключом к решению проблемы памяти является право. Судебное решение по «делу Иосифа Сталина и его сообщников» — это и есть тот самый осиновый кол, та серебряная пуля, которая, наконец, успокоит этого мертвеца. До тех пор, пока такая оценка, внятная и недвусмысленная, отсутствует, Проханов будет прав: мы со Сталиным не справимся.

Сергей Гавров

Известно, что политический миф не только является существенным элементом политической культуры общества, но и детерминируется ею. Кроме того, политический миф представляет собой модификацию верований и представлений о политической реальности, которые обладают мобилизующим характером, оказывают серьёзное воздействие на поведение людей и современные политические процессы. Мифологические модели мира лежат в основе ментальности, определяют своеобразие реакции общества на проведение реформ и их успешность, на специфику модернизации, отношение к современным политическим событиям и историческому прошлому.

Не надо забывать, что политическая мифология сталинизма создавалась в течение всего сталинского периода, создавалась сочетанием пропаганды, репрессий, персонификации достижений СССР в имени Сталина. Сегодня следует вспомнить, что рубежным в отношении этой мифологии стал XX съезд коммунистической партии. XX съезд стал советским вариантом Нюрнбергского процесса, который, несмотря на свою мягкость и половинчатость, самым существенным образом ослабил воздействие сталинской мифологии на общественное сознание современников событий.

В конце 80-х — 90-х годах прошлого века о преступлениях сталинского режима сказали всё, или почти всё. Эта правда неисчерпаема, она без срока давности, её нельзя списать и забыть. Но и сегодня значительная часть российского общества её не знает или не желает знать, полагая, что гарантированные государством социальные программы значительно важнее демократических свобод. Сле-

дует признать, что живучесть сталинистской мифологии объясняется и малой дееспособностью постсоветской российской республики. Вспомним уроки истории, вспомним речь Т. Манна в марте 1932 года, по поводу столетия со дня смерти Гёте, заканчивавшуюся словами: «Кредит, который сегодня ещё предоставляет история буржуазной республике, этот поистине краткосрочный кредит, основан на ещё сохранившейся вере, что демократия и впрямь может сделать то, что будто бы, если верить их притворству, могут сделать её рвущиеся к власти враги, а именно... перевести государство и экономику в новый мир». Это определение, данное великим немецким писателем, во многом справедливо и в отношении сегодняшней России. Увы, излечения не произошло, иммунитета в отношении сталинского мифа в общественном сознании нет и сегодня, потому и тема о Сталине и сталинизме принадлежит не только прошлому, но и настоящему.

Андрей Мартынов

Представляется, что понять и оценить преступления и ошибки Иосифа Сталина невозможно без соответствующего анализа преступлений и ошибок Владимира Ленина. Сталинизм есть следствие ленинизма. Всё, что ставится в вину частью современного общественного мнения и рядом историков Сталину было уже совершено (и возможно даже в больших масштабах) Лениным. Например, запрет партий (в том числе, и левых), создание карательной машины с концентрационными лагерями, уничтожение крестьянства и одновременно до-революционной властной элиты. Это всё преступления коммунистического режима времён Ленина.

Аргумент в защиту ленинизма, что красный террор это следствие Гражданской войны, мягко скажем, лукав. Дело в том, что цензура, запрет партий, организация ВЧК начались ещё до формирования организованной антикоммунистической оппозиции в лице Белых правительств.

Поэтому создание проекта по истории сталинизма, несмотря на весь богатый фактологический материал, который он уже содержит, я оцениваю скептически. Борьба со следствием не устраняет причину. Это, если провести параллель с медициной, бороться с аллергической реакцией, потребляя огромное число антигистаминных препаратов, которые устраняют внешние проявления, но не купируют сам раздражитель.

Что же касается слов Льва Троцкого, приведённых Александром Даниэлем, то по большому счёту он не ошибался, когда назвал Сталина «гениальной посредственностью». Ничего сверх того, что со-

вершил Владимир Ильич, Иосиф Виссарионович не сделал. Так что фраза «Сталин — это Ленин сегодня» не так уж и далека от истины. Противоположности (сталинская и антисталинская) здесь парадоксальным образом совпадают.

Бернд Бонвеч

Много вещей было затронуто, но я выбираю красную нить. Это роль мифов и памяти. Это не синонимы, но имеют дело друг с другом. И в памяти отдельного человека, и в памяти общества фигурируют мифы — и маленькие, и большие. К сожалению, дорогой коллега Даниэль, не следует переоценивать личную память. Мы всё забудем. Мы не любим нехорошие вещи в нашей памяти, даже жертвы. И поэтому требуются манипуляции. Манипуляции для предоставления фальшивой памяти, фальшивой картины о прошлом. Это касается тоже нас всех. Мы хотим отождествляться с нашим окружением, с нашим народом положительно. И даже мы, немцы, которые гордимся, что мы, наконец, разоблачили преступления не только Гитлера, но и немецкого народа во время Третьего рейха, употребляем трюк. Мы гордимся именно тем, что мы, в отличие от других народов, это делаем. Это трюк, но, поверьте мне, это помогает нам обходить нехорошее. Тем не менее, это совершенно ясно, никто не хочет помнить нехорошие вещи в личной жизни, в жизни народа, и поэтому культурная память, то, что мы раньше называли историческое осознание, подлечит больше внешним влияниям, чем личная память.

40 лет в Советском Союзе преступления сталинизма обходили молчанием, и, конечно, это влияет на историческое сознание молодых. Я не верю, что Сталин исчезает из народной памяти вообще, я даже боюсь, что ушедший Проханов прав, что победит такая картина Сталина, где он победитель, строгий государственный деятель. И это без манипуляций, без пропагандистской манипуляции — так люди настроены. К счастью, среди нас есть историки, учёные, которые всё-таки понимают свою профессию как просвещение и могут пойти против желания своего собственного народа и политики. Помните, как во французском парламенте решили, что история французского колониализма должна быть положительнее представлена в учебниках. Они официально решили, что никто не любит преступления как наследие. И поэтому не требуются все эти манипуляции. Но, конечно, люди, как Проханов, не только рисуют нам такую картину Сталина, но идентифицируются с ней, становятся пропагандистами этой картины и этой памяти. Против этого я призываю всех, кто занимается историей, выступить.

Ведущий**Андрей Сорокин**

Итак, завершая нашу дискуссию, считаю необходимым сделать несколько замечаний. Прежде всего, повторяюсь — Людмила Улицкая нарисовав апокалиптическую картину современного мира в эпоху глобального кризиса, ошарашила меня признанием: «Особенно бессмысленным мне представляется рассмотрение мифологии вождя: оценка роли и личности Иосифа Джугашвили представляет сегодня академический интерес — цена барреля нефти, а ещё более цена килограмма хлеба и килограмма риса в современном мире гораздо существенней, чем оценка личности Сталина...».

Согласиться с этой идеей трудно, особенно наблюдая многочисленные вариации на тему Сталин—live на телеэкране, итоги пресловутого телевизионного проекта «Имя России» и многое другое. Полки книжных магазинов и, увы, библиотек заполнены агиографической литературой, посвящённой вождю, А.А. Проханов как никогда активен и, я уверен, — убедителен для огромной массы людей со своей вполне продуманной и стройной концепцией исторически обусловленного мобилизационного типа развития России тогда — в сталинскую эпоху, и сейчас — в начале XXI века.

Сценарии мобилизационного типа развития, авторитарной модернизации обсуждаются отнюдь не только литераторами, но и экспертным сообществом. А не так уж и давно, накануне закрытия РАО ЕЭС, его руководители (по совместительству, напомню, — идеологи либерализма) не знали, как откреститься от соглашения, подписанного красноярским губернатором с начальником краевого ГУИИНа об использовании труда заключённых на строительстве Богучанской ГЭС.

История с осуждением настоятеля храма Святой княгини Ольги в Стрельне, выставившего в пригороде Петербурга неканонический образ с изображением на переднем плане Иосифа Сталина, лишь на первый взгляд может показаться анекдотом. О портретах вождя в руках ветеранов из КПРФ и молодых из НБП в этом ряду уже нечего и упоминать. Так что пресловутое пособие для учителей и учебник по новейшей истории России А. Данилова, А. Уткина, А. Филиппова, одобренные Министерством образования и науки РФ, но вызвавшие многочисленные упреки за фактическую реабилитацию сталинских методов управления, — это лишь верхушка айсберга.

Социологи фиксируют: в 1989 году Сталин замыкал первую десятку «самых выдающихся людей всех времен и народов» с 12 % голосов опрошенных, а в июле 2008 года за него высказалось 36 % взрослого населения страны, при этом доля положительно оценивающих его роль также постоянно растёт и сегодня превышает 50 %.

Те же социологи, Борис Дубин, например, фиксируют разлом национального сознания по отношению к этому персонажу и сшибку в этом сознании двух образов: Сталина — тирана и Сталина — победителя в войне. Причём, равные доли, свыше двух третей взрослого населения поддерживают оба эти образа.

Это не шизофрения, как может показаться. Это попытка массового сознания, наоборот, уйти от его фрагментарности, унаследованной от эпохи перестройки, соединив доступными ментальными средствами крупные осколки разбитого зеркала, отбросив в сторону слишком «мелкие» и слишком острые.

Российское общество не проделало необходимой работы по самоидентификации, по преодолению кризиса исторического сознания, который так ясно диагностируется социологами. Мы стремимся быть наследниками и Столыпина, и Сталина одновременно. Став правопреемником Союза СССР, Россия так и не определилась, а что из этого и предшествующего, досоветского, наследия и почему она берет / не берет с собой в будущее.

Существует мнение, что в конце 1980 — начале 90-х годов о преступлениях сталинского режима сказали всё или почти всё. Это такое же заблуждение, как и процитированное вначале суждение Л. Улицкой. Оба, каждое по-своему, дезориентируют общество. Так называемая «архивная революция», благодаря которой только и были рассекречены и опубликованы сотни тысяч архивных документов по советской истории, начала разворачиваться только в ранние 1990-е, уже в новой России, и ещё далека от своего завершения. Но документы, практически в полном объёме позволяющие нарисовать историю именно сталинской эпохи, уже открыты и доступны историкам. Перед участниками этой архивной революции — архивистами, историками, издателями — именно сейчас и во весь рост встали новые задачи: дать сталинскому периоду советской истории объективный анализ, непредвзятую интерпретацию, основанную на фактах и документах, а не на умозрительных конструкциях, как это было в эпоху советологической классики на Западе и в эпоху демократической «бури и натиска» в России.

Нельзя не отметить очевидного, а именно — реактуализации исторического прошлого политической практикой настоящего. Уже одного этого достаточно для того, чтобы подвергнуть рефлексии исторический опыт, с такой настойчивостью раз за разом вторгающийся в день сегодняшний. Очевидно и другое — факты позволяют усомниться (как минимум), в категорических утверждениях об исторической оправданности сталинизма как неизбежного метода запаздывающей модернизации. На смену никогда не превалировавшим в

обществе представлениям о сталинской политике как репрессивной и разрушительной в последнее время пришли концепции эффективного сталинского менеджмента. Подобные умозрительные идеологизированные конструкции не являются результатом серьёзных научных исследований и неприемлемы с моральной точки зрения. Необходимость последней прагматиками от политики отвергалась всегда.

Нельзя не вспомнить в заключение в этой связи мысль В.О. Ключевского, зафиксированную им ровно сто лет назад в своём дневнике: «...Дедовские безыдейные нужды, привычки и похоти судите не дедовским судом, прилагайте к ним свою собственную, современную оценку, ибо только такой меркой измерите вы культурное расстояние, отделяющее вас от предков, увидите, ушли ли вы от них вперёд или попятитесь назад».

Третье заседание Миф «У РОССИИ ОСОБЫЙ ПУТЬ»

Ведущий
Сергей Мироненко

Знаете, этот миф может быть и мифом, а может быть, и нет, смотря как к этому подойти. Я довольно долго занимался политической историей России XIX века, и мне казалось, что у России своего особого пути нет, что Россия, как и весь цивилизованный западный мир, с какими-то особенностями, но всё-таки идёт в одном направлении. Но с течением времени этот взгляд у меня несколько видоизменился. Россия пытается идти по западному пути, но ей это на протяжении столетий не удаётся. Что говорить, со времени Алексея Михайловича российская политическая элита, государство и власть смотрели на Запад как на образец. Не надо говорить о реформах Петра Первого, которого наши западники так не любили и порицали за то, что он вводил некоторые западные институты. И при Екатерине, с её стремлением быть на уровне философских исканий своего времени (знаменитый «Наказ» Екатерины Уложенной комиссии, её работа, правда, ничем не окончившаяся). И в начале XIX века Россия смотрела на Запад, искала образцы, которые можно было бы перенять. Это делали как общество, так и власть.

Мне кажется, что глубокое заблуждение советской историографии было в том, что принимались на щит декабристы, которых я продолжаю любить и уважать, несмотря на критику, которая раздаётся в последнее время в их адрес, но и Власть хотела примерно того же, что и декабристы. Известно, что деление царствования Александра I на два периода (первый — до войны 1812 года, попытки реформировать государственный строй России; второй — период реакции) не совсем верно. Напомню, что во второй половине своего царствования после возвращения в Россию Александр инициирует сочинение российской Конституции. Написал её француз Дешан в Варшаве под присмотром Новосильцева, одного из т. н. «молодых друзей» Александра I. Был создан и проект освобождения крестьян, подготовленный канцелярией

всесильного тогда Аракчеева. Я думаю, что Александр искренне был убеждён в необходимости преобразования страны, в ограничении самодержавия, в той или иной степени, уничтожения крепостного права или серьёзного его ограничения. Однако это не получилось. Почему не получилось? Вот это вопрос.

Между прочим, к проекту Конституции был приложен манифест о её введении. В нём оставалось заполнить всего несколько строк: дана тогда-то, в Зимнем дворце, в таком-то году. Но этот манифест о введении Конституции так и не был никогда подписан. Общество, с его радикальной частью, тоже стремилось к ограничению или вообще уничтожению самодержавия, к тому или иному способу решения крестьянского вопроса. Не получилось ни у тех, ни у других. Поражение России в Крымской войне с новой силой поставило вопрос о реформировании уже достаточно дряхлого государственного и экономического устройства России. Начались реформы. Казалось бы, дело пошло. 19 февраля 1861 года крепостное право в России было уничтожено. Но зададим себе вопрос: реформа 61-го года была удачной или нет? Сама постановка такого вопроса вроде бы бессмысленна. Ведь уничтожили крепостное право, дали мощный толчок к разрушению общины. Но если мы посмотрим на результат через 70 лет, если возьмем сталинские колхозы, которые являются не чем иным, как возрождением самого худшего крепостного права, которого не знала дореволюционная Россия, т. е., если мы посмотрим на процесс в его достаточно длительном хронологическом периоде, то лично я не могу признать, что реформа 61-го года удалась. Если бы она удалась, не было бы никогда сталинских колхозов как метода решения каких-то экономических проблем, стоящих перед страной. В конечном итоге, Октябрьская революция положила конец и судебной реформе, и вообще всем либеральным начинаниям, великим реформам, которые были осуществлены в царствование Александра II. Можно говорить о реформах Столыпина, можно говорить и о попытках реформировать строй в хрущёвское время, и о косыгинской реформе, которая пыталась сделать нашу экономику немножко беременной капитализмом. Всё это не удалось. И вот новый этап: перестройка, гласность. Михаил Сергеевич Горбачёв, очень ярко убеждавший нас всех в том, что перестройка необратима, и чем больше он произносил эти заклинания, лично у меня всё больше и больше возникало опасение, что такими заклинаниями не обеспечить необратимости процессов, которые начались во второй половине 80-х годов.

Мы переживаем сложный этап, и, я надеюсь, мы все доживём до того или иного решения вот этих экономических и политических проблем. Кстати, недаром, я думаю, так популярно имя Сталина. Наши

с вами соотечественники подзабыли эти времена, Сталин превратился в миф. Причём миф, который создаёт каждый социальный слой, в том числе и бюрократия, и государственная власть.

Как-то лет 7 назад я был в Петербурге на научной конференции, посвящённой истории русского либерализма. Там выступал известный историк, политик, профессор Гарвардского университета господин Ричард Пайпс. Он сказал, что он считает, что нет никакого третьего пути. Есть либо диктатура, либо демократия. И он убеждён, что Россия, конечно, придёт к демократии в общечеловеческом понимании этого слова. Я не уверен в этом. Почему не уверен? Потому что перед нами, по крайней мере, двухвековая история неудачных попыток. Наступает какой-то период, когда власть и общество осознают, что так дальше жить нельзя. Начинаются попытки реформ, при этом выясняется, что реформы могут быть осуществлены только насилием. Например, для того, чтобы освободить крестьян от крепостного права. Александру II потребовалось создать специальные редакционные комиссии. Затем сделать так, чтобы в редакционных комиссиях большинство получили либерально настроенные бюрократы. Помещики не хотели освобождения крестьян, но и крестьяне остались не удовлетворёнными условиями освобождения. Как тут не вспомнить слова Некрасова о результатах этой реформы из его поэмы «Кому на Руси жить хорошо?»: «Разбилась цепь великая, разбилась, разлетелась, Одним концом по барину, другим по мужику». Почему (с моей точки зрения) Александр I не смог воплотить в жизнь то, о чём он действительно мечтал? Потому что он не решился на насилие. Александр II решился на насилие. Но это тоже не принесло желаемого результата. Я глубоко убеждён, что всё, что произведено в истории путём насилия, обречено на неудачу. Какой другой путь? Есть ли вообще выход? Не знаю.

А теперь перейдём к вступлению в тему нашего третьего заседания.

Клаус-Хельге Донат

Уважаемые дамы и господа, призрак бродит по России. Он называет себя патриотизмом и утверждает, что нашёл особый путь в будущее. Этот особый путь и является сегодня нашей темой.

Тот, кто утверждает, что проложил особый путь, отрицает для себя возможность пользоваться другими дорогами. Он отгораживается от окружающего мира. Если бы этот путь был тропинкой в том же направлении, то не было бы причин для беспокойства.

Но кто провозглашает особый путь в истории, тот имеет в виду что-то большее. Нам, немцам, это слишком хорошо известно. Этот

одиночка не только обособляется, он чувствует своё превосходство над другими, которые бредут обычным путём. Из этого чувства превосходства он делает вывод о своём Богом данным предназначении порабощать других.

Предвосхищая результат, можно сказать: историческое прошлое показывает, что общества, выбирающие особый путь, не соответствуют требованиям внутренней модернизации. Идеология особого пути является поэтому ничем другим, как компенсаторными разговорами, маскирующими и социокультурную отсталость, и проистекающий от этого комплекс неполноценности. Поскольку мы пережили в Германии нечто подобное, я хотел бы провести некоторые параллели между особыми путями в Германии и в России.

Часто говорится о родственной сущности России и Германии. До двадцатого века Германия тоже не хотела мириться со статусом только национального государства.

Претензия на существование немецкой нации в составе Священной Римской империи, конец которой был положен Наполеоном в 1806 году, существовала в виде имперского мифа вплоть до времен Третьего рейха. Имперское мышление имело теологическую направленность в большей мере, чем другие национальные идеи, например, идея британского мирового господства. «Только в средневековом мифе о Москве, как о Третьем Риме, как о наследнице Византии и, следовательно, древнего Рима, проявляется сходство с немецкой национально-имперской идеей, и он продолжает свою политическую жизнь и в сегодняшней России» (А. Колесников).

Когда Германский рейх принял после Первой мировой войны парламентскую форму правления, многие немцы усмотрели в этой системе победивших государств, с которой они не хотели и не могли мириться. Третий Рейх стал кульминационным моментом неприятия политических идей Запада, с которым Германию много связывало, но, тем не менее, от которого она старалась отгородиться и настаивала на своём особом пути развития. Это стало долгой обходной дорогой в современность средневековой, в некотором роде, страны.

Гражданские права и свободы не были чужды Германии. Но, в отличие от Англии, Франции и США, где эти права составляют основу политической культуры, эта традиция укоренилась не настолько, насколько вера в долговечное авторитарное государство.

Пропаганда особого пути означала до 1945-го года противопоставление немецкой культуры западной цивилизации и оправдание авторитарной державности. Запад непрестанно упрекает Германию в духе верноподданничества и милитаризма. «Направленная против нас, нашего государственного устройства, нашего милитаристского духа,

против духа порядка, авторитета и долга, неугасаемая смертельная ненависть политической демократии...», — так писал Томас Манн о тогдашней Германии. Такую же предвзятость и непонимание ощущает сегодня Россия. Демократия по западному образцу ей тоже не подходит. Только руины Второй мировой войны погребли под собой миф о превосходстве «внутренней сущности» «немецкой души», а также имперские амбиции.

В России властвует идея о «русской особености», об особом пути цивилизации, проходящем между Востоком и Западом, которая снова определяет политический и интеллектуальный ландшафт. Внешне она имеет несколько другую упаковку, отличную от Веймарской. Но в том и другом случае предубеждение против демократии, плюрализма и расплывчато воспринимаемого либерализма лежит в основе разговоров об особом пути.

Спектр мнений адептов «русской особости» охватывает весь политический ландшафт, от коммунистов и неонацистов, от неолевых и правящей верхушки в Кремле до православной церкви и евразийцев, которые видят социально-культурные корни России в Азии. Даже более либеральные силы не полностью свободны от влияния такого устройства до-индустриального мира. Общее название этой обособленности именуется «русской идеей», которой оправдывают свои политические цели все идеологические направления. Эта идея отражается, прежде всего, в экономической составляющей, при этом русскости приписывался вплоть до XIX века особый идеал общности и солидарности, который характеризовал крестьянскую общину, мир, а также соборность (первоначально слово имело православный смысл: собрание общины, единство в многообразии, община как симфоническая личность).

Короче говоря, это понятие содержит этическую критику западного индивидуализма. Мессианский имперский вариант застыл в формуле «Москва — Третий Рим». Это импонирует русскому народу, как бы богоизбранному освободителю человечества. В современной политической жизни Кремль использует эту идею в качестве патриотического лозунга, призванного объединить разрозненное общество в нацию. Дебаты ведутся с XIX века. Уже тогда Россия пробовала претендовать на ведущую роль среди европейских держав, но признала своё отставание от европейской цивилизации.

Вопросы о том, кто мы, с кем мы, вылились в долгий и мучительный поиск собственной идентичности, они и через 200 лет рождают те же страсти и требуют ответа. Эти споры разделили элиту на 2 лагеря: западников и славянофилов. Последние давно считают отставание в развитии от Запада своим преимуществом. Они видели в ар-

хаике и первобытности деревенской жизни в России признаки более высокой цивилизации, которая ещё сыграет в мировой истории свою мессианскую роль. Западники сознавали отсталость и выступали за вступление на европейский путь развития. Хотя они тоже не отказывались от высокой миссии в дальнейшем. Сначала догнать, потом перегнать. Противоречия со славянофилами не были уж такими непримиримыми. Что касалось роли России как великой державы, империи и отношения к власти, то тут не было заметных различий. То же касается и сегодняшних дискуссий, но часто это обходят молчанием, поскольку западная внешняя политика стремится к упрощению. Помимо этого, политическая и интеллектуальная элита, и славянофильская, и прозападная, в XIX веке получала образование в европейских университетах, преимущественно в Германии. Идеино-исторический фундамент был тот же. Славянофилы находили нужное для себя в работах Гердера, Шеллинга, Фихте, и вообще у немецких романтиков. Философский арсенал, который использовался для обоснования русской особенности, был взят полностью из академических хранилищ Европы.

Пётр Великий, проведя насильственную европеизацию в начале XVIII века, вбил клин в архаичную природу народа. Он буквально втиснул аристократию в европейские шкуртки, вследствие чего они потеряли своё самоощущение. В середине XIX века страна разделилась на европеизированный высший класс и крестьянские массы, которые вели тот же образ жизни, что и столетия до этого. Как можно объединить эти два полюса? В чём заключается идентичность каждого из них? Что такое собственно Россия? Славянофильский возврат к первобытности деревни был попыткой самоопределения и одновременно часом рождения русской идеи. Элита же знала только о своём российском происхождении, с деревней её ничего не связывало. В каком ненормальном положении оказалась элита, можно увидеть на примере графа Сергея Уварова. Министр народного образования (1832–1834) и советник царя Николая I создал государственную доктрину, которая вошла в историю как классический пример политической реакции. Она основывалась на трёх постулатах: самодержавие, православие, народ. И оставалась в силе вплоть до захвата власти большевиками в 1917 году. Патриотическое самоопределение было изложено по-французски. Русский язык для элиты был чужим.

Признание в «задержке» и «отставании» было бы воспринято в Европе как признание слабости, что противоречило бы великодержавным настроениям. Так родилась Русская идея. Можно спорить о том, является ли это классической сверхкомпенсацией отсталости в развитии. Одно, по крайней мере, свидетельствует об этом. Систе-

ма, которая резко критиковала царя и цивилизацию, привнесла свою долю в расцвет этой идеи.

Граф Бенкендорф, шеф царской тайной полиции, которого царь считал таким же незаменимым, как и себя, вдохнул жизнь в уваровскую доктрину о патриотическом самоопределении. «Прошлое России удивительно, её настоящее — великолепно, что касается будущего, то оно превзойдёт всё, что может нарисовать самое дерзкое воображение». Каждому было ясно, чего он должен придерживаться. Интерпретация истории Путиным, направленная, прежде всего, на поощрение национальной гордости, близка к этой доктрине.

Неудивительно, что те, от кого исходят идеи, довольно свободно обращаются с историческими фактами, которые призваны подтвердить эту особенность. Историки, по большей части зарубежные, выдвигают веские возражения. Но речь не об этом.

«Идея нации не в том, что она о себе думает в какой-то момент, а что Бог полагает на небесах», — констатировал Владимир Соловьёв, один из ведущих русских религиозных мыслителей, в своей заключительной речи о Русской идее в 1888 г. Через полвека после Уварова Соловьёв делал доклад в Париже, который был озаглавлен по-французски *L'idée russe*. Николай Бердяев, знаменитый русский религиозный философ XX века, подхватил гипотезу Соловьёва и написал в эмиграции в Париже основополагающий труд о русской идее. Сегодня работы Бердяева стали стандартным репертуаром конформистской интеллигенции и политиков. Он тоже не старается принизить эмпирические факты: «Меня мало интересует, чем была Россия эмпирически, а больше вопрос о том, для чего Творец предназначил Россию, духовность русского народа, его идея».

Этими проблемами занимается новая общая дисциплина под названием культурология, наследница марксизма-ленинизма, преподаваемого ранее в школах и университетах. Этот предмет за короткое время стал ведущей дисциплиной среди гуманитарных наук, и не в последнюю очередь благодаря тому, что многие культурологи в своей прошлой академической жизни преподавали диалектический и исторический материализм и проворно превратились в апостолов нового мышления. Целью опять-таки «единообразной науки» является вывести русскую идею из самобытности и своеобразия русской культуры. Происходит это в основном путём возврата к идеям XIX века и подкрепляется работами эмигрантов XX века. Дискредитированный материализм заменило русское религиозное мышление, которое шаг за шагом принимает всё более чёткие очертания государственной идеологии. Так сохраняется, конструируется и в случае необходимости создаётся связь между царской империей и Российской Федера-

цией. «Исходя из географического разброса российской империи и той функции моста между Европой и Азией, которую выполняет Россия, культурология России становится эпицентром истории».

И возникает подозрение, что предметом изучения становится не судьба России, а Россия как судьба. Даже публицисты, журналисты и литераторы быстро приняли культурологию. Примечательно, что наука добровольно идёт на службу политике, цель которой заявлена: дать новый политический заряд культурным различиям между Россией, Западом и остальным миром. Большинство культурологов преследует никакую иную цель, как облечь в новые одежды марксистско-ленинское учение на фоне западного универсализма. Особое внимание уделяется при этом специфически русским представлениям о таких ценностях, как целостность, духовность, общность.

Существует ли такое «автохтонное российское мышление» в самом деле?

Социолог Игорь Смирнов, пытаясь определить «своеобразие русского мышления», пришёл к выводу: «духовные ценности православия и православное понимание нации как коллективной личности с собственным историческим предназначением» определяют русское мышление, основанное на «коммуности», которое не делает человека субъектом истории и отбрасывает «логику теорий прогресса».

«Бессистемность и неакадемический характер» — также основные черты этой традиции, утверждают некоторые авторы книг о русской цивилизации, которые жонглируют метафорами и ассоциациями вместо того, чтобы оперировать чёткими понятиями. Таким образом, такие вечные метафоры патриотической повседневной лирики как «русская душа» и «русская ментальность» слились в понятие «русское мировоззрение».

В книге о русской цивилизации представлен русский характер, которым удобно оправдывать внутреннюю политику последнего времени. Как бы по своей природе русские предпочитают государственное центральное управление демократии и охотно отказываются от притязаний на свободные права. У них врожденный культ личности и вождей. Человек как субъект политики и истории — это гедонистская, нерусская концепция. Русский — это коллективное Я, патриархально ориентированное, которое добровольно оставляет «за государством активную роль» и тоскует по «сильной руке». Ориентация на государство и обращение к нему за помощью — распространенное среди россиян настроение.

Западу приписываются в литературных и в строго научных трактатах такие черты, как рациональность, холодность, расчётливость и индивидуализм. Россия олицетворяет собой «женское начало». При

своей иррациональности Россия является антиподом, она стремится к гармонии, нерасчетлива, эмоциональна, склонна к широте и безмерности, предпочитая жить сегодняшним днём. «Понятие о прогрессе и современности» не совпадает с западным. Вообще, — признаются авторы, — это не поддается рациональному объяснению, такое поведение коренится в подсознании. Что, в свою очередь, освобождает людей от аналитического мышления и рефлексий и делает невосприимчивыми к критике извне.

Отношение Германии к Западу тоже базировалось на непримиримом противопоставлении, которое консервативная революция выразила формулой «Культура против цивилизации». Автор этой идеи антисовременности первым подготовил почву для фашизма. Томас Манн, мыслитель, прекрасно владеющий словом, уже в начале 20-х годов дистанцировался от своего труда «Размышления аполитичного человека», написанного между 1916 и 1918 г., тем не менее, это стало настоящей находкой для идей аполитичного иррационализма. «Размышления» Манна являются полемическим манифестом, в котором идеалистическое стремление быть другими предопределило то, к чему сегодня призывают адепты русской идеи. Если в этих размышлениях заменить «немецкий» и «немецкая самобытность» на «русский» и «русская самобытность», то можно подумать, что текст взят из запасников культурологии, основной принцип которой — противопоставление культуры и цивилизации.

Читаем у Томаса Манна: «Различие между духовностью и политической то же, что между культурой и цивилизацией, душой и обществом, свободой и выборным правом, искусством и литературой; и “немецкая самобытность” — это культура, душа, свобода, искусство, а не цивилизация, общество, выборное право, литература. Поскольку человек является не только социальным, но и метафизическим существом, то демократизация, рассматриваемая как политизация общества в его бездуховном состоянии, была бы “варварством”. Немецкая душа стремится к более высокой культуре...». Делается ссылка на то, что цивилизация нормирует все области жизни. Демократия — это формально ограничиваемый выборным правом механизм. Рефлексия, технократия и конкуренция — вот понятия, характеризующие прорыв в современность, которые Манн оценивал негативно. Они-то и излучают «холодный расчёт», в котором культурологи упрекают Запад. Здесь нет места ни немецкой духовности, ни русской созерцательной натуре.

«Благоговение перед духовностью привносит скепсис по отношению к программам действия и их политической реализации», — пи-

шет Манн, оправдывая тем самым авторитарное государство и политическую сдержанность интеллигенции.

Политическую сдержанность, как национальную добродетель, ценят также глашатаи российской самобытности, утверждая, что политическая активность, вообще принятие на себя ответственности, чуждо национальному характеру.

Немецкая консервативная идея была не только направлена против демократии, но она отрицала способность народа к перемене. Немецкий демократ не может быть патриотом, а значит настоящим немцем. Говорили об особом генетическом коде, что сейчас тоже слышится в российских дискуссиях. Главный идеолог Кремля Владислав Сурков открыто говорит о «генетическом коде нашей национальной культуры», от которого и производится «особенность политической жизни».

Цитируем Томаса Манна дальше: «Немецкая демократия — это не настоящая демократия, поскольку это не политика, не революция. Она политизирована настолько, что противопоставление Германии Западу в этом пункте исчезает и сглаживается, — это безумие. Такую перемену, которую не отрицают даже её апологеты, не смогли бы обеспечить только институты, выборная реформа и т. п. Лишь духовные изменения, полное изменение народного характера могло бы этому способствовать — и этого жаждет западник (Томас Манн берет это понятие у Достоевского. — *К.-Х. Д.*) и поэтому в это верит... Никогда немецкая демократия не станет ничем другим, пока она остается немецкой демократией, то есть больше “немецкой”, чем “демократией”. Никогда он (немец) не станет понимать под словом “жизнь” общество, никогда социальная проблема не перевесит моральную, присущую внутренней жизни. Мы не общественный народ».

Этот постулат можно посчитать предтечей установки на российскую — суверенную демократию, это такая игра в демократию, игра слов, которая должна отвлекать от всё большей авторитарности режима. Кроме того, «народный характер» используется в качестве бастиона в борьбе с неугодными универсалистскими притязаниями. При этом Кремлю вторит православная церковь, которая недвусмысленно отрицает западные ценности вообще и Конвенцию прав человека в частности. «Православная вера готова принять мировоззрение других народов, но не может молчать, когда ей навязывают чужие стандарты, противоречащие основам православной веры», — заявил митрополит Кирилл, отвечающий за международные отношения, он чувствует угрозу культурной самобытности со стороны либералов. «Мы были свидетелями того, как через концепцию прав человека оправдывалась ложь и оскорбления религиозных и национальных цен-

ностей». РПЦ защищала себя в декларации «Православные права человека», которая базируется на понятиях: «вера, мораль, святости и отечество». Она хочет этим предотвратить «фатальное влияние Запада».

«Размышления» Томаса Манна выливаются в страх перед европейской, мировой демократией, «возникающей при слиянии национальных демократий, когда от национального немецкого духа ничего не останется». Тот же смысл мы находим в вечном русском речитативе «мы и они». Припев, в котором слились разочарование, возмущение, предубежденность и страх перед жизнью. «Немецкий консерватизм всего лишь оппозиция, аргументация Германии произвольная, она заключает сомнительные союзы, выступает против добродетели, неуважительно высказывается о человечности, делает всё, чтобы оппонировать этому прогрессу, прогрессу Германии от музыки (культуры и пр.) к политике».

Эта работа Томаса Манна создавалась в ядовитой первобытной грязи начала XX века. Владислав Сурков представляет администрацию президента и является главным идеологом Кремля. Его мировоззрение изложено в курсе лекций о политической культуре, которые он прочитал за последние 3 года. Он также ссылается на философа Бердяева, который определял русскую культуру в отличие от аналитически дифференцирующей культуры Запада, как «религиозно-синтетическую, интуитивную и целостную». Сурков заостряет этот тезис: «Синтез происходит от анализа, идеализм от прагматизма, образность от логики, интуиция от разума и целое от частных». Политическая жизнь в России имеет, поэтому, три отличительные особенности: «Стремление к единению через централизацию власти, идеализация целей в политической борьбе и персонификация политических институтов».

Ведущий

Спасибо, господин Донат. Передаю слово господину Сергееву.

Сергей Сергеев

Проблема особого пути России — ключевая в западнически-славянофильской дискуссии, начавшейся в середине XIX в., и в модифицированном виде продолжающейся по сей день. Если свести позиции спорящих сторон к неким обобщенным (и неизбежно огрубленным) формулам, то, по утверждению западников, Россия есть неотъемлемая часть Европы и, следовательно, должна развиваться в том же русле, что и она; а с точки зрения славянофилов, Россия — особая,

своеобычная цивилизация, предлагающая альтернативу романо-германскому эталону.

И западническое, и славянофильское понимание России мне представляется односторонним и, в той или иной мере, мифологизированным. Задача современной русской мысли — преодолеть этот малопродуктивный дуализм, приобретший свойства дурной бесконечности, и выработать взвешенный и трезвый, исходящий из подлинных интересов нашего Отечества, взгляд на эту проблему.

Есть два способа рассматривать обсуждаемый вопрос. Первый — эмпирический и конкретно-исторический, на основе анализа природных, духовных и социально-политических факторов, определяющих прошлое и настоящее России. В такой оптике обсуждение и исследование *своеобразия* русского (как, впрочем, и *германского*) пути не только вполне законны, но и необходимы, как, скажем, и обсуждение и исследование *своеобразия германского* пути. Здесь нет ничего собственно мифологического. Давайте непредвзято посмотрим на проблему именно под этим углом зрения.

Является ли Россия частью Европы? Но что такое, собственно, Европа? Ясно, что это понятие не только (и не столько) географическое, но, прежде всего, культурно-историческое. В XVII–XVIII вв. такой псевдоним взяла себе цивилизация, крещёная при рождении под именем *христианский мир*. Новалис и Чаадаев согласно провозглашают тождество Европы и христианства. Но мы договорились: никакой мифологии! Поэтому под христианством я в данном случае имею в виду некую исторически развивающуюся культуру, основанную на общей системе ценностей. Россия принадлежит к христианской культуре? Достаточно назвать имена преподобного Сергия Радонежского и Достоевского, чтобы далее не обсуждать этот риторический вопрос. Но Россия входит в ареал восточного, византийского христианства, подозрительного для католически-протестантской Европы — то ли как схизма, то ли как язычество. Вот и первая наша особенность: православие. Россия — Европа, но Европа православная.

Однако православие не помеха прямому наследнику Византии — Греции — быть членом НАТО. Возможно, разгадка в *этничности*? Русские — славяне, а этническая основа Европы — романо-германцы; величайший Гегель отказывал славянам не только в европейскости, но и вообще в историчности. Вторая наша особенность — славянская этничность. Россия — Европа, но *славянская* Европа.

Что ж, чехи и поляки — тоже славяне, они, правда, католики, но и православных болгар из Европы не исключают. Конечно, они — Европа периферийная, которой в тяжелой ситуации романо-германское ядро может пожертвовать, но всё же их скромное место в общеевро-

пейском доме никем не оспаривается. Почему бы и России там не пристроиться где-нибудь на дальних огородах? Беда в том, что она слишком обширна. Это такая часть Европы, которая почти в три раза превосходит по территории «*маленький северо-западный уголок большого материка*» (Л. Толстой). Неоднократно, с разных сторон, звучала идея о том, что Россия сразу бы обрела подлинную европейскость, сократись она на две трети. Предложение заманчивое, но вряд ли русские променяют сибирскую сокровищницу на право сидеть в европейской прихожей. Кстати, залежи природных ископаемых — ещё одна наша особенность. Кроме того, в прошлом России — несколько столетий существования как великой самостоятельной державы, как самостоятельного центра силы, а не как вассального лимитрофа. Россия — Европа, Европа периферийная. Но это такая периферия, которая сама по себе — центр.

И ещё одно. Россия — Европа, но Европа запаздывающая. Как цивилизация она стала складываться только в первой половине XVI в., когда Запад уже пережил Ренессанс и эпоху географических открытий, начал переживать Реформацию. Дело не в некоей изначальной русской отсталости (её не было), а в исторических обстоятельствах, которых Западу повезло не испытать. Быть наравне с Европой (а без этого о какой самостоятельности можно грезить?) — значило её имитировать. Отсюда болезненность русской европеизации. Натягивание на себя форм, бывших для нас не по возрасту то ли слишком широкими, то ли слишком узкими (молодые люди часто перерастают взрослых).

В своей насыщенной гениальными интуициями статье «О всемирной любви» Константин Леонтьев мельком роняет по поводу пушкинской гармонии (и гармонии вообще) несколько фраз, «*томов премногих тяжелей*». Она понимается как «*примирение антитез, но не в смысле мирного и братского нравственного согласия, а в смысле поэтического и взаимного восполнения противоположностей и в жизни самой, и в искусстве. Борьба двух великих армий, взятая отдельно от всего побочного во всецелости своей есть проявление “реально-эстетической гармонии”*». Всё сказанное замечательно характеризует и пушкинский гений, и диалектику жизненного процесса, и глубинную суть русско-европейских отношений, которые как нельзя лучше можно назвать «взаимным восполнением противоположностей», происходившим в ходе цивилизационной войны за христианское наследство (включающее в себя и наследство античное).

И Запад, и Россия (через Византию) объявили себя единственными правомочными преемниками Рима и Иерусалима, и потому компромисс между ними был исключён, но противники обменивались не

только ударами, но и взаимными влияниями, ибо символика и терминология христианства, несмотря на принципиально разное понимание последнего, оставалась общей для обеих сторон. Естественно, что очень долго — несколько столетий — имело место только европейское влияние на Россию. Западная светская культура (в том числе, *техника* в самом широком смысле слова, т. е. способность к рациональной организации действительности) неизмеримо превосходила русскую, и без её усвоения нечего было и думать о противостоянии могучему и опасному сопернику. Для того чтобы сотязаться с Западом, пришлось его принять внутрь себя. В составе проглоченного оказались и яд, и витамины, но последних всё же больше, о чём свидетельствует культурный и политический взлёт Петербургской империи. А в начале XX столетия европейская культурная элита воспринимает романистов из варварской Московии как духовных пророков. Достаточно упомянуть восторги Рильке и Томаса Манна, для которого русская литература — «святая». Так Европа ли Россия?..

С не меньшим основанием можно преподать эту историю и как батальное полотно, изображающее отнюдь не метафорическую «борьбу двух великих армий» с бесчисленными полями битв, щедро политых славянской и романо-германской кровью. Но, на самом деле, эти две версии многовекового противоборства (или творческого диалога?) неразрывно взаимосвязаны: победитель-ученик Пётр Великий после Полтавы пьёт за здоровье побеждённых учителей-шведов; любитель романов мадам Жанлис фельдмаршал Кутузов и его генералы и офицеры, говорящие по-французски лучше, чем по-русски, командуют беспримерным разгромом кумира молодости лучших русских поэтов; под Сталинградом проверяют на практике правильность своих теорий две школы немецкой неклассической философии...

Во всяком случае, ясно одно: *Россия состоялась как мировая — политическая и культурная — держава в процессе творческой борьбы с Западом и вряд ли в ближайшем времени эта парадигма изменится.* Конечно, была и упорная, тоже многовековая, борьба с Востоком, весьма кровопролитная, порой не на жизнь, а на смерть, но в ней отсутствовал дух враждебной родственности, ревнивого притязания на первородство, соперничества / сотворчества.

Таким образом, вырисовывается возможная формула западнически-славянофильского синтеза: *Россия — Европа, но другая Европа, находящаяся с Европой западной в состоянии перманентной творческой борьбы за первенство в рамках христианского мира.* набросок этой формулы был сделан ещё в 1844 году другим нашим гением — Тютчевым в статье «Россия и Германия»: «В течение веков европейский Запад совершенно простодушно верил, что, кроме него, нет и не

может быть другой Европы. Конечно, он знал, что за его пределами существуют ещё и другие народы и государства, называющие себя христианскими... Но чтобы за этими пределами жила другая, Восточная Европа, вполне законная сестра христианского Запада, христианская, как и он, правда, не феодальная и не иерархическая, однако тем самым внутренне более глубоко христианская... вот что было невозможно допустить... Наконец, времена свершились, рука исполина сдернула завесу, и Европа Карла Великого оказалась лицом к лицу с Европой Петра Великого». В рамках этой концепции становятся понятными и оправданными как наше притяжение к Западу («страна святых чудес», «священные камни Европы»), так и наше отталкивание от него («гнувший Запад», «Европа не случайно, а существенно нам враждебна»), полномочными представителями которых и были, соответственно, западники и славянофилы. Но тот, кто будет отрицать важность для России достижений европейской культуры — плохой славянофил, а, тот, кто будет закрывать глаза на подножки соперника — плохой западник. Сочетание диалога и борьбы, диалог как средство борьбы, борьба как способ диалога — такова диалектика русско-европейской «гармонии».

Другая Европа. То же словосочетание по отношению к нашему Отечеству употребил в своей «Грамматике цивилизаций» мэтр французской историографии Фернан Бродель. Но что значит «другая»? Можно было бы сказать «Восточная», но тогда куда отнести Чехию, Польшу, Украину? Да и потом, после известной книги Ларри Вульфа «Изобретая Восточную Европу» мы знаем, как конструировался этот концепт на Западе: Восточная значит второсортная. Лучшей (и простейшей) формулы русской европейскости, чем *Русская Европа*, на мой взгляд, не найти.

Вот русский особый путь, вот русское своеобразие. Без всякой мифологии и мистики.

Но есть другой способ рассматривать эту проблему — сквозь призму заранее заданных историософских схем, где уже изначально ясно, в чём состоит «русская» (или «немецкая») идея. Классический образец такого подхода — «Речи к немецкой нации» Фихте, высокой патетикой которых нельзя не проникнуться даже русскому, но кто же по ним будет судить о реальных особенностях немецкой истории? Именно такой экзальтированно-мессианской мифологией была охвачена русская мысль XIX — начала XX вв. В основе такого взгляда на мир лежала сомнительной ценности методологическая установка Владимира Соловьёва: «Нация — это не то, что она думает о себе, а то, что о ней думает Бог в вечности». Ещё Константин Леонтьев удивлялся этому дикому перлу — откуда Соловьёв знает, о том, что

Бог думает о России? Происходит нехитрая операция приписывания своих мыслей Богу, а затем от Его имени ведется их пропаганда. И вместо выявления подлинного социально-исторического своеобразия русского народа ему приписывались разного рода экстравагантности, симпатичные тому или иному философу.

Скажем, от Соловьёва до Бердяева утверждалось, что главной отличительной чертой русского духа является религиозный мессианиззм. На самом же деле, мессианизм присущ практически всем народам христианского мира, даже якобы исключительно прагматическим сынам Альбиона, среди которых в XVI–XVIII вв. чрезвычайной популярностью пользовалась много раз переизданная «Книга мучеников» Джона Фоукса, в которой утверждалось, что англичане — избранный народ, предназначенный восстановить религиозную истину и единство христианского мира. Параллели бывают иногда совершенно поразительные, например, в одном из французских политических трактатов XV в. говорится: «Франция — наследница Рима, и другой империи никогда более не бывать». Вам это ничего не напоминает? А вот специально для Александра Андреевича Проханова: португальские мессианисты XVII в. величали свою родину последней тысячелетней *Пятой империей*.

Светская проекция религиозного мессианизма — идея русской всемирности, всечеловечности, всеотзывчивости, наиболее ярко сформулированная в Пушкинской речи Достоевского также неоригинальна. Близким образом трактуются немцы у Фихте и французы у Мишле. Последний писал: «Наши отцы оставляли за Францией право первородства, самопожертвования, и никто не оспаривал у них этого права... Другие народы не подражали Франции, её самоутвержению, неужели же теперь Франция будет подражать их эгоизму, их черствости, их равнодушию? Неужели, не сумев их возвысить, она опустится до их уровня».

Кроме того, русская всечеловечность а'ля Достоевский трактуется у нас весьма неточно. Полностью игнорируется откровенный европоцентризм Пушкинской речи, ведь там идёт речь о братстве с «народами арийского племени», о Востоке же Фёдор Михайлович в специальной главе из последнего выпуска «Дневника писателя» говорит в русле типичного колониального дискурса: в Европе мы были слугами, в Азию явимся как господа. Это замалчивается, ибо иначе из Достоевского не слепить предтечу евразийства.

Кстати, уж и о евразийстве. Не спорю, эффектно, романтично, открывает вроде бы широкие политические перспективы. Одна только беда - оно основано на сплошных подтасовках, будучи «идеологией» в худшем смысле, «умственным вывертом», по точному определе-

нию И.А. Ильина, то есть ещё одним мифом. А этот безвкусный интеллектуальный эпатаж, принимаемый иными за глубокомыслие, когда Н.С. Трубецкой с серьёзным видом (а внутри так и готовый прыгнуть со смеху) доказывает в «Европе и человечестве», что культура готтентотов ничуть не ниже европейской, или мазохистское сладострастие в живописании прелестей монгольского ига у всех поколений евразийцев — от Савицкого до Гумилева! Ругательски ругая Европу и превознося Азию, главные вожди «славянофилов эпохи футуризма» (Ф.А. Степун) проживали, однако, не где-нибудь в Урге, а в Парижах, Венах, Прагах... — есть в этом что-то жульническое. Но главное, конечно, в другом — нет никакой Евразии как единого историко-географического мира с какой-то выдуманной единой евразийской культурой, а есть русский народ и русская культура (*русская Европа*), объединившие в своих границах разнообразные европейские и азиатские народы. Не будет русского народа и русской культуры — возродится на контролируемых им пространствах «древний хаос» — вплоть до появления нового имперского хозяина. При невозможности восстановить бывшее Союзное пространство (как бы его не называть), евразийство в условиях Российской Федерации становится вольным или невольным орудием порабощения русского разрозненного большинства хорошо организованными автономными этнократиями, а также эффективным средством размывания основ русской культуры, которая только одна и может стать основой нормального национального государства.

Можно вспомнить и другие популярные русские мифы, обосновывающие наш «особый путь».

Концепт русских как молодого народа, призванного обновить человечество. Ему легко найти аналог, прежде всего в культуре Германии (например, у Ницше) и в культуре почти любой другой европейской страны (скажем, Румынии), вступающей (или пытающейся вступить) в большую политику. Или представление о русских крестьянах как о тихих, незлобивых, смиренных страстотерпцах, чуть ли не ангелах в человеческом обличи, вроде Платона Каратаева и мужика Марья. Почти так же накануне Великой революции воображали французских крестьян просвещенные аристократы Старого порядка, да и души немецких романтиков грел миф о добродетельном землепашце.

Как характерен был взрыв подлинной *руссофобии* (по-иному не назовешь) после 1917 года, запечатлённый в сочинениях и дневниках множества русских интеллектуалов (Булгакова, С. Веселовского, Ю. Готье, М. Меньшикова, В. Розанова...). Общий рефрен — никакой русский народ не богоносец, а быдло. А, может, дело в другом — в том, что интеллектуальная элита плохо выполняла свои

профессиональные обязанности и не смогла сделать адекватного, реалистичного описания своего народа. 1917 год — это подлинный Страшный суд над русской религиозной философией.

Среди прочих мифов об особом пути России выделяется идея о том, что предназначение русского народа в том, чтобы, жертвуя собой, спасти и обновлять, как минимум, Европу, как максимум, всё человечество. Идея вроде бы чрезвычайно благородная, но проповедующие её мыслители странным образом не задавались двумя вроде бы совершенно законными вопросами: 1) хотят ли действительно русские этим заниматься, в частности, 80 % неграмотных крестьян, не читавшие книжек, журналов и газет, где печатались подобные красноречивые призывы?; 2) желает ли Европа (и, тем более, всё человечество), чтобы их спасали / обновляли? Недаром вероятные объекты приложения русского альтруизма подозревали в нём скрытую волю к власти. Макс Шелер, скажем, следующим образом формулировал «русскую идею»: будь мне братом, а не то проломлю тебе голову.

Обычно считается, что безответственному мифотворчеству в русской мысли предавались исключительно славянофилы — в отличие от трезвых и рациональных западников. На самом же деле, самые вредоносные мифы о жертвенности во имя обновления мира как особом русском пути создали двое знаменитейших западников — Пётр Чаадаев и Владимир Соловьёв. Правда, это западники особые — религиозные, «латинофильствующие», реакционные. Да, без всякого эпатажа можно назвать их обоих самыми реакционными фигурами в истории русской мысли. Чаадаев, этот капризный и бесполоый эгоцентрик-маргинал, снедаемый непомерным и комичным тщеславием, преданный ученик Жозефа де Местра, мечтал о вселенской католической теократии, наиболее подходящим орудием осуществления которой он видел русский народ, якобы слишком великий, чтобы быть эгоистом. Соловьёв, эта причудливая смесь нигилиста-шестидесятника и гностика-александрийца, лелеял дантовскую мечту о всемирной христианской империи, гарантом коей должен быть союз римского первосвященника и русского императора. Естественно, выстроить такое монументальное сооружение можно на горбу только одного народа — русского, ибо он обладает уникальной способностью к самоотречению. Парадоксально, но оба этих воинствующих мракобеса стали чуть ли не самыми культовыми персонажами для отечественных либералов, что характеризует их весьма скандальным образом. Стоит заметить, что никто из славянофилов, даже Достоевский в Пушкинской речи, не заходил так далеко в мессианском пафосе. Что такое мечты Киреевского о христианизации русской жизни по степени

клерикализма в сравнении с чаадаевской программой осуществления Царства Божия на земле? Что такое славянский культурно-исторический тип Данилевского по степени внешнеполитического экспансионизма в сравнении с соловьевской хищной всемирной христианской империи? У славянофилов при всем их утопизме сохранилась какая-то непосредственная связь с почвой, Чаадаев же и Соловьёв были явно людьми не от земли, а откуда-то из мира духов, предполагаю, что вполне inferнальных.

В этом чаадаевско-соловьёвском смысле, миф об особом пути России давно уже изжит нашим обществом, может быть, за исключением кучки запоздало-романтических интеллектуалов, которых ничего не интересует, кроме собственных невротических грез. Все социологические опросы (присутствующие здесь специалисты не дадут мне соврать), да и сами общественные практики фиксируют почти нулевой уровень мессианских настроений среди русских, особенно молодых поколений. Они не хотят спасать или обновлять мир, они хотят наконец-то просто обустроить свой дом. Как, впрочем, и участвовать в арьергардных боях шестидесятников и семидесятников, будь они сталинисты или антисталинисты, красные или белые. Россия, будучи Европой запаздывающей, подошла вплотную к задаче создания нормального европейского национального государства, которого у неё никогда не было. Запад Европы стал цивилизацией национальных государств столетием раньше, Германия сделалась таковой только при Бисмарке. Так что русские сегодня нуждаются не в самоотречении во имя невысказанных мистических идеалов, а в здоровом национальном эгоизме и изоляционизме, в здоровой национальной демократии и либерализме. Но не вашингтонский консенсус и безграничный рынок, не кочевничество Жака Аттали им потребны, а просвещенный патриотизм барона фон Штейна и Вильгельма фон Гумбольдта, Макса Вебера и Конрада Аденауэра. Русским ещё рано в современную глобализирующуюся и постнационализирующуюся Европу, Европу мультикультурализма, эвтаназии и гей-парадов, они ещё для этого недостаточно состарились. Русские больше не хотят прыгать через этапы европейского развития, стараясь оказаться впереди планеты всей. Их романтическая молодость ушла, пришла трезвая зрелость.

В русской историософии нужны новые подходы, коррелирующие с современностью. «Национальный прагматизм», хотим ли мы этого или нет, не чья-то злостная «интеллектуальная диверсия», а веление времени. Поэтому и выходят на первый план «кровь», «власть», «деньги»... Кто знает, возможно, мы когда-нибудь вернемся к Хомякову или Лосскому, но пока для нас важнее Карл Шмитт и Пьер Бурдьё, а из наших, разве только Данилевский и Леонтьев в их самых безжа-

лостных и антиромантических пассажах... Русский ум сегодня напрасно бы старался «здорово мыслить о земле, в мистической купаться мгле» (Вяч. Иванов). Или — *здорово*, или — *мистическая мгла*, одно из двух.

Вообще же, отечественному логосу пора, наконец, проявить волю к диалектике. Слишком уж он любит упереться в одну полюбившуюся красивую схему и превратить её в чудотворную икону. Между тем, интеллектуальные конструкции так же текут и меняются, как и социум, *они не абсолютны, а конкретно-историчны*. Даже отвлечённая, «спекулятивная» философия — прямой продукт «быстротекущей жизни» (Платон был бы невозможен в Германии эпохи Просвещения, а Кант — в Элладе периода упадка античного полиса), что уж говорить о социально-политическом дискурсе, по определению обязанном отражать «здесь и сейчас». Поэтому не надо бояться смены идеологических парадигм. Главное, чтобы у нас не утрачивалось представление — *ради кого мы, собственно, мыслим*. Ради своего народа, какие бы новые метаморфозы с ним не происходили, *не так ли?*

Итак, с одной стороны, говорить об особом пути России вроде бы не приходится, а с другой, запаздывание Русской Европы и сегодня придаёт её развитию яркое, очевидное и, главное, *консервативно-благодетельное* своеобразие.

Ведущий

Спасибо за ваше яркое, эмоциональное выступление. Другую точку зрения представит Леонид Гозман.

Леонид Гозман

Хочу начать с краткого комментария по поводу того, что сказал профессор, открывший эту дискуссию. Я согласен с тем, что нельзя закрывать глаза на трагические и повторяющиеся неудачливые стагнации. Примеров этих неудач и примеров этого движения по кругу можно привести очень много, к сожалению. Вопрос в том, являются ли причины этих неудач принципиально непреодолимыми, вообще непреодолимыми или это что-то похожее на требование учета ландшафта или особенности почвы при строительстве здания, т. е., здание всё-таки можно построить, только надо понимать, где ты его строишь. Если это болото, то соответственно свай забивать и т. д. И это вопрос (это тоже комментарий к тому, что сказал Сергей Мирошенко) о свободе. В данном случае, свободе от исторической предопределённости. Да, диктатура, да, то земледелие, о котором было сказано, но ведь мы можем от этого освободиться? Мы можем действовать вопреки этой истории? Или мы обречены на её повторение?

Мне кажется, что это на самом деле и есть главный вопрос, потому что примеров того, как история России даёт основания для хождения по кругу, можно привести сколько угодно.

Особый путь, чем он может определяться? Мне кажется, тремя вещами. Есть три возможных причины. Одна причина — это замысел Творца, он так решил, он так задумал. Вторая — это географические, исторические, религиозные, культурологические, какие угодно, ментальные особенности нашей страны. И третья причина для особого пути — мы сами этого хотим. Это наш сознательный выбор. Мы хотим так, и поэтому мы так делаем. Вот по этим вариантам. Первый вариант, по-видимому, не подлежит обсуждению, есть люди, которым ведом замысел Господа, они его и знают. Часть из них пророки, большая часть — сумасшедшие, можно в это верить, можно не верить, лично мне замысел Господа не ведом, и я думаю, что даже если он существует, то вряд ли у него есть особые планы, особые задания к нашей стране. Не верится мне. В любом случае, здесь нечего обсуждать. Это постулат. Если человек считает, что Россия должна идти особым путём, потому что таково её божественное предначертание, значит с этим можно только соглашаться или не соглашаться. Я не соглашаюсь.

Вторая причина, которая может определять этот особый путь — это некоторые перманентно присущие нам особенности — географические, климатические, какие угодно. Можно, к примеру, говорить об особом пути Португалии, которая так необычно расположена. У них тоже особый путь. Если говорить всерьёз, то более важно представление об исторических, религиозных, культурных и, в конечном счёте, психологических особенностях России и её граждан, подданных, её населения и т. д. Вот в чём эта особенность. Есть некие декларации. Декларируется некая особая духовность русского человека, т. е. иное, чем на Западе. Кстати, обратите внимание, что противопоставление идёт всегда с Западом, не с Индией, например, или с Африкой. Иное, чем на Западе, соотношение духовных и материальных ценностей. У нас оно не такое, как у них там. Это коллективизм русского человека, это «недостижимость». Правда, доказательств нет. Есть постулаты. Духовный поиск всё-таки характерен не только для России, при всем уважении к нашей стране, там тоже кое-что люди писали — Сартр, Камю — были люди, которые тоже были в духовном поиске, а не только в материальном. Более того, они находили своих читателей, что очень важно. Ладно, написал автор, но читают люди, в Европе читают люди, думают об этом. Более того, наш Достоевский, который почти «наше всё», он, как мне кажется, более популярен на Западе, чем у нас. Точно не менее популярен. Наш Че-

хов является абсолютно нормативным для западных театров. Вообще для мировых театров. Вроде у них там духовность тоже есть. Волонтерская работа, коллективизм и так далее, она, как все присутствующие знают, на Западе развита точно не меньше, чем у нас, мне кажется, даже больше, возможно, я ошибаюсь. А наше коллективистское государство стояло на крови русских людей, которые этого коллективизма не хотели и были миллионами убиты в сопротивлении коллективизму. Главное — это есть эти особенности или нет. Может быть, они есть. Я не знаю.

Важно вот что: эти особенности диктуют, они настолько велики, что они диктуют особую организацию жизни, особое государство, особую политику. Например, везде выборы, а у нас — монархия или суверенная демократия. Или везде частная собственность, а у нас что-то такое другое, как сказал товарищ Зюганов (тоже крупный поборник особого пути), он сказал, что «землю нельзя продавать, потому что она божья». Более глубокого аргумента на политических дискуссиях я не слышал. Годится, она божья. Приняли. Она божья, её нельзя продавать. Тогда давайте посчитаем, сколько это будет стоить. Что будет стоить для страны отказ от института частной собственности, например. Какие будут последствия для сельского хозяйства, для экономики в целом, для градостроительства и так далее, и посчитаем, сколько это стоит. Понимаете, ведь на самом деле, если эти особенности не таковы, что нужно особую организацию жизни устраивать, тогда всё нестрашно, тогда всё нормально, это частная жизнь человека, он живет, как хочет, это его право. А если мы говорим, нет, особенности русского человека таковы, что нужно здесь делать что-то своё, не похожее на них, — вот это уже действительно серьёзный вопрос.

Кстати, спросите тысячу раз особенного, отличающегося от американского, русского человека, у которого в собственности есть пекарня, мастерская, у него под этим домиком земля божья или его? Он согласен её отдать, потому что она божья, или не согласен? Я думаю, он горло перегрызёт, но постарается её не отдавать. Потому что он знает, когда она божья — она ничья, значит, её у него отберут в любую секунду. Из того, что такое особый человек, масса делается выводов, и про собственность, да про что угодно. Только выборы пока не требуют отменять, но их делают ..., может быть, это и есть путь как раз к учёту особенностей русского человека. Не 4 года, а 6, не 6, а 12, я там не знаю, и так далее.

Смотрите, если отдельный человек может относиться к своей жизни, как хочет, и может работать так, как работали мужики у Распутина в «Прощании с Матёрой», или жить так, как Платон Каратаев, —

это его святое право, как хочет, так живёт. Но государство, даже государство таких людей, как Платон Каратаев, оно должно вести себя совершенно иначе, оно должно сделать так, чтобы ресурсы не кончились, оно должно сделать так, чтобы этот думающий о духовности человек не вынужден был ехать челноком в Турцию. Т. е., вот это государство, даже государство таких людей, должно быть организовано предельно рационально. Иначе никакой духовности просто не станет.

Мне кажется, что в основе представления об особом пути России лежит несколько вещей. Это, во-первых, недоверие к человеку. Недаром Ильин говорил, что после краткой советской власти понадобится национальная диктатура, цель которой — подготовка к нормальной жизни. Потому что демократия освобождает человека. Парадоксально получается то, что люди, которые декларируют коллективизм и другие замечательные свойства русского человека, в эти свойства не верят. Т. е., они думают, что они есть, но когда-нибудь потом их надо будет ещё сформировать, а для этого надо какое-то время людей водить по пустыне. Нам, тем, кто не верит в особый путь, часто говорят, что мы не ценим и не уважаем собственную страну. Это совершенно не так. Мне кажется, состояние несвободы для России неестественное, и наши действия направлены на приведение к естественному состоянию, и это не новая идея. Я хочу напомнить всем вам известную переписку Пушкина с декабристами, и в ответе говорилось: «И просвещённый наш народ сберётся под святое знамя». Просвещение: если людей освободить от темноты, от незнания, то, по мнению автора, они будут свободны, они будут реализовывать идеи свободы. Есть такая функция этой веры в особость. Вы знаете, мы же не первые особенные на Земле, мы же не первые такие духовные, наверное, и не последние. Во второй половине XIX столетия, после поражения Юга в гражданской войне с Севером, в США возникло интеллектуальное движение «Потерянные корни», и там говорилось совершенно замечательная вещь, что в ходе гражданской войны рабство отменили, это хорошо, конечно, это правильно, и южные интеллектуалы были за отмену рабства очень давно, как русское дворянство интеллигентное было за отмену крепостного права. Но вместе с рабством погиб дух Юга. Объяснить, что такое дух Юга, так же сложно, как объяснить, что такое соборность. Это практически без дефиниций.

Кстати, в это верят до сих пор. Вполне интеллигентные люди в университете штата Джорджия пытались мне это объяснить, но я как-то всё равно не понял. Дух Юга, он объясняется, например, так: мы — южане, мы не такие, как они на севере, мы духовные, мы ду-

маем о боге, мы можем до утра сидеть и говорить о боге, они там только работают и работают. Да, конечно, у них есть технологии, да, конечно, у них есть деньги, у них лучше оружие. Надо же было объяснить, почему они выиграли, а не мы. Но мы вот о боге говорим, а они нет, никогда. У нас человек человеку друг, у нас, если человек придёт, его примут, накромят, спать положат и так далее, а у них там все умирают в этих каменных джунглях и никто же воды не даст. Это удивительный совершенно текст, написанный 150 лет назад. Я когда читал, я был очень поражён: это точно как у нас. А зачем? Чтобы оправдать поражение, чтобы оправдать отсталость, потому что мы не потому проиграли, что мы хуже воевали, мы не потому проиграли, что мы дурнее оказались, мы проиграли, потому что мы лучше, мы духовнее. Мы вот такие чистые и духовные в столкновении с этим быдлом, янки. Конечно, мы проиграли — что может интеллигентный человек против хулигана уличного? Вот, что произошло. Вообще, вам ничего это не напоминает? Это же так похоже, так похоже.

И я тогда перехожу к третьему варианту. А может быть, особый путь — это потому что мы его просто хотим. Мы просто его хотим. В конце концов, наша страна как хочет, так и делает. Это наше право определять, куда мы хотим двигаться. На самом деле, варианты совершенно очевидны. Один вариант — это изоляционизм, но вряд ли он получится, скорее, это лидерское участие в блоке свободолюбивых народов Северной Кореи, Ирана и прочих наших традиционных союзников с неясной целью, с целью, не имеющей примеров, аналогов ни в нашей истории, ни в мировой истории, вообще нигде. Т. е., мы хотим построить некое справедливое общество. Кстати идея, попытка монополизации справедливости — мол, Запад живет по закону, а русский человек живет по справедливости — она совершенно не имеет под собой основания. Собственно говоря, что такое суд присяжных, который родился не у нас? Это суд улицы, это суд справедливости. Это вот люди говорят «перед богом и людьми», виновен или не виновен. Так вот, один вариант — это что-то такое неясное на самом деле, либо другой путь, такой универсалистский, в котором национально-культурные особенности, которые, безусловно, существуют, их глупо отрицать, играют роль некоего орнамента, а не базы.

Я не знаю, за кем больше сейчас голосов, это Левинсон знает всё. Это неважно. Если мы хотим универсалистского пути, то мы должны его добиваться, вне зависимости от того, какая у нас была история, и вне зависимости от того, что по этому поводу думает большинство населения. Мы отвечаем за собственные взгляды. И что очень характерно: люди, которые говорят об особом пути, духовности, мол, и не нужны нам эти материальные блага в таком количестве и так далее,

они обычно говорят о других, а не о себе. Их дети, если у них есть деньги для этого, учатся в Кембридже, если они очень богаты, они покупают недвижимость в Испании, во Франции. Как всегда, счастье строится для других, для плебса. А мы, идеологи, в другом мире должны жить. Мне кажется, что мы уже испытали в стране несколько раз, когда сверху строилось счастье для других. По-моему, достаточно.

Алексей Левинсон

Перед нами результаты двух опросов, разделённых восемью годами недавней истории России.

Таблица 6

Как вы полагаете, по какому историческому пути должна идти Россия?
(в % от числа опрошенных)

	2000	2008
По общему для современного мира пути европейской цивилизации	15	22
Вернуться на путь, которым двигался Советский Союз	18	11
Идти по своему собственному, особому пути	60	60
Затрудяюсь ответить	7	7

Можно отметить изменение соотношения между поддержкой символов российских «левых» и «правых». Людей, выбирающих формулировку с ключевыми словами «европейская цивилизация», стало в полтора раза больше, а выбирающих формулу с ключевыми словами «Советский Союз» — в полтора раза меньше. При этом обе позиции сохранили свою маргинальность по отношению к наиболее часто выбираемому варианту ответа. Для него ключевые слова — «особый путь».

Целый ряд других опросов, проведённых в последние годы Левада-центром, показал, что в сравнимых условиях опция со словами «особый путь» (для России) собирает поддержку абсолютного большинства (от 53 % до почти 70 %, в зависимости от контекста). «Миф», как кажется, налицо. При этом единого мнения о том, что такое «особый путь» в обществе, оказывается, нет. Вот какие толкования этому понятию предлагают россияне:

Таблица 7

Когда вы говорите об «особом пути» России, что вы, прежде всего, имеете в виду? (в % от числа отвечавших, 2008 г.)

1	Особая роль государства, которое заботится о народе, руководит им и обеспечивает его развитие	36
2	Различие ценностей и традиций России и Запада	33
3	Исторический путь трагических испытаний, страданий, породивший особый тип человека	23
4	Промежуточное положение России между Европой и Азией, евразийская цивилизация	21
5	Особая, ведущая роль государства в модернизации страны	18
6	Миссия, которая предназначена России в мире сегодня и в будущем	14
7	«Третий Рим», русская православная цивилизация	5
8	Другое	1
9	Затрудняюсь ответить	12

Ни один из предложенных исследователями вариантов рационального — исторического, культурологического или историософского — толкования такой категории, как «особый путь», не смог по своей интегрирующей силе даже близко сравниться с самим словосочетанием. Об этом говорят веса ответов в строках 1–5. Можно было бы предположить, что «особый путь» — формула, не предназначенная для рационального истолкования. Но с толкованиями мистического рода дело ещё хуже. (Строки 6, 7). Можно, наконец, предположить, что исследователи совершенно разошлись с народным пониманием особого пути. Но нижние строки таблицы опровергают такую гипотезу. Была сделана попытка предложить россиянам иной набор интерпретаций для той же пары слов.

Те примерно сорок процентов, которые не соглашались использовать формулу «особого пути», точно так же поступили и в этом исследовании. Но среди сторонников её использования мы снова увидели отсутствие единства в толкованиях. Даже самое значительное сгущение ответов (строка 1 — 34 %) выглядит искусственно собранным за счёт наличия трёх, если не больше, фокусов привлекательности в формулировке подсказа («развитие страны», «забота о лю-

дах» — со знаком плюс, интересы «хозяев жизни» — со знаком минус).

Таблица 8

Когда вы слышите об «особом российском пути», что, прежде всего, приходит вам на ум? (в % от числа опрошенных, 2008 г.)

1	Экономическое развитие страны, но с большей заботой о людях, а не о прибылях и интересах «хозяев жизни»	34
2	Несоответствие ценностей и традиций России и Запада	22
3	Учёт в политике духовной, моральной стороны отношений государства и граждан	18
4	Необходимость постоянно учитывать такие факторы, как враждебное окружение страны и угрозу нападения	9
5	Готовность к самопожертвованию граждан ради величия российского государства	7
6	Преобладание интересов власти над интересами населения	7
7	Не знаю, в чём собственно выражается «особый путь», ничего не приходит на ум	16
8	Ничего не слышал об этом	11
9	Не думаю, что российское развитие должно отличаться от развития других стран	9
10	Затруднились ответить	9

Словом, мы вынуждены снова констатировать отсутствие хорошего «перевода» интуитивно понятных слов об «особом пути».

Модернизационный дискурс «пути» рождался как способ отыскания своей идентичности для тех групп в российском обществе (конечно, не в нем одном), которые нашли себе место посредников между «властью» и «народом», «Россией» и «Западом». (Кавычки означают сконструированность этих категорий этими группами). Родившись и состоя на вооружении одной из таких групп, этот дискурс получил статус доминантного, властного тогда, когда одной из таких групп досталась абсолютная власть в стране. Видеть если не себя, то свою родину в непрерывном движении и притом в соревновании с другими

странами, в перспективе — непременно опережающей, но в каждый данный момент — среди догоняющих, т. е. отстающих, измерять свой успех/неуспех дистанцией до лидера — этому стали учить просто всех. И, как мы увидим, результаты этой индоктринации налицо. Правда, при освоении массовым сознанием идея движения и идея достижения оказались, как мы покажем далее, разорванными. В целом виде миф представлен только в зонах, непосредственно контролируемых властью.

Можно вспомнить, что картину движения все эти годы она рисовала всегда как движение, возглавленное ею и только ею. Словесные метафоры переходили в изобразительные. На плакатах люди шли под знаменами и с вождями впереди. Векторность всего изображения была несомненной. По праздникам она подтверждалась драматизацией/реализацией метафоры исторического движения, т. н. «демонстрацией», т. е. шествием в каждом городе, если не с вождями, то с портретами вождей впереди.

Миф прижился, но частями. Вот одна из компонент мифа, а именно — динамическая картина истории, истории как движения, как «пути» в смысле «шествия». Она принята нашим обществом.

Это подтверждается тем, что один из самых точных индикаторов, используемых в ежемесячных опросах Левада-центра — это вопрос, которым обычно открывается ежемесячный вопросник: *Как Вы считаете, дела в стране идут сегодня в целом в правильном направлении, или Вам кажется, что страна движется по неверному пути?*

В регулярных изданиях Левада-центра можно найти в визуализированной форме результаты измерений за много лет и убедиться в чувствительности этого индикатора. Оценивать своё собственное представление о происходящем в стране через оценку правильности/неправильности её пути оказалось для россиян очень легко. В ноябре 2008 г. затруднившихся ответить на этот вопрос было чуть более 20 %. 30 % нашли путь неверным, около половины — правильным. Сомнений в том, что страна «движется» (или что «Россия идёт») куда-то, нет почти ни у кого. Все сомнения, если они есть — по поводу направления.

Усилия модернизаторов по внедрению образа движения, как видим, увенчались успехом. Россия, значит, «идёт»; идёт по «пути». Верным или неверным считать нынешнее движение страны, это российские граждане, которых опрашивают интервьюеры Левада-центра, без колебаний полагают своей прерогативой. Повторим — 80 % с готовностью дают свои оценки пути. Индикатор чувствителен потому, что общественность оперативно меняет свои оценки: одними и теми

же социальными группами — в зависимости от их социального самочувствия путь признаётся в разных пропорциях верным и неверным. Но в данном случае, подчеркнем, этот путь, определяется в категориях верный/неверный, а не в категориях особый/всеобщий.

Другое понимание пути оказывается отоброизовано в ситуации, когда респонденту предлагают оценить движение России не изнутри, а, встав на позиции внешнего наблюдателя, каковым по диспозиции в модернизаторском дискурсе является «Запад». Повторим, все россияне знают, что правильным, отвечающим условиям игры ответом здесь будет признание отставания, отсталости собственной страны, (хотя и с перспективой неременной победы в неопределённом будущем). Некоторые признают эти правила, некоторые признают их в «перевёрнутом» виде. Интереснее всего видеть, как массовое сознание уходит от этого признания, и как в этом помогает «особый путь».

Таблица 9

С каким из следующих суждений вы в большей мере согласны?
(в % от числа опрошенных)

	2000	2008
Россия отстала в развитии от большинства передовых стран	50	35
Россия всегда была в числе первых и не уступит этой роли	10	17
Россия развивается по особому, своему пути, и её нельзя сравнивать с другими странами	34	41
Затрудняюсь ответить	6	7

Динамика показателей — не главное в этом примере, но примем и её во внимание. Вначале отставание страны признавала половина этой страны, теперь соглашается на это только треть. Часть прикинула к тем, кто защищает себя мыслью о собственном превосходстве над всеми. (Это можно считать «вставанием с колен»). Но главное, на что мы хотим здесь указать — это на превращение в (относительное) большинство тех, кто отказывается от сравнения своей страны с другими. Нам кажется очень важным, что в формулировке подсказа присутствует запрет: «Нельзя сравнивать»! Ключевой элемент описанного модернизаторского видения истории как состязания здесь отменяется. Вместо него вводится, наоборот, этот запрет и вводится хранящийся в массовом сознании на этот случай образ «особого пути». «Путь» оказывается действительно вполне особый.

Всмотримся в саму формулу «особый путь». Тот факт, что около двух третей россиян совершают выбор в её пользу, позволяет считать это словосочетание устойчивым элементом культуры. В данном случае мы скажем: народной культуры. Этим уточнением мы указываем на то, что будем искать аналоги либо прототипы этой формулы в арсенале отечественного фольклора. В данном случае представляют интерес такие жанры, как волшебная сказка и былина. Былина по своей модальности родственна эпосу. А мы (на основании того, что позволил узнать ряд качественных исследований) можем утверждать, что понятие «особый путь» уже тем привлекательнее для россиян, нежели другие предложения в подсказах к вопросам, что отсылает к эпическому дискурсу (а не экономическому, социологическому, историографическому и пр.)

Былина использует материал волшебной сказки, переводя его в свой эпический жанр, давая ему собственную эпическую нагрузку. Это, в частности, происходит с такой важной категорией, как путь. Из разысканий фольклористов известно, что путь — один из неизменных элементов сказочного сюжета. Путь в сказке обладает весьма специфическими свойствами, это воистину — особый путь. Он всегда далёкий, но измеряется странной мерой «долго ли, коротко ли...», т. е. отказом в отчёте о времени. Он служит временной метафорой расстояния и пространственной метафорой времени — вместе. Напрашивается вывод, что это — синтетический концепт пространства-времени. Это так, только если согласиться, что это синтез не-пространства с не-временем. Путь — состояние пребывания (в этом смысле — небытия) героя. Оно не подлежит описанию. Оно не подлежит оценке. В этом одна из его особенностей, его особость.

Особый путь России — это не путь, ведущий откуда-то и куда-то (в этом его отличие от верного/неверного пути). Это не движение, а пребывание. Заявив это, респондент, так сказать, снимает свою страну с соревнований и избавляет её от унижения проигрышем и отставанием. Это, если угодно, массовое требование «суверенности». Не путать с суверенитетом, то есть, самостоятельностью. Ей модернизаторы не научили.

Ведущий

Вы знаете, меня очень тревожит вот этот комплекс неполноценности, который развит в нашем обществе. Это неверие, на самом деле, в Россию. Постоянные заклинания о том, что у нас есть особый путь, мы особые, мы не такие. Что советская идеология много десятилетий внушала нашему обществу? Мы укажем путь, мы освободим человечество! Мы живём в нищете, мы испытываем невероятные страда-

ния, но мы страдаем не зря — мы знаем что-то, чего не знает всё человечество. И мы откроем ему этот путь. Результат известен. Но всё это, с моей точки зрения, не умерло, живо и сейчас и питает все эти фобии. Фобии любые: китайцы придут и завоюют нас, в Москве всё заполонили «черные». Это настолько распространено, что просто удивительно. Фобии живы и, к сожалению, всё больше и больше захлестывают наше общество. И пока мы здесь сидим и рассуждаем об особом или не особом пути России, что-то за пределами нашего общества происходит и происходит, мне кажется, не очень хорошее. Теперь, пожалуйста, вопросы, выступления.

София Марголина

В век глобализации представление об «особом пути» обрело особую привлекательность. Под впечатлением азиатского бума универсальные ценности стали восприниматься как партикулярные западные ценности, в то время как, скажем, азиатские или исламские ценности, как это в своё время озвучил президент Малайзии, имеют целый ряд преимуществ и лучше работают в ином цивилизационном контексте. Семейные, общинные ценности важнее ценностей индивидуализма и вседозволенности, и не стоит их навязывать другим культурам. Представление об «особом пути» получает, таким образом, культурную легитимацию.

Поскольку эти культуры демонстрируют успешную модернизацию, они тем самым доказывают, что есть различные пути к современности, и демократия не лучше авторитаризма. Таким образом, единственным критерием оказывается **успех**.

Понятно, что смысл *особого пути* утрачивается, если он не приводит к «успеху», который выражается в экономическом росте, возникновении широкого среднего класса, улучшении человеческого капитала и, главное, глобальной конкурентоспособности.

На самом деле, нам не дано знать, к чему приведёт авторитарная модернизация, какие ловушки возникнут на пути прогресса. На Западе считается, что главная ловушка — это, в первую очередь, сам авторитаризм. Но ведь Китай, бывший великой цивилизацией, когда по Европе бродили германские племена, остановился в своём развитии не из-за авторитаризма.

Вряд ли ещё десять лет назад многие задумывались над возможностью исторического кризиса демократий, проще говоря, Запада, относительного ослабления демократической модели и роста привлекательности авторитарной модернизации, особенно в её китайском варианте. Мы видели, что происходило с Рах амегана, и понятно, что относить системные ошибки только на счёт администрации Буша

и самого незадачливого президента было бы слишком близоруко. Скорее, они манифестировали завершение послевоенной конфигурации и кризис демократической империи. Шпенглер со своим «Закатом Европы» сегодня уже не кажется таким анахроничным.

Сигнал, посланный миру из Америки, был катастрофичным для сторонников демократии в мире. В большинстве авторитарных и развивающихся стран недостает собственного модернизационного потенциала. Модернизационные элиты этих стран традиционно обращались к Западу как нормативному образцу, черпали свою легитимность из универсальных принципов, хранителем которых выступал Запад. Но после 2001 г. Запад стал утрачивать свою нравственную легитимность. Двойная мораль, оруэлловские конструкции всё больше отталкивали от себя развивающиеся страны.

Моральное поражение Запада создало ситуацию ценностного релятивизма, когда всё позволено. «Если Бога нет, то какой же я капитан?». Идеально-типическая конструкция Запада и была таким Богом, оказавшимся падшим ангелом. Оппозиции позволено продаваться властям за гламур, плевать на избирателей. Возникла атмосфера цинизма, весьма выгодная властям.

Тем более что бурный экономический рост автократий и псевдодемократий, их **успех**, позволил авторитарным элитам обрести дополнительную легитимность. Модернизация, заявляют они, не связана с демократизацией. Напротив, её гораздо проще провести в ручном режиме, без участия длительных процедур согласования, без политической конкуренции и тому подобных демократических заморочек.

В самой Европе представление об «особом пути» нагружено чрезвычайно негативно. Это понятие описывает немецкое развитие, при котором техническая революция и просвещение не сопровождалась политической модернизацией. Хельмут Плесснер назвал Германию «запоздавшей нацией» (1959). Её особый путь — это отпадение от европейской цивилизации, война и гибель. Эта нормативно-демократическая точка зрения, возникшая при осмыслении тоталитаризма, не представляется бесспорной. На самом деле пути классических демократий — Англии и Франции — тоже были особыми путями. Это видно даже по различиям философского и научного языков. До революции Франция была более авторитарной, чем немецкие княжества, а по сравнению с французскими аристократами немецкие юнкеры были просто демократами чистой воды. Безусловно, раздробленная Германия отстала от мощных соседей и выработала компенсаторные реакции, главным образом в виде культурного национализма. Но в Германии сложились очень рано чрезвычайно прогрессивные институты: правовое государство, самоуправление. В конце XIX века Германией восхищались и её боялись так же, как сегодня Китая.

Тот *особый путь*, на который претендует сегодняшняя Россия, раньше назывался «русская идея». «Русская идея» тоже возникла в своё время как компенсаторная реакция на цивилизационное превосходство Запада и даже просто пересажена с немецкой почвы славянофилами. Но, как всякий национализм первой свежести, она несла какую-то новизну, так как была обещанием великого будущего, имперской вселенскости. Она связана с такими крупными именами как Владимир Соловьёв, Достоевский, Бердяев. Поэтому не очень понятно, зачем эту исторически сложившуюся традицию российского имперского национализма теперешние пиарщики заменили бесцветной калькой с немецкого.

Как уже было отмечено, особость пути в глобальном контексте — это, скорее, норма. По крайней мере, если есть положительные результаты. Если бы Малайзия не демонстрировала успехов, вряд ли её образованный президент стал бы меряться ценностями с Западом. В России же закрепление этой формулы связано с неудачей демократических реформ и реваншем советских институтов. Поэтому особый путь, который якобы отвечает особым русским ценностям, — это шифр для оправдания неудачи. Ну, не получилось. «Хотели как лучше, а получилось как всегда». «Как всегда» возводится в ранг традиции: от Грозного до Путина. А тут ещё нефтяное изобилие позволило улучшить положение населения и вызвало в элите кесонную болезнь. Началась эйфория. Неудача была замылена потребительским бумом, правда, ненадолго.

У Путина есть другое определение особого пути. В ответ на разговоры о глубокой интеграции России в Европу, он не ответил отказом, а, напротив, согласился: «Всё, кроме институтов». Так как институты являются овецищенными ценностями, то имеется в виду «всё, кроме европейских ценностей», т. е. предполагается, что возможна технократическая интеграция на основе партикулярных интересов. Мы видели, что это не получилось. Несмотря на то, что Европе приходится поступаться принципами и проводить реальную политику, она не может пойти на подмену ценностей голыми интересами, поскольку это противоречит, простите за тавтологию, её ценностям и несовместимо с институтами. Формула Путина — это легитимация нынешней власти и нынешнего состояния общества, больше никакого содержания в ней не просматривается. По сути, *особый путь* — это не достижение цели другими средствами, но отсутствие цели, отказ от модернизации.

В контексте всемирного экономического кризиса и глобальной взаимозависимости можно быстро сбиться с особого пути. Хотя надо сказать, что перл Виктора Черномырдина — это такой гениальный

софизм, что и конец сладкой жизни можно с успехом привести к его формуле. Тогда неудача не будет отличаться от успеха, как сказал поэт, «пораженья от побед».

В Русском музее проводилась выставка «Дорога в русском искусстве». Во многих пейзажах дороги, точнее колеи, проходят по широкому пространству до горизонта, не достигая цели. Вопрос «куда идти?» бессмыслен. Особый путь — это та историческая колея, из которой России пока не удалось выбраться. Но мир меняется очень быстро, и неизвестно, как долго можно будет продолжать движение по раздолбанной колее особого пути и удастся ли современным Чичиковым доехать на раздолбанной телеге до Москвы.

Можно с пониманием относиться к историческим трудностям и тому тяжелому наследию, которые в очередной раз не позволили стране вступить на другой путь. Но гордиться этим «как всегда» и предлагать в XXI веке *особый путь* в качестве национальной идеологии может только законченный циник.

Константин Эггерт

Дискуссия об отсутствии или наличии особого пути сегодня — это не только и не столько философская дискуссия. Она, возможно, такой была, когда славянофилы беседовали с западниками где-то там, на верандах помещичьих усадеб. Но всё это кончилось в 1917 году. И сегодня, надо это прямо признать, в современном российском обществе это вопрос политический. И уже только во вторую очередь — это вопрос философский, какой угодно. Другое дело, что этот политический вопрос, на мой взгляд, невозможно решить без опоры на определённую историю, на создание некоего протяжённого исторического нарратива, который будет как-то помогать разрешить эту проблему. И в политическом плане этот вопрос вполне понятен. Действительно, речь идёт о сравнении с Западом, грубо говоря, очень просто: способен ли народ России применить у себя основные демократические принципы? В какой форме — это уже другой вопрос. Будет ли это больше монархии, больше республики, парламент одно- или двухпалатным, как будут относиться к политикам масс-медиа, будет ли это федеративное или унитарное государство — всё это можно обсуждать. Но политически это всё-таки вопрос возможности или невозможности в России демократического устройства.

И сегодня, как мне кажется, политическая элита, я бы больше сказал, образованное сословие, в значительной степени чудовищно нерешительна. Одна её часть — потому что, возможно, лишится власти и привилегий, если вдруг даст положительный ответ на этот вопрос, другая часть — потому, что она абсолютно дезориентирована

вместе с народом России. То, что говорилось на предыдущей сессии по поводу Сталина и по поводу восприятия истории, давайте говорить честно, речь идёт о восприятии, прежде всего, советской истории, потому что это то, что помнит большая часть населения. Более того, помнит она в основном относительно вегетарианские брежневские, хрущёвские времена. И проблема здесь вот в чём. В том, что по выражению английского историка Криса Белами, который написал очень комплиментарную для Советской армии историю Великой Отечественной войны под названием «Absolute War» («Абсолютная война») в прошлом году. Он использовал такое сравнение: современная Россия — это шофёр, который едет в машине, где зеркало заднего обзора больше, чем ветровое стекло. И в этом смысле, мне кажется, дискуссия об особом пути постоянно возвращается к теме, собственно, исторического наследия.

Тема исторического наследия, как было замечено, крутится в основном, вокруг Второй мировой войны, потому что если её убрать, то придется признать, что 75 лет советского периода просто нужно выбросить в помойку и сказать: «До свидания». И в этом смысле России труднее, чем Эстонии или Польше. Там в 75-м году можно было найти бодренького дедушку, который рассказывал, как жили при другой Эстонии. Она, может быть, была не очень хорошая, может быть, была плохая, но она была другая, она отличалась от Советского Союза. У российского народа такой возможности не было и, мне кажется, что проблема обсуждения общей истории и создания вменяемого нарратива, который будет принят большинством общества, — это гигантская задача для общества. Здесь есть ещё один момент. Как-то почти не употреблялись во время дискуссии слова «мораль», «нравственность» и т. д. Мне кажется, что все эти предложения особого пути, особенно те, которые базируются на обосновании авторитаризма, они абсолютно лишены морального основания. Люди об этом как-то не говорят. Всё обосновывается какой-то необходимостью, целесообразностью и т. д. Мне кажется, вот этот аморализм, он чудовищно разлагает и без того дезориентированное общество, которое сегодня является одним из самых индивидуалистических обществ планеты. Америка — это большой колхоз по сравнению с сегодняшней Россией, если брать российское общество с улицы, а не нас с вами, которые ходят по одним и тем же конференц-залам и аудиториям.

И, мне кажется, это очень важный момент возвращения нормальных, возможно, практически воссоздания с нуля, нравственных ориентиров. Здесь атаки части либерального сообщества на традиционные институты типа церкви мне кажутся не очень продуктивными для национального согласия, потому что, в конце концов, та же церковь болеет теми же болезнями, что и всё общество.

И последнее, что бы я хотел сказать. Господин Сергеев, мне было очень интересно услышать, что в своём выступлении Вы практически процитировали английского историка Джеффри Хоскинга, который (тоже в прошлом году, может, в позапрошлом) опубликовал книгу под названием «Правители и жертвы. Жизнь русских при Советском Союзе». В том числе он говорит об этнических русских. (Сергеев: Я читал Хоскинга, только другую книгу, о романовской империи). Он пишет, что Советский Союз, который все знают, как свою историю, был, с одной стороны, государством россиян или русских, с другой, он был одновременно антирусским, антироссийским государством. И поэтому расставание с ним такое трудное. И интересен, как считает Хоскинг, именно тот факт, что сегодня российский народ находится в процессе начала построения национального государства. И этот процесс будет очень долгим. Важно преодоление через позитивное строительство государства, которому образованные классы должны дать некое целеполагание, не подарить национальную идею, но дать некий позитивный ориентир. Тогда только это странное зеркало заднего обзора уберется, появится ветровое стекло. Тогда только, наверное, история страны пойдет по какому-то нормальному пути, но здесь очень важно первое — это положительный идеал, с одной стороны, и, с другой стороны — беспощадность к самому себе, потому что комплекс жертвы мешает двигаться вперед.

Андрей Мартынов

Маленькое уточнение к словам Сергея. Славянофилы и западники одинаково укоренены в европейской философии и культуре. По справедливому замечанию историка философии Анджее Валицкого, славянофильство основывалось на философии консервативного романтизма, а западничество — на гегельянстве. Так что наш спор неославянофилов и неозападников по сути саморефлексия Европы.

Также славянофилы не отрицали необходимости вестернизации России. Просто они не считали нужным механически копировать методы её реализации. Также некоторые из них не видели необходимости в ряде западных институций (в первую очередь, демократиях парламентского типа).

Григорий Померанц

В рассуждениях потеряно одно очень важное измерение. Мы живем в век глобализации. Исчезла изолированность культурных миров, в которых они жили веками и тысячелетиями. Запад, Ближний Восток — мир ислама, южно-азиатский мир с центром в Индии и Дальний Восток с его иероглифами. Они все обладали своим джентльменским

набором признаков вплоть до особого шрифта. Всё это начинает сейчас становиться одним хозяйством, причём этому процессу не хватает духовного измерения, единого духа у этого нового экономически-электронного целого нет. И поэтому процесс глобализации вызывает национальное сопротивление, потому что в национальных формах какой-то духовный отпечаток был. А в новых формах глобальных мы ещё этого нового измерения не сумели развить. И проблему, которую сегодня мы обсуждали, надо обсуждать на фоне этой проблемы. Если Россия не хочет быть на уровне Замбии, то она должна как-то участвовать в этом процессе и решать какие-то глобальные проблемы, в том числе и духовные. Каждая страна должна участвовать в этом процессе, иначе она может оказаться за бортом мирового процесса.

Алла Гербер

Почему, если мы вступаем в этот глобальный мир, в эту общую систему жизни, почему это обязательно прихожая, почему дальние огороды, почему заранее себя обрекать на какую-то роль на задворках? Я согласна, что все эти бесконечные разговоры о своём пути — это типичнейший комплекс неполноценности. Самое простое, когда под рукой более лёгкие и более очевидные способы жизни, я имею в виду наше государство. Я не буду перечислять всё то, что сейчас происходит, но оправдание этому — именно свой путь. Конечно, демократия — это долгая, трудная, интеллектуальная работа, к которой действительно должна подключиться вся элита нашего общества, если она ещё существует. Я не отказываю власти в интеллекте, но она говорит, что народ не созрел для демократии. Да народ уже потянулся к демократии, и это было в девяностые. Только это очень быстро задавили. Испугались того, чему народ ещё не давал никакого повода. Наоборот, он уже был готов, но его отшвырнули обратно. Поэтому, мне кажется, свой путь — это именно слабость, комплекс неполноценности. И чем быстрее мы поймем, что мы сильны, что мы понимаем, что свой путь — это слабость, тем быстрее мы станем действительно сильными.

Сергей Ковалёв

Вопрос к сторонникам особого пути. Один вопрос был задан уже господином Левинсоном: путь откуда и куда? Напрашивается ещё один вопрос: а в чём конкретно особенность пути? Раз он особый, надо его охарактеризовать. В самом деле, это отказ от демократии или, может, что-то другое? Будьте любезны, поясните, пожалуйста, я не понял.

Сергей Сергеев

Мне придется тогда повторить весь свой доклад. По-моему, я всё сказал. Извините, я не понял вопроса.

Мира Бергельсон

У меня возник вопрос идеологический. Вот миф. Когда мы заговорили о мифе «у России особый путь», мы плавно съехали на политический аспект этого мифа, и Константин про это сказал. Но очень важной составляющей, может быть, даже подлежащей политическому толкованию является культурная составляющая этого мифа, о которой вообще шла речь у основных докладчиков. Тут я бы сказала, что не замечать некоторых вещей — это неправильно. Бинарные оппозиции, это действительно давно изжитые в интеллектуальном мире и научной парадигме представления о том, как устроены вещи: чем сложнее вещи, тем труднее их представить бинарными. Помимо того, что есть особый путь или не особый путь, мы можем говорить о культурных противопоставлениях, лежащих в основе того, что нами понимается как комплекс неполноценности, откуда-то взявшийся у российского сознания; эти представления существуют как целые кластеры признаков. И тогда вопрос ставится именно так, как он был сформулирован господином Гозманом, а именно: существуют ли те кластеры, которые на самом деле отличают некоторые особенности российской культурной истории (отрицать эти особенности так же смешно, как говорить, что при равенстве возможностей мужчина и женщина биологически, физиологически устроены одинаково). Так вот, если мы всё-таки признаем наличие каких-то культурных кластеров, которые как-то отличают эти две цивилизации, то тогда вопрос ставится так: настолько ли они значительны, чтоб на что-то влиять?

Хочу обратить внимание уважаемой аудитории только на один факт: на коммуникативные аспекты взаимодействий, причём как на межличностном уровне, так и на уровне политическом. Одним из постулатов коммуникации является то, что она на огромное число процентов, в подавляющем своём большинстве определяется культурными установками. И вот эти-то культурные установки могут быть и, по сути, являются различными.

Карл Аймермахер

Я лично хочу присоединиться вот к этому выступлению и удивляюсь, что хотя мы в первой части этой дискуссии уже говорили о слишком абстрактных понятиях и фразах, это продолжается. Но особенный путь, что это такое? Имеется в виду общественно-политический путь? А что это на самом деле? Мы должны побольше комментировать,

что мы имеем в виду, поэтому идея кластер-признаков, конечно, очень важная Я, например, сотрудничаю уже 30 лет с российскими коллегами в области филологии, истории и в других областях, и каких-то особенностей я не вижу между нами.

Максим Шевченко

Знаете, про особый путь господин Ковалев очень хороший вопрос задал. У меня там дальше будет доклад, а сейчас кратко попытаюсь ответить на этот вопрос.

Мне кажется, что, конечно же, особый путь России коренится в её истории, в том числе в истории её культуры и в истории её социального развития. При внимательном изучении этих социальных групп, которые оказывали влияние в разные периоды российской истории на формирование её мироощущения как исторического субъекта, мы, конечно, видим совершенно уникальные социальные группы, которые породили совершенно уникальные представления, допустим, о социальной этике. Я могу привести три, условно говоря, вещи. Уж если мы против бинарной системы, давайте будем так по-марксистски говорить о трёх источниках русского особого пути. Я бы говорил об особой социальной этике, народной этике справедливости, которая, в частности, была сформулирована в учении Толстого и в учении народников в достаточно серьёзной степени. Это уникальное понимание социальной этики, социальной справедливости и устройства общества, которое не коррелируется напрямую с западным представлением о демократии и о свободе как праве личности, как сказано в американской конституции, на счастье. В своём логическом развитии западные представления о свободе приводят к видению человека как единицы рынка.

Сегодня на Западе человек понимается через его покупательную способность. Для русского традиционного культурного взгляда это является чуждым. Второе — это, конечно, русская теодицея. Учение о зле, о социальном зле, о зле, растворенном в мире, которое было сформулировано Достоевским, Солженицын на это указывал неоднократно. Система зла, с которой надо мириться, — это тема сложнейших философских вопросов, которых я не хотел бы сейчас кратко касаться, это тема особых конференций. И третье — это, конечно, внутреннее психическое состояние, которое также в русской культуре и в русском социальном мире ведет своё начало, допустим, от культуры нестяжателей, от культуры внутреннего делания, от культуры Нила Сорского. Опять-таки уход из социального пространства, производство внутренней психической этики. Это просто три точки, которые позволяют нам говорить об особом культурном, социальном и политическом пути русского народа, а стало быть, и России.

Борис Дубин

Я, в сущности, хочу немного акцентировать моменты в выступлении моего коллеги Алексея Левинсона. К вопросу о пути, и второе — к вопросу об особенностях. Что было показано на тех данных, которые были предъявлены? Это не путь, это граница. Граница, отделяющая «нас» от «них». Она не должна никуда вести, она должна отделять. В этом состоит её функциональное значение. И второе. Второй значимый признак — это особая роль государства, которое во главе угла, которое ведет, если хочет, а если не хочет — не ведет, но вокруг которого «мы», так или иначе, объединяемся. Других сил в этом смысле нет. Какова цена таких представлений? Об этом в двух, но очень ярких словах сказал Константин Эггерт: неуниверсальность, а стало быть — неморальность. Постолюку, поскольку специальной русской морали, так же как русской науки или русского метра, не существует, они или есть универсальные, или нет никаких. Тогда извольте жить там, где живёте, и не суйтесь туда, куда не можете. Третье. Может быть (я даже думаю, что так оно и есть), что вот эта демаркация — здесь «мы», а там «они» — связана с тем, что, вообще-то говоря, вызов современности, «модерна» не принят Россией. И особый путь России состоит в том, что страна, люди в ней не хотят признать свою отсталость, потому что иначе пришлось бы: а) конкурировать, а мы способны? б) быть солидарными, а не только заложниками, в) быть самостоятельными, а не только отделенными границей. Иначе говоря, это потребовало бы совершенно другой морали. А поскольку к этому нет готовности, нет охоты, нет сил, тогда остаётся превращать свои беды в добродетели и говорить о нестяжательности, о духовности, о какой-то особой русской морали и тому прочим пустышкам.

Сергей Сергеев

Я хотел бы напомнить, почему здесь звучала фраза «почему отшвырнули Россию от демократии?», как это произошло. Давайте вспомним, в чём главная катастрофа нашего демократического развития — в разведении по разные стороны баррикад национального и демократического. С чего всё началось в конце 80-х годов? Разделились на патриотов и демократов. Как может быть демократия не национальной? Здесь либералы могли бы и вспомнить, с чем они пришли тогда: с Россией-сухой и тысячелетней рабой, и с расстрелом парламента — это что, не уничтожение демократии, да?

Леонид Гозман

Я думаю, что реализация того, что называют особым путём, — это катастрофа для нашей страны. Это катастрофа политическая, эко-

номическая и моральная. Я думаю, что идея особого пути противоречит на самом деле гуманистическим основам русской цивилизации, противоречит, между прочим, христианским идеям. Сказано: нет ни эллина, ни иудея. И подчёркивание, гипертрофирование различий меду людьми — вещь, этой цивилизации противоречащая очень сильно. Нам говорят, что мы обречены на эту неудачу, настолько обречены, что мы должны считать эту неудачу успехом. Считать удачей, единственно соответствующей нашей истории, нашему менталитету. Нам говорят избавиться, освободиться от нашей истории, исторических предопределённостей нельзя. Я предлагаю во всё это не верить, прежде всего.

Алексей Левинсон

Хочу предложить напоследок совершенно другой поворот этой темы. Распад Советского Союза наметил две очень ясные траектории. Одной траекторией пошли прибалтийские государства (её комментировать не надо, ясно, куда она ведёт), другой траекторией пошли государства Центральной Азии (Таджикистан, Туркмения и т. д.), тоже более чем определённая политическая версия. И осталось несколько стран, из них, естественно, самая крупная — наша, которые пока осциллируют между этими двумя вариантами. Быть может, особый путь России состоит в том, что внутри этой дилеммы выбор ещё не совершён. Присутствующим предлагается положить свой голос на одну или другую сторону. Боюсь, что третьего пути нет.

Четвёртое заседание

Миф

«ЗАПАД»

Ведущий

Борис Райтшустер

Что такое Запад? Когда я 20 лет назад в первый раз приехал в Россию, у всех, кто меня встречал, было ощущение, что я из какого-то рая, что там всё прекрасно. Когда в гости ко мне приехали из Советского Союза, они сначала не верили, что это супермаркеты, они думали, что для них специально готовили, покажи нам, говорят, нормальный супермаркет. Они с трудом привыкали. Я им всегда с трудом объяснял, что не всё так хорошо на Западе, как они думают. Я им говорил: «Понимаете, социальная несправедливость, понимаете, сколько за это приходится работать, у нас безработица». Они это слышать не хотели, они думали, Запад — это рай. Теперь, 20 лет спустя, всё время слышу: «У вас всё ещё хуже, не рассказывай нам, что у вас нет коррупции, это всё бред, у вас политики все коррумпированы хуже, чем у нас, у вас такая справедливость, у вас бездуховность». И я опять говорю: нет, нет, всё по-другому. Я полюбил одну фразу. Может, вы читали Дюрренматта, «Геркулес и Авгиевы конюшни». Я всегда говорю, что этот навоз, о котором вы говорите, — коррупция, что люди у власти хотят больше власти, хотят вседозволенности. Этот навоз в нашем обществе есть так же, как в вашем, но у нас его не объявили святой землей, у нас с этим борются, и поэтому есть какое-то равновесие, а у вас — это особый путь, навоз не чистится.

Теперь вступительное слово к нашему последнему заседанию профессора Марка Урнова.

Марк Урнов

Дамы и господа, мы переходим к самой важной части нашей дискуссии. Из всех четырёх обсуждаемых здесь мифов, миф «Запад» для нашего культурного и политического сознания — и массового, и элитарного — играет, как мне кажется, самую важную роль. Дело в том, что и миф «Умом Россию не понять», и миф «Сталин», и миф «У Рос-

сии особый путь» базируются на мифе «Запад», да и попросту не мыслимы без него.

Миф «Запад» постоянно живет с нами. С точки зрения содержания, он противоречив, потому что включает в себя целый ряд взаимоисключающих конструкций, или «подмифов»: «Запад — это рай», «Запад — это ад», «Запад — это враг», «Запад — это друг» и т. д. Эти конструкции сосуществуют, периодически вытесняя одна другую на периферию сознания, но вытеснить до конца не могут. Так что в массовом и элитарном сознании каждую из этих конструкций всегда можно обнаружить. Мне представляется, что структура мифа «Запад» так или иначе, задает нам, живущим в России, структуру восприятия самих себя. Базовые элементы нашего культурного и политического мирозерцания зависят от того, что мы думаем и как мы думаем по поводу Запада. Здесь совершенно справедливо говорилось, что существуют люди, утверждающие, что нам надо равняться на Запад, существуют люди, которые говорят, что мы от него отстали или что мы его перегнали, а есть люди, которые говорят, что просто не надо сравнивать. Странники тезиса «просто не надо сравнивать» очень разнообразны. Есть люди, искренне и бескорыстно не желающие сопоставлять Россию и Запад по единой шкале. Я помню, как в начале 80-х годов один очень почтенный советский историк на «круглом столе» с американцами, утверждавшими, что XX век — это век Соединенных Штатов, говорил примерно следующее: «Вы, наверное, правы, но мне как-то хочется изогнуть пространство, чтобы мы были на равных». Это один тип. Второй тип цинично-корыстный. Как любит говорить мой уважаемый друг Владимир Мау: если кто-то затевает разговор о том, что «не надо сравнивать», и о «третьем пути», значит, этот кто-то хочет украсть из бюджета. Впрочем, в пафосе «несопоставимости» и третьего пути есть не только денежная, но и политическая корысть. Дело в том, что формулы «не надо сравнивать» и «третий путь» — это иной способ выражения максимы «возлюби начальство паче свободы», милой сердцу любой власти.

Миф очень заразителен. Очень многих, рассуждающих о нём, он сбивает с пути, заставляет уйти от анализа и заняться мифотворчеством. Вот этого соблазна я бы попросил выступающих избегать. Давайте исследовать, а не порождать мифы.

Максим Шевченко

Я не сторонник насаждать мифы, поэтому миф о том, что «украсть из бюджета и восславить начальство», я предлагаю избегать. Вообще, впредь, мифотворческих конструкций в ходе нашей дискуссии не подбрасывать.

Марк Урнов

Но когда речь идёт о новой «русской народной идее» под названием «суверенная демократия», что же она представляет собой, как не формулу «возлюби начальство паче свободы»?

Максим Шевченко

Я бы мог Вам ответить достаточно полно и внятно, что демократия родилась не в Америке и не в Англии. В разных странах она основывается на разных этических пониманиях свободы, народа, общества, социальных пониманиях. Начальство в разные эпохи имеет разные обличья, но по сути это всегда одно и то же. Старшее поколение прекрасно знает о том, как выстраивать отношения с начальством, какие бы маски начальство ни надевало. Вчера — секретарь обкома, сегодня — лидер либерально-демократического общества, завтра — великий диктатор. Всё одни и те же лица.

Итак, поговорим о Западе, о старо-новых российских мифах, кризисах знания или сознания применительно к Западу. Во-первых, надо определиться, что мы понимаем под словом «Запад». Всё ли, что находится к западу от нас, является западом? Или Запад — это некий субъект в истории, который позиционирует себя как особый субъект мировой истории. Безусловно, концепция Запада исходит из концепции Рима. Запад возник на основах Римской империи, восприняв социальные, этические и многие другие принципы, на которых основывался Рим, город, который стал государством. Государство-город с претензией на то, чтобы стать миром, потому что только внутри этого города, только по его законам существуют нормальные человеческие отношения. Всё, что внутри Рима — есть право, потому что именно подчинение Риму, просьбы удушения поверженных вождей во время триумфа на улицах Рима, вплоть до принесения жертвоприношения, до проведения рабов, до поступления золота в этот Рим — это хорошо. Всё, что за пределами Рима, является варварским миром, который заслуживает порабощения, уничтожения и превращения в сырьевой ресурс. Единственной силой в человеческой истории, которая бросила вызов Риму как Западу реально, была линия монотеизма.

Я напомню, что (для многих эта история известна) сопротивление восставшего Иерусалима было сопротивлением анти-Рима, антизападных сил, принципиально эсхатологических антизападных сил, которые бросили вызов Западу, как Западу Тита и Веспасиана, как Западу, который претендовал на абсолютную организацию закона, порядка, налогообложения. Конфликт кесаря и не-кесаря — есть конфликт между Западом и Антизападом. Вопрос в том, кто представляет не-Запад. Представляет ли не-Запад сила, организованная некой

духовной идеей, будь то идея монотеизма, будь то идея социальной справедливости, выраженной в русской революции. Это была такая же радикальная оппозиция Западу и Риму. Или это представляет просто некий варварский мир, неорганизованный мир готов, мир ещё кого-то. Поэтому, когда мы говорим о Западе, мы говорим о римской парадигме и о тех претензиях, которые эта римская парадигма, какие бы обличия она бы ни имела, имперские или республиканские, демократические или откровенно людоедские с уничтожением и порабощением народов, с триумфами, с истреблением людей.

Запад остаётся Западом. Он остаётся одним и тем же, и природа его неизменна. Эта природа выражена в основополагающих философских, этических текстах Запада. Внутри Запада, конечно, есть глубокие сомнения по поводу его природы. Внутри самого Рима возникает оппозиция по отношению к тем принципам, на которых строится Рим, внутри Рима возникают ситуации отношения между граками и теми, кто считается патрициями.

Третий Рим есть продолжение первого Рима. Он для меня так же не является неотделимой частью Запада. Российская империя по своей элитной сути всегда была оккупационным западным режимом, на территориях, которые Западу не только не подчинялась исторически, но исторически противостояли Западу и Риму. И экспансия Рима на Восток — это экспансия Рима, если угодно, в наши земли, которые всегда были свободными. Всегда были свободными от этой концепции города-государства, который имеет претензии на абсолютное господство. Она, конечно, осуществлялась через элиты, через создание правящей элитной военно-аристократической касты. Касты, которая 300 лет романовской империи, начиная с середины XVII в., с той трагической гражданской войны, которая в России известна под именем раскола и которая вытянула огромное пространство коренной русской интеллигенции в маргинальное социально-политическое пространство, истребив его потом. Эта война велась невероятно жестоко, террором со стороны правящих элит. Причём идеологией правящих элит было именно соединение с Западом. Это было время, когда в русской церкви епископы заменялись на епископов малорусских, которые получили образование в Киевской академии, униатское практически образование. Это было время, когда правили такие семьи, как Голицыны, которые откровенно брали курс на западничество. В это время были десятки тысяч людей, которые отстаивали иной взгляд на принципы демократии и соборности не западной. Сожжены в смоле, замучены, сожжены заживо. Соловецкий монастырь осаждался 12 лет, все его защитники казнены в страшных муках — это была гражданская война, которую вёл Запад руками российских пра-

влящих элит против народа, против интеллигенции, русской цивилизации, русской культуры и русской земли. Это, естественно, отражает наше восприятие того мифа, каким является Запад.

Нам говорят, что Запад является обителью демократии, справедливости, что сегодня Запад является тем цивилизованным пространством, которое несет всему миру прогресс и модернизацию. Конечно, Запад является источником модернизации по той ещё причине, что другие центры модернизации себя скомпрометировали и ликвидировались. Советское государство, безусловно, в начале XX века было центром огромной социальной модернизации, именно социальной, подчеркну. Примером являюсь я. Два моих деда родились не в дворянских семьях, а в крестьянских семьях. Оба кончили свою жизнь профессорами. Один дед, в частности, был профессором Гумбольдтского университета в Германской Демократической Республике, причём не по истории партии, а по методике преподавания физики. А второй был по геологоразведке. Это была огромная социальная модернизация. Потом мы утратили эту инициативу. Сегодня, когда мы видим образ Запада и те мифы, которые мы обсуждаем в контексте Запада, главный вопрос — Запад хочет захвата ресурсов, прикрываясь словами, или Запад на самом деле хочет социальной модернизации? Вот вопрос, на который мы отвечаем в зависимости от нашей социальной позиции. Требования гражданского общества, требования прав человека — это инструмент в руках корпораций и правящих элит. Рима, который бесконечно выступал с идеей модернизации. Хотим ли мы, во что бы то ни стало, пойти по этому пути, учить римское гражданство или мы должны сопротивляться той внутренней сущности людоедской, которая заключена в Риме? Это важный вопрос. И когда нам говорят, что Запад миролюбив, я напоминаю, что за последние 20 лет НАТО провела четыре войны, в которых применялись все типы оружия, кроме ядерного. Хотя дискуссия велась по использованию ядерного оружия применительно к Ираку. В ходе этих двух войн были оккупированы три государства: Югославия, Ирак и Афганистан. Погибли несколько миллионов человек по прямым или косвенным причинам. И нам говорят, что эти миссии проводились по гуманитарным мотивам. Но у нас есть ощущение, что Рим приходит в те части света, где никогда не было ни западных армий, ни американских солдат. Теперь они там есть. Теперь там есть аэродромы, ракеты, пушки. Гуманитарная это миссия Рима или традиционный путь, который соответствует внутренней природе, природе захвата, природе экспансии. Это вопрос, который является важнейшим при размышлении о тех мифах, которые возникают у нас в сознании при взгляде на Запад.

Федор Лукьянов

Мы все мыслим в различных категориях, и я не вижу способа, как можно отделить анализ от рамки, базы, в которой мы мыслим. Так что отделить миф от не-мифа — это, что называется, дело вкуса. Максим дал обширный экскурс в историю современности, я не претендую на далёкий анализ, я всё-таки постараюсь остановиться на том, что мы имеем сейчас, я бы сказал, в технологическом ключе. Я, к сожалению, не мог присутствовать с самого начала, но застал конец предыдущей сессии. Мне показалось, по тому, что я слышал в конце, что, обсуждая мифы, мы их как раз активно репродуцируем. Само обсуждение своего пути очень интересное и очень эмоционально заряженное, меня, например, не убедило. Может, я не прав, потому что я слишком утилитарен, но я вообще не понимаю, а что бывает *не свой* путь у какой-то страны? В Европейском союзе, что, есть страны, которые шли абсолютно идентичным путём? Греция шла тем же путём, что и Дания? Конечно, нет. И это вот одно из проявлений того мифа о Западе, который у нас распространён, что там произошла какая-то унификация. В определённой сфере, в определённой степени, может быть, и произошло некое выравнивание стандартов, причём в основном на уровне технологии, а не на уровне мышления и не на уровне менталитетов. Говорить о том, что действительно, мальтийцы, греки, испанцы, эстонцы и шведы одинаковые, потому что они приняли какой-то единый свод законов, мне кажется, это абсурдно, и мы просто низводим какие-то серьёзные вопросы развития нации и менталитета до сугубо технологических критериев, что, наверное, неправильно.

Запад для нас, как мне кажется, является очень важным понятием, потому что, во-первых, это такой структурообразующий элемент для всех наших идеологических дискуссий на протяжении последних, наверное, где-то 150 лет. Причём источник этих дискуссий, конечно, внутренний, это вот постоянная попытка России разобраться в самой себе, найти пути самоулучшения, самосовершенствования и модернизации, которое постоянно наталкивается на неспособность обнаружить это внутри и поэтому начинается апеллирование к чему-то, что вовне. Запад, который, безусловно, на протяжении последних 400–500 лет истории доминировал в мировых процессах, это то зеркало, которое мы видим, что называется, каждодневно. При этом то, что было 150 лет назад во время дискуссий между западниками и славянофилами, и то, что происходит сейчас, по механизму схоже, потому что вопросы, стоящие перед Россией, они те же. К сожалению, мы ходим в значительной степени по спирали.

В тоже время среда усугубляется. Что такое сегодняшняя международная среда? Вот то, о чём говорил, господин Померанц в конце предыдущего обсуждения. Действительно, глобализация — это не шутка и не фикция. Это некая реальность, которая меняет серьёзнейшим образом условия поведения всех государств. Государства вынуждены, так или иначе, реагировать на внешние вызовы. Внешние вызовы вступают в резонанс с внутренними, и в результате получается то, что исходит извне, оно либо воспринимается как стимул к переменам и нечто, что надо заимствовать для того, чтобы исправить внутри, либо, наоборот, воспринимается, как некий фактор, который мешает внутреннему развитию. Опять же, 150 лет назад это было в одной степени, сейчас это, пожалуй, гораздо более в высокой степени. Кроме того, Россия, которая развивалась, я уж не знаю, как это назвать, особый путь или не особый путь, ну, конечно, она развивалась таким специфическим образом своей истории, как страна не типичного формирования нормального европейского национального государства. А она развивалась в высококонкурентной среде, постоянно вступая в противодействия по всему своему периметру. И вот это ощущение постоянной опасности, частью реальной, частью придуманной, а это заложено давно. Сейчас это усугубилось, потому что, действительно, эта глобальная среда вообще крайне агрессивная для всех, для любого государства. А если у нас есть такие ментальные традиции, то тем более.

И вот что ещё, на мой взгляд, любопытно. Мы со времен петровских, наверное, оказались в парадигме догоняющего развития. Когда было решено, что мы должны стремиться брать какой-то там образец, Голландия нравилась императору или Германия, т. е. вот это определило, что мы за этим стремимся. Это всё время вызывало, с одной стороны, естественное стремление догнать, с другой, — внутреннее сопротивление: а что это мы их догоняем, у нас вообще свой путь и мы не должны их догонять. Вот, на мой взгляд, предмет очень глубокого исследования. Действительно, нужно ли было нам это догоняющее развитие или нет? Потому что сейчас мы наступаем на то же самое. И дискуссия о догоняющем развитии была совсем недавно, буквально уже при Путине. Об этом поговорили и перестали.

Запад является, на мой взгляд, источником некой легитимности политических сил в России, причём разных. Для одних — это точка отталкивания — посмотрите, как там всё ужасно, посмотрите, как они нас гнобят, поэтому мы должны всё выстраивать таким образом, чтобы сопротивляться. Для других — ровно противоположное, мы должны делать то-то и то-то, потому что вот там живут так, это явно лучше, чем у нас, значит, мы должны брать пример. Это тоже, мне

кажется, было затронуто в предыдущей дискуссии. Мне кажется, это правильная постановка вопроса, что проблема нашей либеральной части или модернизационной состоит в том, чтобы отделить необходимость внутренних перемен, в том числе в либеральном ключе, от необходимости кого-то копировать. Когда начинается увязка модернизации и прозападности, тут же начинаются спотыкания, которые основаны на психологии: почему это мы должны идти туда, а не сюда? Идея демократии и идея каких-то национальных интересов должна быть единой. В противном случае получается, что одно противоположно другому, а это абсурд.

То, о чём говорил Марк Урнов в начале, о неразрывном единстве демонизации Запада и его идеализации, должно учитывать более общую часть, когда, с одной стороны, очень многие наши сограждане убеждены и убедительно это докажут, что Запад издавна имеет такой грэнд-дизайн по разрушению России, по ущемлению России, по отбиранию и т.д. и т.п., а с другой — попытки спорить с этим и говорить, вы знаете, на самом деле, у них там такой же бардак, как и у нас, и никаких грэнд-дизайнов не бывает, потому что не работает так политическая машина сейчас, по крайней мере, ни в Америке, ни в Европе, ни тем более между ними. Это не воспринимается, потому что ну как же так, они же вот посмотрите какие! Т. е. то, что политика может быть стечением огромного количества обстоятельств скорее, чем продуманной стратегией, не воспринимается, тем более, когда это относится к Западу, который, как известно, монолит. Вторая сторона этого же — ровно противоположная. Отказ от того, что у Запада есть свои, совершенно конкретные, меркантильные, эгоистические интересы, которые он преследует в той или иной политической сфере, будь то Соединенные Штаты, будь то Европейский Союз или что угодно. Картинка того, что Европейский Союз — это просто благотворительная организация, которая занимается исключительно тем, что несет мир, процветание и богатство разным народам, а больше им ничего не надо. Вот обратная сторона, которую мы периодически слышим. На самом деле ни то, ни другое неправда, и в нашем отношении к Западу есть какая-то попытка внесения эмоциональных элементов. Относиться к этому холодно и практично, как это делает, например, Китай (Китай не любит Запад, Китай не ненавидит Запад, Китай воспринимает Запад, как он есть) мы не можем, потому что мы всё время, то ли ему, то ли себе, должны что-то доказывать. И по этому стремление оттолкнуться и в то же время получить понимание, а в некоторых случаях даже одобрение, является той бесконечной рамкой, в которой наши отношения с Западом развиваются и в них, на мой взгляд, должно быть гораздо меньше эмоций и гораздо больше прагматизма.

Наталья Зорка

Комплекс представлений о Западе — неотъемлемая часть российской идентичности. В этих представлениях россиян на протяжении всего постсоветского периода чётко просматривается традиционная не только для советских, но и для более ранних, дореволюционных, времен амбивалентность, двусмысленность и противоречивость. С одной стороны, Запад служит зеркалом утопических представлений о «нормальной жизни», «нормальных странах», кривым зеркалом собственных страхов, комплексов и утопических надежд. Утопических, поскольку они не предполагают ни реального знания западной жизни, ни проникновения в эту чужую жизнь, ни сравнения, необходимого для понимания, со своей собственной жизнью, — не поверхностного, внешнего, ведущего к имитации, а аналитичного, деятельного, ведущего к изменению.

Описывая фундаментальные характеристики советского типа человека, сложившегося в 1930–40 гг., Ю. Левада выделяет формирование образа особого человека, «обладающего исключительной системой собственных ценностей, сознанием собственного превосходства, со своей системой социальных мер и весов, не допускающих даже мысли о реальном сравнении собственной жизни с «чужой»». Граница между «своим» и «чужим» прошла через все сферы социального существования. «Будучи признанным на уровне социальной личности, этот барьер трансформировался в средство универсального структурирования мира по самому примитивному из принципов социального мировоззрения: принципу противопоставления «нашего» — «чужому»».

Противопоставление «своего» «чужому», России и Запада также носит амбивалентный характер. В этой оппозиции оценки «своего» в разные периоды наделяются разным знаком, периоды самоуничижительных квалификаций сменяются периодами агрессивного самовосхваления, но сама данная амбивалентность имеет постоянный характер, она структурирует идентичность. Так, декларация открытости миру России, связанная с декларативной же открытостью и простотой в самоописании русских сочетается с ярко выраженной фобией против «чужеродных» влияний, которые угрожают «незамутнённости» образа особого русского или советского человека (см. табл. 1, 2).

Конец 1980-х — начало 1990-х годов было периодом самоуничижения России в её противопоставлении с Западом. В опросах тех лет явно и впервые с такой открытостью выражалось мнение, что «наша страна» не может служить примером никому, в то время как именно тогда Запад выступал главным ориентиром для будущего развития. Причём, что характерно, образцами служили не столько страны Западной Европы, сколько США, бывший главный противник и супер-

держава, и Япония, страна, с одной стороны, технологически наиболее развитая, а с другой — совершенно экзотичная для российского обывателя (свою роль здесь, вероятно, играло и то, что Япония это империя, потерпевшая крах в войне, а также страна с сильнейшей традиционной культурой).

Таблица 1

Насколько Россия сейчас открыта для других стран
и окружающего мира? (в %)

	2007 январь	2008 январь
Совершенно открыта/ в основном открыта для других стран	82	80
В основном закрыта/совершенно закрыта для других стран	8	10
Затруднились ответить	10	10

N = 1600 человек.

Таблица 2

С каким из суждений в следующей паре вы бы скорее
могли согласиться? (в %)

	1992	1999	2003	2008
России нужно активно включаться в мировую культуру, ориентироваться на западные стандарты жизни	42	23	25	35
России нужно бороться с чуждыми русскому народу западными влияниями, возродить самобытный уклад жизни русского народа	40	58	49	49
Затрудняюсь ответить	18	20	26	16
Число опрошенных	2000	2000	2000	1500

С ориентацией на Запад в широком смысле слова в начале перестройки связывались эйфорические надежды на скорейшее наступление благополучной и обеспеченной, устроенной жизни, такой, какая существует в развитых странах, точнее — какой она виделась

массовому советскому человеку. По данным одного из опросов 1991 г. (N = 2100 человек), более половины респондентов (59 %, ещё чаще — молодые и образованные, но даже среди пожилых так считало 40 %) были согласны в том, что «Советскому Союзу следует идти в будущем по пути развитых стран Запада»; несогласных было явное меньшинство — 17 % (24 % затруднились ответить). Вместе с тем, как только в опросе того же года среди вариантов ответов наряду с позицией «идти по пути Запада» появилась подсказка двигаться «своим особым путём», то же большинство (63 %) выбрало именно данный вариант, а «западный путь» уже только 21 % опрошенных. Введение фундаментальной для российской идентичности темы «особости», мифологии «особого пути» немедленно отодвигает Запад в качестве реального ориентира развития на задний план, а тем самым и блокирует интерес к нему, его понимание и желание понять.

Таблица 3

Какие из следующих мнений о «Западе» прежде всего соответствуют вашему собственному представлению о нём? Запад это...
(ответы ранжированы, в %)

Другая цивилизация, чужой мир со своими законами, с другими людьми и отношениями между ними	48
Самые обеспеченные и благополучные страны, где люди живут хорошо и спокойно	28
Рациональный, холодный мир, формальные, эгоистичные отношения между людьми	20
Не более чем географическое обозначение стран, которые находятся к Западу от России	16
Страны демократии, правовые государства, которые являются образцом современного развития	16
Высочайшие достижения западной культуры, науки, философии, искусства ипр.	13
Государства и политические силы, которые всегда будут враждебны нашей стране	16
Затруднились ответить	6

2008 г., октябрь; N = 1600 человек.

В образе Запада сегодня преобладают представления о его чуждости России, и хотя превалируют при этом нейтральные, даже позитивные оценки этого устроенного по «чужим законам» мира, они дополняются негативным переворачиванием тех же оценок. Развитый, благополучный, цивилизованный мир тематизируется и в негативном варианте — как мир рациональный, холодный, формальный, эгоистичный, что совершенно противоположно теплоте, открытости, простоте и гостеприимному миру России, как она себя видит в зеркале Запада. Важно, что, в отличие от самых молодых респондентов, чаще подчёркивающих благополучие, демократическое и правовое устройство западных стран, рациональность и формальность западного мира отмечают чаще именно образованные респонденты — они и выступают носителями данной мифологической конструкции.

Другая важная тема — благополучие Запада. Его обеспеченность, «хорошая жизнь», больше привлекающая сегодня самых молодых россиян, также может обернуться для «особого» русского человека негативной стороной. В таких случаях Запад воспринимается как мир сытый, жадный, меркантильный и равнодушный, что особенно хорошо видно в российских этнических стереотипах иностранцев, представляющих западный мир. Подобное переворачивание выступает как механизм дистанцирования от Запада, как механизм самоизоляции, с одной стороны, а с другой — как способ блокировки не только понимания «чужого», но и понимания «себя», отказ от самопонимания. Притом, что более 69 % опрошенных россиян считают, что цена человеческой жизни выше на Западе, что там полнее реализуется само право на жизнь, большинство сохраняют по отношению к Западу, западной культуре настороженную и защитную позицию. Отказ от понимания Запада, его ценностей и есть способ пассивной адаптации к негативно оцениваемым, не правовым условиям собственной жизни. Характерен распространённый ответ в одном из массовых опросов на вопрос о том, что вызывает чувство стыда за Россию: «Большая страна, а так плохо живём».

«Нормальная жизнь» на Западе — утопия для российского обывателя, мечта, фикциональная конструкция, невозможная в реальности. Она связана с мнениями и представлениями о том, что «у нас так никогда не будет», «для нас это не подходит», больше того, что «нам это не нужно». Объяснение в том, что мы — «другие». Так, западная демократия возможна в России для относительного большинства респондентов лишь с туманными оговорками о её адаптации к «особенностям нашей страны» (официальные варианты уже имеются, например, «суверенная демократия»), тогда как более чем для трети опрошенных она — в нынешней ситуации официального возврата

к агрессивному антизападничеству и изоляционизму — предстаёт как разрушительное зло.

Таблица 4

Западная демократия... (в %)

Необходима России для её развития	9
Подходит для России, но требует существенных изменений, связанных с особенностями нашей страны	44
Не подходит, разрушительна для России	35
Затруднились ответить	13

2008 г., октябрь; N = 1600 человек.

Отказ от понимания того, почему на Западе демократия работает, почему там работает правовая система и социальная защита и почему это не происходит у «нас», компенсируется мифологическими конструкциями о собственной исключительности, особенности — душевности, терпении, бессеребренничестве и т. п. Приведём лишь несколько особенно характерных черт, составляющих «особую» идентичность российского человека (таб. 5–7).

Таблица 5

«У нас привыкли делать всё сообща, а потому не терпят тех, кто ставит себя выше коллектива» (в %)

	1994 ноябрь	2000 март	2003 июль	2008 февраль
Определённо да	19	27	21	14
Скорее да	39	43	40	37
Скорее нет	17	17	21	27
Определённо нет	5	5	6	9
Затруднились ответить	20	8	13	13
Число опрошенных	3000	1600	2000	1500

Таблица 6

«Русский человек обладает особой душевностью, которая не свойственна “западному” человеку» (в %)

	2000 март	2008 февраль
Определённо да	47	38
Скорее да	40	46
Скорее нет	6	8
Определённо нет	2	2
Затруднились ответить	6	6

N = 1600 человек.

Таблица 7

«Русскому человеку чужда мелочная расчётливость “западного” человека» (в %)

	2000 март	2008 февраль
Определённо да	36	24
Скорее да	41	50
Скорее нет	12	14
Определённо нет	3	3
Затруднились ответить	9	9

N = 1600 человек.

Амбивалентное отношение к Западу в значительной мере замешано на рессантименте и зависти. В сложно переплетенном комплексе представлений и желаний, где мечта жить, как «они», сочетается с нежеланием понимать, каковы «они» и каковы «мы», что нам мешает, в конечном счёте, побеждает тяга к дистанцированию, самоизоляции, закрытости.

Таблица 8

Как вы в целом относитесь к «западному образу жизни»? (в %)

	1991	2008
Положительно	62	46
Отрицательно	10	30
Затрудняюсь ответить	28	24
Число опрошенных	1000	1600

Изоляционизм поддерживается традиционной идеей угрозы со стороны внешнего мира, Запада в целом, которая затрагивает все уровни социального существования и выступает опорой для легитимации власти, как предполагается, защищающей страну от этой мифологической опасности. Запад грозит нашему самоценному, нашему особому, закрытому для «них» миру на всех уровнях: в повседневной жизни это вредоносная «западная культура», в экономике — стремление западного мира превратить Россию в «сырьевой придаток», в политике — нежелание Запада считаться с «встающей с колен» Россией и её «величием».

Таблица 9

Согласны ли Вы с тем, что западная культура оказывает отрицательное влияние на положение дел в России? (в % к числу опрошенных)

	1996	1997	1998	1999	2000	2001	2002	2006
Согласен	49	53	61	51	57	66	66	63
Не согласен	36	35	33	36	34	27	28	32
Затрудняюсь ответить	15	12	6	13	8	7	6	5
Число опрошенных	1700	1700	1600	1700	1600	1600	1600	1600

И если Россия в представлениях большинства россиян выступает по отношению к Западу миролюбивой стороной, то Запад по отношению к России предстает для большинства респондентов враждебным государством.

Таблица 12

Как Вы считаете, есть ли основания у стран Запада, входящих в блок НАТО, опасаться России? (в %)

	1997 апрель	2000 август	2001 февраль	2002 февраль	2006 апрель	2006 июнь	2007 апрель	2008 октябрь
Определённо да	11	8	8	7	9	10	7	12
Скорее, да	16	20	16	22	25	21	21	26
Скорее, нет	32	38	40	38	37	38	33	35
Определённо нет	27	19	25	20	20	22	24	21
Затруднились ответить	13	14	12	14	9	10	15	6

N = 1600

Таблица 13

Как Вы считаете, есть ли основания у России опасаться стран Запада, входящих в блок НАТО? (в %)

	1999 май	2000 август	2001 февраль	2002 февраль	2006 апрель	2006 июнь	2007 Апрель	2008 октябрь
Определённо да	27	16	25	14	15	22	14	19
Скорее, да	36	38	33	42	43	40	35	38
Скорее, нет	22	25	22	23	26	22	27	26
Определённо нет	7	7	8	7	8	7	8	11
Затруднились ответить	10	14	13	14	9	10	16	7

N = 1600 человек.

Иными словами, в массовом сознании преобладает картина, что Россия вынуждена быть начеку и поддерживать мобилизационную готовность, поскольку Запад ей угрожает. Такая же асимметричная конструкция отношений в паре «мы — они» вырисовывается, если перейти из политической плоскости в «человеческую».

Таблица 14

Как, по Вашему мнению, относятся к России на Западе? (в %)

	2000 август	2005 декабрь	2006 декабрь	2007 декабрь
С уважением	8	7	13	20
С сочувствием	24	16	14	9
С тревогой	12	13	12	12
С презрением	21	16	14	11
Со страхом	5	7	6	7
Без особых чувств	17	32	28	27
Затруднились ответить	14	9	13	14

N = 1600 человек.

Таблица 15

Как, по Вашему мнению, большинство людей в России относятся к странам Запада? (в %)

	2000 декабрь	2005 декабрь	2006 декабрь	2007 декабрь
С уважением	34	30	40	32
С сочувствием	3	2	2	3
С тревогой	10	13	11	10
С презрением	3	5	2	5
Со страхом	4	3	2	2
Без особых чувств	35	39	34	38
Затруднились ответить	11	7	10	9

N = 1600 человек.

Россияне настаивают на собственном уважительном отношении к Западу, тогда как со стороны Запада, по их оценкам, чаще видят в ответ негативные чувства. Получается, что Запад, к которому в России относятся с уважением или «без особых чувств», смотрит на Россию с большим страхом, презрительностью и тревогой. Отметим, что, по недавним данным, респонденты стали чаще считать, что Запад уважает Россию. Так массовое сознание позитивно переозначивает для себя агрессивный стиль российской внешней политики двух-трёх последних лет (параллельно, добавим, выросла и доля тех, кто считает сегодняшнюю Россию великой державой, гордится ею и её историей). Примечательно, что для российского сознания такое «уважение» должно быть замешано на страхе и недоверии, а не на признании позитивных достижений страны: 65 % в феврале 2008 г. согласились с высказыванием: «Россия всегда вызывала у других государств враждебные чувства, нам и сейчас никто не желает добра» (27 % не выразили согласия). Здесь мы также имеем дело с перевернутым комплексом внешней угрозы.

Значительная доля людей, относящихся к Западу нейтрально, «без особых чувств», говорит прежде всего об отсутствии реального, конкретного, глубокого интереса, к тому, что происходит на Западе, что такое западная культура, западная история. Кроме того, эту позицию можно рассматривать и как проявление рессантимента, стремления дистанцироваться и закрыться от западного мира. Запад не воспринимается в России как уникальный, удавшийся, исторически реализованный проект модерности, построения современного общества, вместе с тем он не признаётся россиянами в его многообразии и динамизме.

Неудивительно, что подавляющее большинство опрошенных совершенно не ощущают свою принадлежность к западной культуре.

Таблица 16

В какой мере вы сейчас ощущаете себя человеком западной культуры? (в %)

	1993	2008
Я постоянно помню об этом	1	3
Это для меня достаточно важно	5	7
Это не очень важно для меня	16	32
Я этого совершенно не ощущаю	50	54
Затрудняюсь ответить	28	4
Число опрошенных	1700	1600

За последние 15 лет в два раза выросла именно доля тех, для кого проблема отношения к западной культуре вообще не слишком важна. Как видим, лишь незначительное меньшинство людей в российском обществе, не более 10 %, чувствуют свою принадлежность к западной культуре (причём среди образованных россиян таких ненамного больше!). Перед нами итоги нараставшей за последние десятилетия самоизоляции, которая происходила и на уровне страны как субъекта международной политики, и в различных группах самого российского социума.

Если в начале 1990-х большинство опрошенных видели ориентиром для развития страны Запад, то к концу десятилетия образцом социального устройства для россиян стало «советское». Хотя значимость этого образца за 2000-е годы несколько снизилась, он и сегодня по абсолютному большинству параметров остаётся для россиян примером.

Таблица 17

Если говорить о жизни простых людей, где в 1970-е — 80-е годы была лучше в СССР или на Западе... (в %)

	В СССР		На Западе		На одном уровне		Затруднились ответить	
	2000	2008	2000	2008	2000	2008	2000	2008
Система образования	70	66	14	11	4	8	12	16
Система здравоохранения	56	52	28	23	3	8	13	17
Система трудоустройства	78	61	11	14	3	8	9	17
Социальное обеспечение	51	44	29	28	3	8	17	20
Положение в области науки	64	55	16	14	6	14	14	18
Положение в области культуры и искусства	61	54	16	14	6	13	15	19
Положение в области соблюдения гражданских прав	35	29	41	37	4	10	20	24
Жизнь простых людей в целом	49	38	29	30	6	10	16	23

N=1600 человек.

Процессы самоизоляции и дистанцирования от Запада подпитывают мифологизированные представления о собственном прошлом, которые и составляют сегодня наш «достойный» ответ на западные «вызовы».

Ведущий

Переходим к дискуссии.

Константин Эггерт

Несмотря на то, что около 20 лет в России существует свобода выезда и въезда, тем не менее, количество людей, граждан Российской Федерации, убежавших за пределы границы РФ, включая Белоруссию и Украину, составляет не более, если я не ошибаюсь, 25 %. Я действительно сталкивался очень часто во время поездок к партнёрам по стране с очень начитанными, замечательными молодыми людьми, которые в 25 лет не были даже в Москве. Это, конечно, гигантская проблема для России. Тот факт, что она не может сделать сознательный выбор, который, может быть, даже не будет очень прозападным в силу того, что очень мало людей с этим Западом входят в контакт. Образованная часть общества разделена идеологическими спорами, зарабатыванием денег или чем-то ещё. Что же касается масс, народа, то у него ещё долгое время не будет материальной возможности ознакомиться с окружающим миром. Именно поэтому во многом здесь возрастает роль СМИ и т. д.

Сергей Ковалев

Марк Урнов совершенно справедливо заметил, что есть, по крайней мере, два мифа о Западе. Запад — это ад и сатанинский наш враг, и, наоборот, Запад олицетворяет собой вселенский рай. Думаю, что оба эти мифа, если говорить серьёзно и в интеллигентной среде, уже принадлежат истории. Я даже не стану говорить о первом, потому что каждый, кто внимательно относился к своим западным коллегам, понимает, что Запад не враг никому. Он вполне доброжелателен к России, если говорить о культурном и серьёзном Западе. Что касается мифологизации, то Запад — это светоч, маяк. Должен сказать, что когда-то, в мои ранние диссидентские времена, я был покорен Западом и западной идеологией. Но для меня это тоже давно прошедшее время. Что, собственно говоря, европейская христианская культура принесла нам всем? Это представление об универсальных ценностях и подход к тому, что решение надо принимать исходя из ценностей, а не из интересов. Вот это, по-моему, самое главное, что мировая мысль, тяготеющая к тому, как надо устраивать политику, приобрела

в европейской культуре. Политический идеализм, начавший в 60-70-е годы развиваться у нас, в России, преимущественно в Москве, из этого и исходил. Увы, беда европейской парадигмы, основанной на этих универсальных ценностях, состоит в том, что «реальполитик», свойственная не только Западу, но сформировавшаяся тоже на Западе, реальполитик, исходящая не из ценностей, а из интересов, просто мгновенно превратила эти универсальные ценности в свой инструмент и бессовестно спекулирует этими ценностями. Я лишен возможности приводить примеры. Я напому только, что ковровые, а тем более, ядерные бомбардировки — это не есть следование ценностям, А Нюрнбергский процесс, который три дня обсуждал вину немецких варваров в убийствах польских военнопленных в Катыни, тогда как каждый участник процесса знал, кто и когда убил польских офицеров. Каждый без исключения. Вот вам, пожалуйста, следование универсальным ценностям. Это не есть коренное противоречие, которое надлежит разрешать. Думаю, что западная политическая традиция, более приспособленная к развитию и преодолению трудностей, больше пригодна для того, чтобы справляться с этими противоречиями.

Игорь Ермаченко

Аналогично тому, как ориентализм распространен в понимании Востока, также необходимо изучать не Запад, а оксидентализм. Пусть этот оксидентализм западный и связан с какими-то сложными идеологическими системами, с тем же ориентализмом, это сложная коммуникативная система. Туда входят и механизмы смыслопорождения, не только идеология, но и то, как она реализуется, включая социально-психологические и даже психиатрические какие-то моменты, которые нужно изучать специфическими комплексами и методами. Этот анализ совершенно ещё не продвинут, ещё не существует методов его представления широкой публике, потому что уровень широкой публики нацелен как раз на какие-то архетипы, например архетип государственности. Какой государственности?

Услышанные выступления отличаются вопиющим антиисторизмом, в частности, например, выступление господина Шевченко. Я, как человек, писавший кандидатскую диссертацию по средневековой Германии, мог бы здесь прочесть небольшую лекцию по поводу противостояния той же самой западной империи и Византийской империи. Но здесь не идёт об этом речь. Нужно изучать это именно как систему порождения мифа. Интересно то, что вот такой хронологический подход, генерализирующий подход сочетается с политической манипуляцией, с астрологическими интересами. Нужен новый предмет.

Борис Соколов

У меня небольшие замечания к тому опросу, который нам был продемонстрирован. Мне представляется, что он был проведён немного некорректно, как бы сказать, несколько прозападно. Там положительных мнений о Западе, по крайней мере, три, негативных только два. Это первое. Второе, одно из нейтральных мнений, которое выражает большинство респондентов, 48 %. Это насчет того, что Запад — другая цивилизация, чужой мир. Сами авторы опроса относили его к нейтральному, но я боюсь, респонденты воспринимали это как негативное. Слово «чужой» обычно воспринимается как нечто негативное, враждебное. Так что я боюсь, что на самом деле отношение простых россиян к Западу гораздо более негативное, чем может казаться из представленных данных.

Крис Мондей

Идеи Запада являются центральным моментом в российской идеологии. Всегда было так. И мы услышали сегодня очень интересный доклад о том, что русские думают о Западе как о самой богатой стране. Это значит, что самой западной страной на сегодняшний день является Китай. Самая богатая страна. И это действительно так. Объединённые нации, международный фонд, нынешний кризис, восьмой в десятке, Китай, был самым главным. Все эти так называемые западные институты, они все становятся китайскими. Если это так, тогда надо смотреть, какая идеология у них, как они смотрят на Восток, на Запад. Центральная страна — это действительно для них важно. Некитайское тоже важно для них. Если это так, тогда, конечно, в России всё становится более западным. Проводится обработка китайцев, но вы попробуйте объяснить, что Россия — это не Запад, они просто не понимают этого. Это проблемы не теоретические, а актуальные. Я смотрю телевизор и в Корею, и в Китае, и вижу, как они все больше поднимают вопрос о России. Они изучают это. Взять войну в Грузии. Сначала была критика Запада, и всё было понятно, но потом была критика России со стороны Китая. А когда я изучал русские СМИ, то видел, как они потерялись, не знали, что сказать. Нет прежнего мифа. И поэтому, мне кажется, для вас будет очень важным образовать новый миф, что значит «Запад».

Кристиан Эш

Я хотел вспомнить о том, что сегодня утром нам рассказал Станислав Куняев о фашистской Германии, но назвал её фашистским Западом. Это меня очень удивило, потому что это было яркое антиза-

падное государство, антилиберальное, антиамериканское, антипарламентское. И мне просто интересно, как в Ваш (это вопрос Максиму Шевченко) мифологический образ Запада вписывается фашистская Германия. Понятно, что это удобно, раз фашистская Германия была врагом России, удобно причислить её к Западу. А может, это всё ещё следы коммунистической интерпретации фашизма как формы тоталитаризма? Мне просто интересно, как это работает. И ещё один короткий вопрос. Мне было интересно узнать, как использовалось слово Запад вообще в советские времена, потому что я просто не знаю этого.

Максим Шевченко

Мой тезис: внутри Рима могут быть разные партии. Партии демократов или партии, стремящиеся к тоталитаризму, но это не меняет природу Рима. А немецкий национал-социализм... Здесь можно упомянуть Бёлля, Фасбиндера, радикальных критиков существующих политических реалий республики Германия 60–70-х годов, так вот их критика показывает, что внутренняя природа фашистских элит кореллировала с той природой государства Аденауэра, которое возникло после военного поражения национал-социализма. Это не моя позиция, это позиция немецких левых критиков.

Андрей Мартынов

Рассуждая о Западе, мы забыли дать определение тому, что подразумевается под самим искомым понятием. Определить его границы, его *locus*. Что такое Запад? Ведь географическое, политологическое, культурное и даже религиозное определение не будут совпадать. Равно как и самосознание границ Запада у самих европейцев. Самоназвание Австрии *Österreich* переводится как Восточное королевство. Да и европейские психотипы также разнообразны и во многом противоположны.

Владимир Илюшенко

Максим Шевченко — очень грамотный и очень информированный человек, и тем обиднее, что он не дал анализа мифа о Западе, к чему призвали нас, а дал свою мифологию Запада. Он рассматривает Запад как нечто абсолютно единое и, к тому же, абсолютно неизменное. Я записал за ним: «Запад остаётся одним и тем же, и природа его неизменна». И этот Запад, внушает нам Шевченко, абсолютно враждебен нам, враждебен, очевидно, генетически, потому что было сказано о постоянной экспансии Рима на Восток, «в наши земли, которые всегда были свободными». Таким образом, Запад это враг, кото-

рый действует на генетическом уровне, и он изначально нам враждебен. Отсюда, собственно, один шаг до конспирологии в духе Проханова. Мне кажется, главное, в чём надо было упрекнуть докладчика, — в совершенно неисторическом подходе к предмету его исследования.

Наталья Зоркая

Я хотела бы просто ответить на вопрос г-на Соколова, который усомнился в нашем прозападном вопросе, что в нем есть несбалансированное количество положительных и отрицательных альтернатив. Я просто хочу сказать, что респонденту руки не выламывают, он как-то сам выбирал положительный или отрицательный ответ. Поэтому, какие ответы есть, такие и есть.

Фёдор Лукьянов

Во-первых, заявление о том, что Запад — это только одна цивилизация, это довольно высокомерное заявление, которое как раз очень типично и для Запада, и для России, которая тоже весьма часто высокомерно относится к другим народам. По поводу того, что говорил Сергей Адамович Ковалёв относительно завоевания Западом универсальной моральной ценности. Да, но в то же самое время не меньшее завоевание Запада — просвещение, рационализм, картезианство, умение дефинировать интересы и соотносить их с ценностями в той или иной пропорции. И здесь, мне кажется, никакого противоречия нет. Это как раз является сущностью и культуры, и политической модели, когда всегда есть некая пропорция. По поводу высказывания, которого я не слышал, «фашистский Запад». Мне кажется, это такой риторический приём, так говорить нельзя, но одно существенно, что национал-социализм и фашизм, равно как и период коммунистический в России, это не изолированные эпизоды в истории Запада или истории России, это некий экстремальный продукт того развития, которое было. Слава богу, преодолённый, но, тем не менее, отрывать нельзя ни от истории Германии, ни от истории Италии, ни от истории России, что у них было. По поводу отождествления границ Европы и границ ЕС — это очевидный нонсенс, который часто звучит, с этим даже смешно спорить. ЕС — это некая система неких норм, взглядов и ценностей, но сугубо технических, прикладных. Конечно, Европа шире и всегда так будет. И последнее, наконец, вот Максим в конце своего выступления сказал, что мы не можем понять, чего хочет Запад. Хочет, чтобы мы стали цивилизованными или хочет, чтобы отдали все ресурсы. Вот мне кажется, здесь корень всего — постановка вопроса. Вопрос должен ставиться так: не что хочет За-

пад, а что хотим мы. Что хочет Запад, нас волновать не должно, т. е. мы должны принимать к сведению, но никоим образом не пытаться выстраивать вокруг этого политику. К сожалению, мне кажется, происходит именно это. А что хочет сама Россия, она определить никак не может.

Лев Гудков

Во-первых, мне кажется, крайне некорректно употреблять «мы» как субъект, будь то Россия или Запад. Запад — не субъект истории, не субъект действия. Либо это структура идентификации, связанная с определённой системой ценностей, а значит — и институтов, либо апеллирующая к ней (структуре идентичности) система института, что мне кажется гораздо более важным. Исторически возникло так, что «Запад», как некоторый комплекс представлений, возник именно на согласовании совершенно непримиримых противоречий: папства и протестантизма, города, земель и империи, формального и содержательного, светского и религиозного права. Своеобразие «Запада» заключалось в том, что в условиях, когда ни одно из этих начал не могло «взять верх» и добиться монополии и диктатуры репрезентирующих их властей и авторитетов, возникала необходимость практического согласования этих требований, а, значит, были инициированы формальные процедуры расходящихся принципов. Не содержательное, а именно формально процедурное. Один из первых эту особенность западноевропейского универсализма выразил Кант, сформулировал её уникальное своеобразие «современной культуры», которая и стала «Западом». Поэтому «Запад» — это, вообще говоря, некая идентификационная, апеллятивная конструкция, она не может быть субъектом политического действия. Исторически мыслимая граница между «Западом» и «не-Западом» туда-сюда передвигалась, отодвигалась, переносилась совсем далеко за пределы Европы. Внутри Германии всё это тоже было. Западом по отношению к Германии одно время была Франция, и, соответственно, Германия себя рассматривала как оппозицию Западу. Потому всё это перенеслось на Россию. И теперь уже Россия, как первая страна «третьего мира», или «догоняющей модернизации», испытывала все эти годы комплексы, что и Германия, заимствовала аналогичные конструкции Запада и «особого пути». И формирование русского национального сознания шло с помощью заимствованных, очень часто немецких же, конструкций. И точно также, «Россия» не есть субъект исторического действия. Словоупотребление такого рода скрывает клановые или групповые, иногда — институциональные интересы монополии картины мира. Не стоит отождествлять интересы верхушки путинского режима, рассуждаю-

щей о геополитике и о «национальных интересах» России, или риторике определённых группировок высшей или средней российской номенклатуры и бюрократии с массовыми интересами или интересами отдельных социальных групп. Не стоит всё-таки подпадать под магию словесных формул.

Одно конкретное уточнение на вопрос Константина Эггерта. За границей в целом (я имею в виду дальше зарубежье, не ближнее) было за все обозримое время, по нашим данным, от 9 до 12 %. При этом значительная часть из них была ещё в советское время (западная группа войск). Для сравнения, по польским данным, — 65 % поляков выезжали в 1993–2005 годах за пределы своей страны. Понятно, это совершенно другой масштаб и другой уровень информированности о жизни в других странах.

Максим Шевченко

Спасибо за критику, внятную. На самом деле, я не пытался изложить миф «Запад как Рим», я пытался дать антологию того, что позволяет говорить о мифах, которые продуцируют это понятие. Я на самом деле полагаю, что понимание «мы», описание этого «мы», естественно, также существенно. В опыте нашей страны был, допустим, 1941 год, когда какая-то часть «мы» ждала немцев, как освободителей, а какая-то часть «мы» понимала, что немцы приходят на территорию Советского Союза как истребители. Между прочим, напомним, что история русского коллаборационизма достаточно глубокая, обширная, хорошо изученная в историографии последних лет. Поэтому «мы», конечно, очень важно, описание того субъекта, от имени которого мы говорим. Формирование этого субъекта, не могу не согласиться с Федором Лукьяновым, и заранее благодарю его за прекрасную полемику, которая сегодня возникла, эта идея является важнейшей внутренней задачей России. Описание и понимание собственной природы, особого пути или не особого пути, это влияет и на наше отношение к Западу. Я только замечу, что мифы относительно Запада у элит и у народа принципиально разные. Если, господин Урнов, у элит мифотворчество относительно Запада диктуется прагматическими интересами, особенно у современных элит, бизнес-переговорами, разговорами о долях, об участии в рынках и т. д., то у народа во многом относится к советской эпохе, и антизападничеством правящих элит на самом деле никаким антизападничеством не является. Оно является просто дымовой завесой, прикрытием тех манипуляций, тех партнерских переговоров, которые велись и в последние годы являются примерами этого. Если компания Халли Берден, принадлежавшая косвенно семье Бушей, является надёжным парт-

нёром ряда российских нефтяных компаний на мировых рынках, если существовали контакты, несмотря на бурную риторику и мюнхенские речи, очень тесные экономические контакты, никакого конфликта на самом деле не было. Через территорию России идут военные грузы НАТО, в том числе не только по воздуху, а и железнодорожным путём. Никакого глубокого принципиального конфликта нет. Мифы народа относительно Запада формируются несколько иными способами. Дело в том, что позитивный образ Запада, которому мы, естественно, верили (и я тоже верил, кстати, до сих пор не сомневаюсь), что Запад — это пространство демократии, свободы, в каждой стране проявляется по-разному. Мы понимаем, в Америке есть одно понимание свободы, в Германии — другое. В Германии, например, сажают в тюрьму за ревизионизм, это наверно правильно, а в Америке 5-я поправка запрещает сажать кого-либо в тюрьму за высказывания. Что есть свобода? Свобода в Германии, где 10 лет могут дать историку-ревизионисту, или свобода в США, где его нельзя посадить в тюрьму? И ни один процесс по нацистам не закончился посадкой в США. Что есть большая свобода? Это важный вопрос. Так вот, образ Запада, позитивный, во многом пришёл в Россию на фоне чудовищной социальной деградации, которую пережили значительные массы населения в 90-е годы с понижением образования, с понижением уровня культуры, с понижением уровня жизни.

Я уверен, что по мере возвращения социального статуса, в том числе и образованных слоев населения, многое изменится. Я напому, что ещё не так давно учителя, проработавшие в школе по 20 лет, вовсе не сторонники коммунистической партии, получали по 400, по 500 рублей, а в Цхинвале, где я недавно был, преподаватели Иняза, который там был в советское время, получают зарплату в 600 рублей сейчас. И на этом фоне, конечно, очень тяжело воспринимать приход западных ценностей, совмещенный с 90-ми годами, как нечто позитивное. Но мы, конечно, должны разбираться, в том числе во внутренней природе того, что эти ценности транслируют, насколько эти ценности соотносятся с реальностью. Это к вопросу о мифотворчестве. А вообще в бодрияровских мирах мифом можно назвать абсолютно любое высказывание. Я призываю к корректности. Я предлагаю не обесценивать высказывания вашего оппонента словом миф, поскольку это есть манипуляция. В такой же степени мифологическая.

Марк Урнов

Мои друзья из «Левада-Центра» вспомнили, что по своим представлениям мы очень похожи на Турцию. Хочу обратить внимание на то, чем мы от неё отличаемся. В Турции, как известно, на законном осно-

вании карают за оскорбление *турецкости*. У нас, слава Богу, за нападки на *русскость* пока не сажают.

Теперь по существу. Говорить о Западе как о субъекте исторического действия, по-моему, бессмысленно, потому что такого субъекта не существует. Предметом обсуждения могут быть ментальные конструкции под названием «Запад». И с этой точки зрения, мне, честно сказать, самым интересным в нашей дискуссии показалось выступление профессора Криса Мондея, который сейчас работает в Южной Корее. Суть этого выступления, как я его понял, такова: Вы, конечно, можете здесь спорить друг с другом о том, что для вас Запад, Запад ли вы или не Запад и пр. Но, по мнению большей части человечества, вы — всё равно Запад. Так что все ваши разговоры на эту тему — не более чем малозначимое для мира выяснение отношений между интеллигентами, живущими в стране, численность населения которой быстро сокращается. Вот так. Очень полезно порой бывает отвлечься от самосозерцания и посмотреть на себя со стороны.

Не могу не ответить на утверждение Максима Шевченко о том, что любовь к Западу пришла на фоне деградации населения в 90-е годы. Это верно. Но негативизм к Западу пришёл на фоне чудовищной деградации населения при коммунистической диктатуре, когда нами в течение семи с половиной десятилетий правила шпана и уголовники, и когда выкашивалось и отправлялось в ГУЛАГ лучшее в стране. Так что, отношение к Западу колеблется, но с вырождением населения это никоим образом не связано.

Максим Шевченко

Очевидно, Вы образование в подполье получали, я так понимаю.

Марк Урнов

Я получал образование в элитнейшем Институте международных отношений.

Марк Шевченко

И платили за это бешеные деньги.

Марк Урнов

Нет. Но лучше бы я этого марксистского образования вообще не получал. Потому что, придя на работу, я вынужден был читать действительно умные книги, а в институте в течение 5 лет обязан был заниматься интеллектуальным онанизмом, изучая бессмысленный «Капитал» Маркса и придурковатые произведения Ленина.

Максим Шевченко

У каждого свои слабости. Каждый занимается тем, что ему ближе.

Марк Урнов

Каждый изучает то, что ему даёт программа. А программа у меня была советская, будь она проклята.

Ведущий

На дискуссии «Старо-новые российские мифы», подготовленной Фондом Фридриха Науманна, были подняты важнейшие для современного общества вопросы, ответы на которые могут помочь странам выжить в эпоху кризиса и избежать многочисленных ошибок. Проблематика мифа чрезвычайно важна для российского менталитета и образа жизни. Особенно остро в данном случае стоит вопрос, касающийся пространства, в котором сталкиваются российские и западные мифологические системы. Что для России Запад? Что для Запада Россия?

Противостояние России и Запада всегда происходило в плоскости разных менталитетов. Как заметил Максим Шевченко, Россия как Третий Рим никогда не подчинялась Западу, но исторически ему противостояла благодаря своей «элитной сути». Но Лев Гудков обращает внимание участников дискуссии также на то, что формирование русского национального самосознания шло с помощью заимствованных конструкций. Демонизация Запада и его одновременная идеализация — так Марк Урнов обозначил амбивалентное отношение России к западному государственному устройству и образу жизни. Федор Лукьянов соглашается с ним, подчеркивая, что для некоторых людей Запад — это своеобразная «точка отталкивания», возможность сопротивляться западной системе координат. Для других — пример для подражания и желание строить свою жизнь в соответствии с западными ценностями. Наталия Зоркая выдвигает тезис о том, что комплекс представлений о Западе — это «неотъемлемая часть российской идентичности»; в качестве подкрепления тезиса она приводит результаты социологических опросов, в которых так или иначе фигурирует пристальное, даже «болезненное» отношение россиян к Западу.

Конец 1980-х — начало 1990-х годов по вполне понятной причине были периодом самоуничтожения России в ее противопоставлении с Западом. Многочасовые очереди за самыми необходимыми продуктами, экономическая разруха, рухнувшие ожидания — и, как противовес, пустынные супермаркеты, рай потребления, мир в кредит. Сегодня же в образе Запада преобладают представления о его чуж-

дости России, желание идти своим путем. Запад обвиняют в «бездуховности», потере идентичности. В то же время отсутствует идеализированное представление о собственной стране. На вопрос о том, что вызывает чувство стыда за Россию, распространенный ответ таков: «Великая страна, а так плохо живем».

Подводя итоги дискуссии, необходимо сказать об особой роли мифа и мифотворчества в современной России. Данная дискуссия важна и чрезвычайно полезна. Царствующие в обществе мифы связывают прошлое и будущее. Выявить мифы, проанализировать их, помнить об их относительности — вот то, что необходимо делать ради дальнейшего развития.

Заключительные комментарии

Геннадий Бордюгов

Итак, мы должны подвести краткие итоги нашего Форума. По моему мнению, дискуссия удалась, идея соотнести две противоположные позиции по каждому мифу — оправдалась. Тем более что у нас был социологический анализ, специально проведённый «Левада-Центром» по теме Форума. Благодарю и всех участников дискуссии. Естественно, возникает вопрос, как двигаться дальше. Сам характер обсуждения подталкивает нас в направлении, которое, так или иначе, просматривалось здесь. Нам явно не хватало критики мифа, прагматизма. Эмоции порой брали верх над технологией. И я хотел бы просить г-на Бомсдорфа и г-жу Гениеву подумать о том, чтобы в перспективе обратиться к осмыслению не самих мифов, а системы их порождения, системы репродуцирования. Возможно, стоит взять только один миф или мифологему и с привлечением политтехнологов, имиджмейкеров, лингвистов, социологов, маркетологов дешифровать его с тем, чтобы понять, как происходит смещение, по Ролану Барту, смыслов. Все понимают: миф — это не правда, не ложь, но это смещение, это определённая деформация сознания. Поэтому очень многие вещи обретают природу, становятся очень устойчивыми, обретают каноническую форму, которую очень сложно потом преодолеть.

Фальк Бомсдорф

Для Фонда Науманна главные итоги следующие. Во-первых, вы все пришли и мы все ещё здесь. Это звучит банально, но это совсем не банально, если я думаю о других мероприятиях. Для Фонда это знак того, что он выбрал правильный предмет разговора: мифы — предмет, который действительно всех интересует. Во-вторых, получилась дискуссия между немецкими и российскими коллегами. И нам надо и в будущем совместно работать над этой тематикой.

Хочется, в заключение от имени Фонда поблагодарить вас всех за то, что вы участвовали в дискуссии, поблагодарить тех, кто создавал импульс для каждого заседания, ведущих, комментаторов. Особая благодарность «Левада-Центру», который помог нам глубже понять проблематику. Хочу также искренне поблагодарить всех сотрудников

Библиотеки иностранной литературы в лице дорогой Екатерины Юрьевны Гениевой и Ассоциации исследователей российского общества в лице Геннадия Бордюгова.

Екатерина Гениева

Спасибо всем большое. Г-н Бомсдорф, Вы знаете, что Форум мог бы получиться и без меня, и даже без нас. Говорю это вполне искренне. Потому что, когда шло последнее обсуждение: Запад — не Запад, Запад — дьявол или, напротив, средоточие всяких замечательных ценностей, я на какой-то стадии подумала: «Может, мне уйти?». Потому что всё-таки мы находимся на территории Библиотеки иностранной литературы. У нас здесь ничего другого, кроме воплощения зарубежного мира в самых разных его обликах, вообще-то говоря, просто нет, и Вы, Максим, это знаете. (*Шевченко: Китайского отдела нет в библиотеке?*). У нас есть и Отдел Востока, но Вы же слышали нашего американского коллегу, предложившего другое понимание Запада, т. е., наоборот, через Россию.

Нам надо спокойнее относиться к тому мучительному процессу, который называется «Россия в поисках себя», и наша конференция продемонстрировала это прекрасно. Я очень благодарна немецким коллегам и за идею, и за участие, и, без пафоса скажу, за очень большой такт. Никто из вас, из наших немецких коллег, не сказал, чем вы, скажем, в отношении к сталинизму, отличаетесь от нас. Вы как раз отличаетесь тем, что у вас, в западной стране, произошло покаяние по отношению к гитлеризму. Я могу ошибаться, но это моя точка зрения. У нас этого покаяния, нужно признать, не произошло.

Библиотека будет всячески способствовать публикации материалов Форума, распространять их. Наш журнал «Вестник Европы», который мы издаём, к вашим общим услугам. Спасибо всем большое, спасибо за теплые слова о Библиотеке, которая является воплощением и некоторых западных ценностей, и чему, на самом деле, очень радуется.

Сведения об участниках форума

Аймермахер Карл — доктор философии, профессор, бывший директор Лотмановского института Рурского университета в Бохуме

Архангельский Андрей — обозреватель журнала «Огонёк»

Бергельсон Мири — д.ф.н., профессор кафедры Факультета иностранных языков и регионоведения МГУ им. М.В. Ломоносова

Бомсдорф Фальк — Руководитель Московского бюро Фонда Фридриха Науманна

Бонвеч Бернд — профессор, Директор Германского исторического института в Москве

Бордюгов Геннадий — к.и.н., доцент МГУ им. М.В. Ломоносова, Руководитель Международного Совета АИРО-XXI

Брагинская Элла — переводчик

Бухараев Владимир — к.и.н., профессор Казанского государственного университета

Гавров Сергей — д.ф.н., ведущий н.с. Российского института культурологии

Гениева Екатерина — д.ф.н., Генеральный директор ВГБИЛ им. М.И. Рудомино

Гербер Алла — Президент Межрегионального благотворительного фонда «Холокост»

Гозман Леонид — сопредседатель партии «Правое дело»

Гудков Лев — Директор Аналитического центра Юрия Левады

Даниэль Александр — член Правления Международного общества «Мемориал»

Донат Клаус-Хельге — корреспондент газеты «Die Tageszeitung»

Дубин Борис — Руководитель отдела социально-политических исследований «Левада-Центра»

Ермаченко Игорь — к.и.н., доцент Санкт-Петербургского государственного педагогического университета

Ерофеев Виктор — писатель, телеведущий и автор программы «Апокриф»

- Жуков Юрий** — д.и.н., ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН
- Зоркая Наталия** — научный сотрудник «Левада-Центра»
- Илюшенко Владимир** — писатель, публицист
- Ковалев Сергей** — правозащитник, депутат Государственной Думы Федерального Собрания РФ первого–третьего созывов
- Куняев Станислав** — писатель, Главный редактор журнала «Наш современник»
- Левинсон Алексей** — научный сотрудник «Левада-Центра»
- Лукьянов Федор** — Главный редактор журнала «Россия в глобальном мире»
- Макаров Андрей** — Генеральный директор правления «АИРО-XXI»
- Марголина Соня** — журналист, публицист
- Мартынов Андрей** — к.и.н., журналист
- Мироненко Сергей** — д.и.н., профессор, Директор Государственного Архива Российской Федерации
- Мондей Крис** — доктор философии, профессор Университета Донгseo, Южная Корея
- Померанц Григорий** — философ, публицист
- Проханов Александр** — писатель, Главный редактор газеты «Завтра»
- Райтшустер Борис** — корреспондент журнала «Focus»
- Сергеев Сергей** — главный редактор журнала «Москва»
- Скороденко Наталья** — писатель
- Соколов Борис** — д.ф.н., профессор, Член Международного Совета «АИРО-XXI»
- Соколов Никита** — шеф-редактор журнала «Отечественные записки»
- Сорокин Андрей** — Генеральный директор издательства «РОССПЭН»
- Улицкая Людмила** — писатель
- Урнов Марк** — профессор, Декан факультета прикладной политологии Высшей школы экономики
- Ферретти Мария** — доктор философии, историк, журналист
- Чудакова Мариэтта** — д.ф.н., профессор
- Шевченко Максим** — телеведущий, Главный редактор журнала «Смысл»
- Шмид Вальтер** — Посол ФРГ в России
- Эггерт Константин** — корреспондент Русской службы BBC
- Эш Кристиан** — корреспондент газеты «Berliner Zeitung»

СТАРО-НОВЫЕ РОССИЙСКИЕ МИФЫ: КРИЗИС ЗНАНИЯ ИЛИ СОЗНАНИЯ?

Материалы российско-немецкого форума

Москва, Овальный зал ВГБИЛ 3 декабря 2008 года

Под редакцией

Фалька Бомсдорфа, Геннадия Бордюгова, Екатерины Гениевой

Компьютерная верстка
и техническое редактирование — С.П. Щербина.

ISBN 5-91022-106-X

Подписано в печать с оригинал-макета 02.03.2009
Формат 60×84 1/16. Бумага офс.
Усл. печ. л. 12,0
Тираж 2000 экз.

Фонд Фридриха Науманна
Минская улица, жилой комплекс "Сетунь",
дом 26А, 119590, Москва, Россия
Тел.: +7 (495) 232-65-30 или 956-10-29
Факс: +7 (495) 956-10-08
Email: office19.russia@fnst.org или moskau@fnst.org